

Universitat de Barcelona
Departament de Lingüística General
Universitat de Barcelona

**LÉXICO CON VALORACIÓN EMOCIONAL POSITIVA
EN RUSO**

**Лексика с положительной эмоциональной оценкой
в современном русском языке**

Andrei Zainouldínov

Tesis doctoral dirigida por:
Dr. Joan Castellví

Barcelona, 2005

*“Русская душа предпочитает чувства – фактам,
эмоции – определённости”
 (“Russkaya dusha (Russian soul) appeals to feeling rather than fact,
sentiment over certainty.”) (Richmond 1996:46)*

Лексика с положительной эмоциональной оценкой в современном русском языке

Оглавление

1.	Введение	1
2.	Эмоциональная Оценка как лингвистическая категория	9
2.1	Типология языковой информации. Функции языка. Прагматическая подсистема языковой информации как отражение экспрессивной функции языка	9
2.2	Номинативный и прагматический аспекты значения слова. Денотат и коннотат. Лексическое (словесное) значение. Эмоциональная оценка и лексическое значение слова	14
2.3	Логические и психологические критерии обоснования категории <i>Эмоциональная Оценка</i>	19
2.4	О соотношении категорий: <i>Экспрессивность, Эмоциональность, Оценочность (Эмоциональная Оценочность)</i> . <i>Образность</i> как семантический компонент значения слова	22
2.5	Обзор лингвистических исследований, посвященных изучению <i>Эмоциональной Оценочности</i> как семантико-стилистической категории	38
2.5.1	Выражение эмоциональной оценочности на лексическом уровне	41
2.6	Определение корпуса эмоционально-оценочных лексических единиц	48
2.7	Лексикографическое представление экспрессивного фонда русской лексики в толковых и фразеологических словарях	56
2.8	Выводы	67

3. Семантико-тематическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой	71
3.1 Лексика, выражающая ласковое отношение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой	71
3.1.1 Словообразовательные (аффиксальные) средства выражения ласкового отношения: а) лексемы (ЛСВ слов) с уменьшительно-ласкательными суффиксами; б) лексемы (ЛСВ слов) с ласкательными суффиксами	74
3.1.2 Собственно-лексические средства выражения ласкового отношения	84
3.1.2.1 Лексемы (ЛСВ слов), возникшие в результате метафоризации (метафорические наименования)	84
3.1.2.2 Лексемы (ЛСВ слова), возникшие в результате первичной номинации	88
3.2 Лексика, выражающая дружелюбное отношение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой	91
3.2.1 Словообразовательные (аффиксальные) средства выражения дружелюбного отношения	94
3.2.2 Собственно-лексические средства выражения дружелюбного отношения	98
3.3 Лексика, выражающая одобрение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой	103
3.3.1 Лексика, выражающая одобрение, как продукт вторичной номинации	106
3.3.2 Лексика, выражающая одобрение, как продукт первичной номинации	120
3.3.3 Словообразовательные средства выражения одобрения	124
3.4. Лексика, выражающая восхищение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой	126
3.4.1 Собственно-лексические средства выражения восхищения.	127
3.4.1.1 Лексемы (ЛСВ слов), семантика которых отражает соответствие высшему уровню: образцу, идеалу	128
3.4.1.2 Лексемы (ЛСВ слов), семантика которых отражает особое выделение на фоне положительно-оцениваемого уровня	131
3.4.1.3 Лексемы (ЛСВ слов), соотносимые с эмоциями высокой степени интенсивности	133
3.4.1.4 Лексемы (ЛСВ слов), выражающие восхищение за счет лексико-семантической и тематической отнесенности ...	134
3.4.2 Морфологические и словообразовательные средства выражения восхищения	144
3.5. Закономерности формирования оценочной семантики одобрения и восхищения	146

3.6.	Семантические закономерности формирования положительно-оценочной семантики в рамках ЛТГ (лексико-тематических групп)	151
3.7	Выводы	166
4.	Синтагматическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой	171
4.1	Синтагматика слов, обусловленная синтаксическими позициями	171
4.1.1	Синтагматические особенности лексики с положительной эмоциональной оценкой в позиции обращения	171
4.1.2	Синтагматические особенности лексики с положительной эмоциональной оценкой в позиции предиката	175
4.1.3	Особенности реализации положительной эмоциональной оценки в позиции приложения	186
4.2	Сенсбилизация как один из определяющих факторов использования лексем с положительной эмоциональной оценкой	190
4.3	Эмоционально-оценочная транспозиция лексических единиц	199
4.4	Выводы	204
5.	Заключение	207
	Библиография	211
	Приложение 1. Словник лексических единиц с положительной эмоциональной оценкой СО	
	Приложение 2. Словарь русских лексических и фразеологических единиц с положительной эмоциональной оценкой (литературный язык, фразеология, сленг)	
	Приложение 3. Список положительно-оценочных аффиксов	

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблема языковой (и, в частности, лексической) оценочности в последние десятилетия привлекла внимание многих российских и зарубежных исследователей (работы Галкиной-Федорук, Киселевой, Арутюновой, Арнольд, Лукьяновой, Вольф, Телия, Трипольской, Мягковой, Wierzbicka, Vendler, Fillmore, Charleston).

Получили убедительное разрешение отдельные аспекты данной проблематики:

- разграничены языковая и речевая оценочность; категории экспрессивность, эмоциональность и оценочность;
- выработано понимание оценочности как семантической категории и др.

Тем не менее следует отметить дискуссионность ряда положений (дифференциацию рациональной и эмоциональной оценок, использование логических и психологических критериев для обоснования характера оценки, обусловленность эмоциональной оценки стилистическими факторами), а также отсутствие общепринятого определения эмоциональной оценки и средств ее выражения.

Актуальность исследования, посвященного изучению лексической системы единиц, выражающих положительную эмоциональную оценку, и закономерностей их функционирования, определяется прежде всего нерешенностью указанных выше теоретических проблем, а также недостаточной изученностью эмоционально-оценочной лексики с положительной оценкой в теоретическом плане, о чем свидетельствует отсутствие монографических работ, в которых эта лексика была бы предметом анализа.

Изучение лексики, выражающей положительную эмоциональную оценку, является одним из аспектов овладения иностранными учащимися средствами речевого воздействия (в различных сферах общения), что представляется особенно важным при обучении русскому языку на основе принципа активной коммуникативности (см. работы Киселевой (1980, 1983), Акишиной, Формановской (1978, 1982), Родимкиной (1977), Стернина (1982), Кондрашовой (1983) и др.)

Данная лексическая подсистема недостаточно освещена в толковых и учебных словарях, на что указывает отсутствие соответствующих стилистических помет или их непоследовательность в разных толковых словарях русского языка.

Не выявлены инвентарь слов, выражающих положительную эмоциональную оценку, системные связи между языковыми единицами, закономерности их существования и функционирования.

Практическое значение изучения лексики с положительной эмоциональной оценкой определяется следующими положениями:

- а) широким использованием слов с положительной эмоциональной оценкой как средств воздействия в речевом общении, позволяющим сделать более эффективным процесс усвоения учебного материала;
- б) сложностью семантики единиц, требующей особых приемов презентации и семантизации в иностранной аудитории;
- в) необходимостью системной организации работы по предупреждению ошибок в употреблении слов данной функционально-коммуникативной группы и их устранению;
- г) развитием умений и навыков адекватного анализа русской художественной литературы, обеспечением более глубокого понимания художественных и публицистических текстов.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является изучение лексики с положительной эмоциональной оценкой в современном русском языке, ее общих и функционально-обусловленных лексико-семантических свойств для выявления основных принципов организации и функционирования лексических единиц данной подсистемы.

В соответствии с этим в работе ставятся следующие задачи:

- 1) выявить систему лексических единиц с языковой положительной эмоциональной оценкой на основе учета словарных дефиниций и лексикографических помет толковых словарей;
- 2) на основе лексико-семантических и тематических признаков осуществить семантико-тематическую классификацию данной лексики; определить закономерности формирования вторичной оценочной семантики на основе тематической принадлежности первичной номинативной семантики; обобщить лексикографическое описание эмоционально-оценочной лексики;
- 3) определить синтагматические особенности слов, выражающих положительную эмоциональную оценку, выявить закономерности типичной сочетаемости и функционирования лексических единиц в тексте.

Для решения изложенных задач необходимо:

- а) проанализировать существующие концепции эмотивной оценочности;
- б) определить сущность категории положительной эмоциональной оценки, критерии выделения лексики, выражающей данный вид оценки;
- в) на основе классификационных признаков установить разновидности положительной эмоциональной оценки, средства создания оценочной семантики;
- г) использовать принципы лексико-семантической и тематической отнесенности как основы организации исследуемого материала,

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые осуществляется лексико-семантическое описание средств выражения положительной эмоциональной оценки как единой функционально-коммуникативной подсистемы.

Автор предлагает собственную точку зрения на явление эмоциональной оценки, классификацию эмоционально-оценочных (и близких к ним по семантике) единиц. Предложены критерии определения эмоционально-оценочной лексики, позволяющие формализовать интуицию субъекта и адресата акта оценивания как носителей языка. Новым является выделение дружелюбного отношения как самостоятельного вида положительной эмоциональной оценки.

Впервые определяется тематическая отнесенность ЛТГ (лексико-тематических групп), определяющая характер оценочности вторичных единиц. Закономерности, выделенные в результате анализа системной организации и функционирования лексических единиц, могут быть распространены на другие виды эмоционально-оценочной лексики.

Положения, выносимые на защиту.

Эмоциональная оценка определяется как отражение эмотивного мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить взаимоотношение категорий *Экспрессивность*, *Эмоциональность* и *Эмоциональная оценочность*: все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны.

Выдвигается гипотеза, что возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание; другими словами, *Эмоциональная оценка* может быть определена через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных.¹ В качестве критерия возникновения эмоциональной оценки на лексическом уровне предложена значимость внутренней формы лексических единиц (семантическая и словообразовательная мотивированность).

Компонентами Эмоциональной оценки являются:

- метафорическая образность;
- интенсивность выражаемого признака;
- звуковая образность;
- словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением.

Определены виды положительной *Эмоциональной оценки*, при этом впервые выделяется дружелюбное отношение как самостоятельный вид *Эмоциональной оценки*:

¹ см. замечание Wierzbicka о возможности необходимости создания модели универсальных семантических примитивов как инструмента исследования естественного семантического языка (Wierzbicka 1996a:86).

- дружелюбное отношение;
- ласковое отношение (разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности);
- одобрение;
- восхищение (разница по сравнению с одобрением в интенсивности).

Выделены ЛТГ (лексико-тематические группы), определяющие возникновение вторичной положительно-оценочной семантики на основе тематической отнесенности первичной семантики лексем; определены сквозные семы ('волшебного', 'небесного', 'блеска', 'сказочного', 'сладкого' и др.), обуславливающие существование оценочных квазистереотипов (*ангел, чудо, царь, волшебный, малина, конфетка, золото, солнце, звезда* и др.); выявлена зависимость переосмысления первичной семантики (первичная семантика – переосмысленный признак – вторичное оценочное значение: *железный – крепкость – железный характер*).

Эмоционально-оценочными признаются единицы, у которых прагматически компонент находится в коннотативном компоненте лексического значения. Определена разновидность номинативно-оценочного значения (собственно-оценочное значение) с минимально долей номинативного; выявлены тенденции стремления эмоционально-оценочных единиц к диффузности номинативного значения, тяготения собственно-оценочных единиц к восхищению и ласке.

Практическая ценность исследования. Выводы исследования могут быть использованы при разработке типологии средств речевого воздействия. Результаты и данные реферируемой работы могут найти применение при создании лексических минимумов, учебных, методических и лексикографических разработок по проблемам преподавания русского языка как иностранного, при отборе материала в учебных целях и построении практических занятий по современной лексикологии, а также при разработке спецкурсов по лексикологии и функциональной стилистике. Возможно также использовать данные для создания *Словаря экспрессивной оценочной русской лексики* и электронной базы экспрессивной лексики и фразеологии.

Материалом исследования является лексика современного русского литературного языка (прежде всего прилагательные и существительные) разной стилистической принадлежности, выражающая положительную эмоциональную оценку. Источниками языкового материала послужили словарные иллюстрации

толковых словарей: *Словаря русского языка Ожегова (СО)*, *Толкового словаря русского языка Ушакова (СУ)*, *Словаря современного русского литературного языка в 17 томах (БАС)*, *Словаря русского языка в 4 томах (МАС)*, *Толкового словаря русского языка конца 20 века (ТСРЯ)*; фразеологических словарей: *Русские фразеологизмы Фелициной и Мокиенко (РФЛС)*, *Фразеологического словарь русского литературного языка конца 18-20 века Федорова (ФСРЛЯ)*, *Словаря русской фразеологии Бирих, Мокиенко, Степановой (СРФ)*; *Словаря московского арго: материалы 1980-1994 г. Елистратова (СМА)*, *Этимологического словаря русского языка Фасмера*, а также художественные произведения русской и советской литературы, рекомендованные для иностранцев-филологов.

Выборка основного корпуса лексических единиц проводилась на основании лексикографических помет, языковой интуиции исследователя как носителя языка, лингвистических критериев выделения положительной эмоционально-оценочной лексики. Сплошная выборка составила 2025 лексем и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов², 565 ФЕ (фразеологических единиц), и более 4000 словоупотреблений.

Методы исследования. Основной метод, применяемый в работе, – метод лингвистического описания, состоящий в отборе, систематизации и описании языкового материала, содержащего положительную эмоциональную оценку. Использование указанного метода, базирующегося на лингвистическом наблюдении, комплексном лексико-семантическом анализе (в пределах лексико-семантических и тематических групп) позволяет раскрыть сложные процессы системных отношений. Наряду с описательным методом в работе применяется комплексная методика, состоящая из приема идентификации (Балли), дефиниционного, контекстного и компонентного анализа.³

Структура диссертации определяется последовательностью решения поставленных задач. Работа состоит из введения, 3-х исследовательских глав, заключения и 3 приложений. В *Приложении 1* помещен перечень исследуемых

² Лексико-семантический вариант слова – слово в определенном значении (Смирницкий 1956:42; Телия 1996:15; Ахманова 1957).

³ Интересны возможности статистики при выражении эмоциональной оценочности в разных языках. Так, в своей работе Wierzbicka указывает на значительно большую частотность использования эмоциональной лексики в русском языке по сравнению с английским языком и исключительно высокую частотность слова *прекрасный* в русском языке (Wierzbicka 1996a:84).

лексических единиц, выражающих положительную эмоциональную оценку, представленный в СО, в *Приложении 2* представлен *Словарь русской положительной эмоционально-оценочной лексики и фразеологии* на базе литературного языка, сленга и частично фразеологии (всего 2025 единицы, из них 565 ФЕ), составленный автором, в *Приложении 3* дается список эмоционально-оценочных аффиксов. В работе содержатся список источников и библиография, включающая 213 наименований.

Во *Введении* обосновывается выбор темы диссертации и объекта исследования, определяются цель и задачи работы, методы анализа материала, формулируются научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, излагается структура диссертации.

Во II главе *Эмоциональная оценка как лингвистическая категория* резюмируются философские, психологические и лингвистические основы выделения понятия эмоциональной оценки, уточняется место эмоциональной оценки в общей типологии оценок. Определяется позиция автора в связи с проблемами соотношения эмоциональной оценки и лексического значения слова, взаимоотношения категорий *Экспрессивность*, *Эмоциональность*, *Оценочность*, системной организации лексического материала. Предлагается описание лексикографического представления экспрессивного материала в русских толковых и фразеологических словарях. Здесь же разъясняется терминология, используемая в диссертации.

В III главе *Семантико-тематическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой* представлено описание парадигматической организации лексических единиц (существительных и прилагательных), лексико-семантической и тематической отнесенности ядерной части оценочных единиц. Дана характеристика собственно-лексических (продуктов первичной и вторичной номинации) и словообразовательных средств выражения выделенных видов положительной эмоциональной оценки. Предложена классификация лексических единиц, выражающих положительную эмоциональную оценку, согласно их первичной тематической отнесенности (в рамках ЛТГ).

IV глава *Синтагматическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой* посвящена анализу функционирования оценочной лексики в текстах художественной литературы (на уровне словосочетания и предложения). Рассмотрены основные синтаксические позиции, в которых используется лексика с положительной эмоциональной оценкой, особенности семантики лексем с

конструктивно обусловленным значением, явления сенсibilизации и эмоционально-оценочной транспозиции языковых единиц.

В *Заключении* обобщается ряд положений, выдвигаемых в диссертации.

2. Эмоциональная оценка как лингвистическая категория

2.1 Типология языковой информации. Функции языка. Прагматическая подсистема языковой информации как отражение экспрессивной функции языка.

Языковая информация представляет собой передаваемое в разных коммуникативных целях средствами языка (или речи) содержание, отображающее не только собственно-интеллектуальные (когнитивные) понятия, суждения, умозаключения, но и эмоциональные концепты (в широком смысле), в которых находят отражение эмоциональные, эстетические оценки носителей языка, их побуждения, контактные устремления, а также содержание, передающее сведения о социальном статусе как носителей языка, так и самих языковых средств.

Понимание содержания языковых единиц как информации следует из трактовки человеческого языка как знаковой системы особого рода, специфика которой определяется прежде всего единством двух его основных функций – *мыслительной* (быть инструментом мышления) и *коммуникативной* (быть инструментом общения).

Именно единством мыслительной и коммуникативной функций, характерным для языкового знака, обуславливается своеобразие его семиотической природы: будучи обобщенным концептуальным отражением действительности, языковой знак является символом; будучи предназначенным для осуществления тех или иных целей коммуникации, языковой знак предстает как сигнал, направленный на регуляцию внутреннего и внешнего поведения человека.

По своим управляющим свойствам языковая информация не однородна: разные подсистемы языковой информации обнаруживают различный характер заданности коммуникативных свойств, влияющий на их управляющие свойства, что и предопределяет существование типологии управляющей языковой информации.

К одной из первых типологий языковой информации, созданных на коммуникативной основе, принадлежит классификация значений, предложенная в работах Richards (1925:118,125,126) и Ogden (1936:200). Richards выделял два вида значений слов и их функций – *символическое* (референциальное) и *эмотивное* (эвокативное). Для первого типично передавать информацию; второе характеризуется целями: выразить отношения (чувства) к слушателю или к объекту (референту) и вызвать у него направленный аффект.

В русском языкознании подобную типологию предложил Якубинский, противопоставивший два видоизменения речи: речь при преобладающем влиянии *эмоционального* или *интеллектуального* момента (1986:97). Существует и ряд других лингвистов, определяющих в той или иной степени существование двух или более противопоставленных типов информации в рамках авторских классификаций. Так, Долежел (1964) выделяет четыре функциональные сферы в коммуникативной сети языка: *познавательную, директивную, эстетическую и контактную*. Бояджиев предлагает выделить три функции языка – *коммуникативной, мыслоформирующей и эстетической* (1968:106,107). Morris, в свою очередь, рассматривает *информативное* употребление знаков как равноценное *прагматическому* употреблению наряду с *оценочным* и *инцидивным* (*прескрипторным*) (1955:95-125).

По справедливому свидетельству Якобсона (1965:374-376), лишь в период между двумя мировыми войнами в связи с разработкой в европейской лингвистике целевой модели языка (или модели 'средство – цель') определение функций языка как его целевой направленности получило необходимую квалификацию в Пражском лингвистическом кружке: "...язык есть система средств выражения, служащая какой-то определенной цели" (ПЛК 1967:17).

Детализированная иерархическая система функций языка изложена в работах Ammer (1958), где реализованы в обобщенном виде идеи его предшественников Bühler и Kainz (1941). Ammer выделяет две основные первичные функции языка: *диалогическую функцию* и *монологическую (адиалогическую)*, связанные между собой.

Диалогическая функция, в свою очередь, подразделяется на:

- 1) *функцию выражения, или экспрессии, реализующуюся посредством языковых средств, выражающих эмоции, эмоциональные оценки, оценочные суждения;*
- 2) *функцию обращения, побуждения, волеизъявления, для осуществления которой используются приказы и вопросы всех видов, высказывания, выражающие желание;*
- 3) *функцию сообщения, информации.*

Адиалогическая функция членится Ammer также на функции, соотносительные с бюлеровскими функциями:

- 1) *функцию самовыражения, экспрессии (вероятно, без ориентации на собеседника);*
- 2) *функцию самоуправления, саморегуляции;*
- 3) *функцию интеллектуальной деятельности.*

Таким образом, можно резюмировать, что предназначенность языка для удовлетворения потребностей мыслительной деятельности представляет собой его *мыслительную функцию*. При этом подчеркивается широко признаваемая в современной психологии тесная связь между такими сферами психической деятельности, такими как *интеллектуальная, эмоциональная и волевая*¹, которая находит свое выражение в существовании таких тесно взаимосвязанных видов мышления, как рациональное и эмоциональное мышление (и их разновидности).

Термином *коммуникативная функция* обозначается предназначенность языковых средств для удовлетворения потребностей вербального общения, т. е. потребностей в обмене языковой информацией (а не односторонней передаче, сообщении).

Необходимо подчеркнуть, что *мыслительная и коммуникативная функции* (также как *диалогическая и адиалогическая функции у Ammer*), образующие диалектическое единство, предстают как социально равноправные: они не сводимы друг к другу и не обобщаются друг в друге, так же как детерминирующие их потребности мышления и общения.

¹ "Существует динамическая смысловая система, представляющая собой единство аффективных и интеллектуальных процессов..." (Выготский 1956:54).

В работе Calvo также выделяется *экспрессивная* функция (включающая магическую и эстетическую), наряду с 3 другими: *декларативной, социальной и практической* (*función impresiva*) (1990:88-97) (перевод наш – А.З.).

Обобщая широко представленные классификации, Киселева (1978) в своей работе предлагает наиболее стройную и непротиворечивую классификацию типов языковой информации в ее соотношении с функциями языка. Данное понимание принимается в качестве основополагающей идеи в настоящей работе

Согласно концепции Киселевой, разновидностями коммуникативной функции признаются *интеллектуально-информативная* и *прагматическая (экспрессивная)* функции. В свою очередь, разновидностями интеллектуально-информативной функции являются *номинативная, релятивная и дейктическая* функции; а подтипами прагматической функции являются функции *эмоциональная, эмоционально-оценочная, экспрессивная, эстетическая, побудительная и контактная*. (1978:41).

При этом термин *номинативная функция* как разновидность коммуникативной функции предстает как термин-дублет таких широкоупотребительных терминов как *референтная функция, денотативная функция*, если только под последними терминами понимать не обозначение предметов внешнего мира, а обозначение отраженного в сознании элемента объективной реальности, т. е. понятия о классе предметов действительности.

Под *экспрессивной* функцией понимается предназначенность языковых средств для воздействия на психику и поведение адресата посредством их особых выразительно-образительных качеств, таких, как образность, интенсивность (обозначаемого признака, действия), 'новизна' ('свежесть') и др. Именно *экспрессивная* функция в данном понимании определяет специфику прагматического компонента значения слова.

Прагматическое назначение экспрессивной информации основано на механизме ориентировочного рефлекса: "*Новизна ... повышая нашу восприимчивость... подготавливает нас к воздействиям более существенным*" (идея Павлова в интерпретации Саламон (1968:320)).

Языковая управляющая информация представляет собой систему иерархически взаимосвязанных подсистем, различающихся характером заданных

коммуникативных свойств. В зависимости от характера заданных коммуникативных свойств все подсистемы языковой информации можно разделить на две основные группы.

К первой группе относятся собственно *информативные* подсистемы. Такие подсистемы имеют информативную заданность, предназначены для констатации и информирования, осведомления о чем-либо адресата без расчета на его ответную поведенческую реакцию (организацию его поведения).

Вторую группу образуют собственно *прагматические* подсистемы языковой информации. Данные подсистемы характеризуются прагматической заданностью, нередко наряду с информативной: они предназначены для воздействия на психику и для регуляции поведения адресата. Прагматические подсистемы апеллируют непосредственно к эмоционально-волевой сфере психики и через нее к интеллекту.

Подобное разграничение представлено также в работах теории эмотивности и теории речевых актов. Так, употребление первого типа Stevenson называет *дескриптивным*, а употребление второго типа – *динамическим* (1985). Динамические употребления позволяют давать выход нашим чувствам (ср. употребление междометий), создавать настроения (ср. поэтическую функцию речи) или побуждать людей к действиям и убеждениям (ср. речь ораторов) (Stevenson 1964:16).

Searle настаивал на том, что основное различие между дескриптивным и оценочным (в широком смысле) значениям сводится к различиям в иллокутивной силе соответствующих высказываний (Searle 1969, 1979; 1976:187) и в различных целях высказывания: *“цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п.”* (Searle 1976:183).

К собственно информативным подсистемам языковой информации относятся:

- а) собственно *семантическая* (интеллектуальная, рациональная, когнитивная, логическая, индикативная, дескриптивная и т. п.) (на лексическом уровне языковые единицы типа *автодорожный, отремонтировать, институт, какой-либо, здесь, пять, двое*);

- б) *релятивная* подсистема (или подсистема отношений) (на грамматическом уровне подсистемы причинности, пространственности, темпоральности, неопределенности, количественности);
- в) *социально-стилистическая* подсистема (информация о сфере общественного употребления языковых единиц и социальном статусе носителей языка).

К прагматическим подсистемам языковой информации относятся:

- а) *экспрессивная*;
- б) *эмоциональная*;
- в) *эмоционально-оценочная*;
- г) *эстетическая*;
- д) *побудительная*;
- е) *контактная* подсистемы языковой информации (Киселева 1978:45).

Приведенные подсистемы языковой информации, расчленение которых обусловлено прежде всего эвристическими целями (более углубленным познанием целого – управляющей языковой информации), образуют диалектическое единство: они органически взаимосвязаны, взаимно проникают и взаимодействуют в процессе функционирования, границы между ними подвижны.

2.2 Номинативный и прагматический аспекты значения слова. Денотат и коннотат. Лексическое (словесное) значение. Эмоциональная оценка и лексическое значение слова.

В семантике различаются три разных подхода в исследованиях. Языковые факты могут изучаться на основе:

- отношения между языком и объектами, состояниями, явлениями;
- отношения между языком и ментальными состояниями;
- отношения между языком и экстралингвистическими факторами.

Первые две оппозиции определяют специфику определения значения слова; с одной стороны, выделяются *объективные* или *номинативные* аспекты значения, с другой стороны, выделяются *субъективные*, которые также называются *прагматическими*. Так, выделяются следующие группы в классификации Crystal:

- а) *Объективные*: референциальные, дескриптивные, денотативные, экстенциональные и фактуальные (фактические);
- б) *Субъективные*: отношений, аффективные, коннотативные, эмоциональные, экспрессивные (Crystal 1997:237).

На основе данной классификации в рамках исследуемой темы достаточно принципиального разграничения между компонентами номинативными (объективными) и прагматическими (субъективными).

Номинативные компоненты соотносятся с понятиями-дублетами: *дескриптивное – денотативное – рациональное*, и прагматические – с понятиями-дублетами *экспрессивное – коннотативное – эмоциональное*. Указанные компоненты могут взаимодействовать друг с другом, что выражается в разных терминологических парах: дескриптивное с экспрессивным, денотативное с коннотативным, рациональное с эмоциональным (Киселева 1969, 1978; Шаховский 1983, Телия 1981, 1986; Трипольская 1985:12; Попова, Стернин 1984:57)².

Номинативный аспект семантики языка исследован глубоко и всесторонне в многочисленных работах по семантике. *Прагматический* аспект в свою очередь требует уточнения ряда позиций, непосредственно связанных с пониманием категории коннотативности. Например, не существует общепринятого понимания таких понятий, как *Эмоциональность*, *Эмотивность*, *Коннотативность*, *Аффективность*, *Эмоциональная оценочность*.

В настоящее время идею о сочетании в значении слова рационального и эмоционально-оценочного компонентов можно считать общепризнанной, тем не менее необходимо уточнить ряд вопросов, касающихся места и характера оценочности в структуре лексического значения, ее соотношения с денотатом, сигнификатом и коннотатом.

Прежде чем рассмотреть отношения между лексическим значением и эмоциональной оценочностью, стоит остановиться на разьяснении характера отношений между лексическим значением и понятием. Существуют 3 подхода в исследованиях подобного рода:

² ср. “дескриптивное с оценочным и эмотивным” (Телия 1991:19)

- отождествление лексического значения и понятия (по крайней мере концептуального ядра) (Анохин 1957, Ковтун 1955, Будагов 1976, Филин 1982);
- отрицание возможности противопоставления этих явлений;
- идея, согласно которой концептуальное ядро лексического значения обволакивается дополнительными смысловыми оттенками экспрессивного и стилистического свойства (Апресян 1974:68; Кацнельсон 1965:12-15; Журавлев 1980, Купина 1983).

Отождествление понятия (рационального содержания) с лексическим значением слова соответствует концепции научного мышления вне признания самостоятельности художественного, обыденного в сознании с первостепенной ролью образного воспроизведения действительности и выполнением прагматической функции (Кацнельсон 1965:15; Ковтун 1955:77).

В исследованиях последних десятилетий общее признание получила идея о равноправии рационального и эмоционально-оценочного компонентов в структуре лексического значения (Киселева 1978, Шаховский 1980, Новиков 1982, Стернин 1985, Телия 1986). При данном понимании лексическое значение слова представляет собой *“реализацию понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы”* (Арнольд 1981:104), понятие признается нетождественным значению, включающему экспрессивные, эмоциональные и другие коннотации (Амосова 1958; Арнольд 1981:104), при этом разграничиваются семантическое значение и стилистические оттенки ³.

Различаются точки зрения, определяющие роль стилевой принадлежности в структуре значения слова; ряд исследователей включают в структуру лексического (словесного) значения только собственно семантические компоненты и не включают стилистические компоненты (Киселева 1978, Телия 1981; Новиков 1982; Арнольд 1981); другие исследователи включают в структуру лексического значения оба типа компонентов (Журавлев 1980, Петрищева 1984, Шанский 1972, Телия 1986).

В нашем понимании в лексическое значение слова включаются только те экспрессивные (в том числе эмоционально-оценочные) элементы, которые устойчиво и однозначно характеризуют само явление (*кляча, волшебный, прелесть*);

³ В российских работах последнего десятилетия все более активно используется термин *концепт* в значении понятия, включающего разнообразные коннотации и вызывающего определенные ассоциации.

для настоящей работы не представляется принципиальным вопрос включения/невключения в лексическое (словесное) значение стилистических элементов, характеризующие стиль речи или говорящих, которые определяют архаизмы, диалектизмы, профессионализмы.

Непризнание за *Эмоциональной оценкой* статуса компонента семантической структуры слова приводит к отождествлению экспрессивного значения и стилистического признака, при этом игнорируется справедливое положение о том, что стилистическая окраска лишена предмета обозначения (нет корреляции 'обозначающее – обозначаемое'). Экспрессивный же компонент (и эмоционально-оценочный как его разновидность), как и логический, соотносится с 'обозначаемым', 'предметом', представляющим собой не вещи и явления действительности, а "*субъективные формы эмоциональных и волевых реакций человека, вызванных действительностью*" (Панасюк 1973:7), вследствие этого должен быть включен в лексическое значение слова.

Таким образом, выявляется двуденотативность экспрессивного слова, при этом одним денотатом, как и у нейтрального слова, является фрагмент объективной реальности или ее производное, а другим денотатом – психика человека.⁴

Семантика *Эмоциональной оценочности* отражает не признаки денотата, а определенное к нему отношение (Попова, Стернин 1984:57), что позволило ряду исследователей определить оценку как сигнификативный компонент лексического значения слова (Лисицина 1985:9; Новиков 1982:101).

По нашему мнению, *Эмоциональная Оценка* может иметь также самостоятельное значение при выражении оценочных эмоций, вне сопровождения других типов оценки, при этом оценка может заключаться не только в *коннотативном*, но и в *денотативном* компоненте значения.

В случае, когда эмоциональная оценка явления, безотносительная к его конкретным свойствам, является денотатом лексического значения (единицы типа *милый, дорогой, проклятый, пакость*), предметно-логическое значение заключается в самом общем понятии о чрезвычайно милым, или, наоборот, отвратительном.

⁴ "*Эмоциональные переживания, типизированные психические состояния, волевые побуждения как относительно самостоятельная специфическая часть реального мира*" (Матвеева 1982:6; Киселева 1969:272)

В системном виде типология лексических значений языковых единиц нашла отражение в работах Киселевой (1969, 1978), где в соответствии с коммуникативными функциями выделяются:

- 1) номинативное;
- 2) дейктическое (указательное);
- 3) номинативно-оценочное;
- 4) характеризующее;
- 5) эмоциональное лексические значения (Киселева 1969:275).

В рамках номинативно-оценочного лексического значения происходит комбинация понятийно-предметного и эмоционально-оценочного содержания. Пропорция сочетания данных компонентов зависит от конкретного слова; так, эмоционально-оценочная доля может быть настолько мала, что *“ее речевое выражение практически следует зачислить в категорию логического языка”* (Bally 1961:23), но верно также и обратное: *“чувство может господствовать настолько, что идея кажется сведенной к нулю”* (Bally 1961:23; Журавлев 1980:4-5). Например, научная терминология, с одной стороны, и междометия – с другой.

Концепция Киселевой (1969, 1978), согласно которой эмоциональная оценка может входить как в денотативный, так и в коннотативный компонент структуры значения слова, получила дальнейшее развитие в работах Матвеевой 1982, Телия 1981, 1986; Трипольской 1983; 1985:12; 1999; Поповой, Стернина 1985:57; Графовой 1987.

Возможно вместо понятий денотата и коннотата при описании экспрессивной лексики использование терминов *первично-номинативная семантика* (идентифицирующее значение экспрессивного слова) и *вторично-номинативная семантика* (дифференциальная часть лексического значения экспрессивного слова) (Матвеева 1982:11-12). При этом существенны уточнения, что денотатом вторично-номинативного значения является определенный аспект первично-номинативного денотата: свойство определенного объекта, и что экспрессивная часть лексического значения это *“смысл существования слова в языке”* (Матвеева 1982: 12).

Именно доминанта одного из типов значений (информативного или прагматического) определяет различие нейтральных и экспрессивных синонимов типа *кричать, ругаться* с одной стороны, и *орать, лаяться* – с другой.

К типам конstituентов, составляющим вторично-номинативное значение, относятся экспрессивное, эмоциональное и оценочное значения, выделяемые большинством исследователей (Киселева, Стернин, Купина; Bertrán, Mena, Lozano 1997).

В работе Телия (1986) центральное внимание уделяется макрокомпоненту значения, выражающему эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому, причем в это отношение включается эмотивно-оценочная модальность, стилистическая маркированность в самом широком смысле и собственно-экспрессивная окраска (Телия 1986:17).

Различие модальности *de re*, характеризующей предмет обозначения, и модальности *de dicto*, квалифицирующей обозначаемое по признаку, не входящему в денотацию, приводит к выделению в работе Телия собственно-оценочной (эмотивно-оценочной, коннотативной) модальности, благодаря чему разграничиваются случаи типа *рассеянный* – ‘Не умеющий сосредоточиться, невнимательный и несобранный человек.’ и *ворона* – ‘2. (разг.) перен. Зевака, ротозей.’ (СО)

Необходимо подчеркнуть формирование дополнительного оценочного значения в единицах со вторичной экспрессивной семантикой, так, “*медведь* – не просто неуклюжий, но и неловкий из-за громоздкости человек” (Телия 1986:25-26). Данное замечание подтверждает положение о том что “*эмоционально-оценочные слова отличаются, как правило, от своих синонимов не только эмоциональной оценкой, но и предметно-понятийным содержанием (критикан – человек, критикующий придирчиво, несправедливо + неодобр.)*” (Киселева 1969:273).

2.3 Логические и психологические критерии обоснования категории *Эмоциональная Оценка*.

Несмотря на то, что в логике не существует общепризнанной исчерпывающей типологии оценок, в работах Рубинштейна (1946), Ивина (1970) определены виды оценки, выделяемые на основе классификации сфер деятельности человека, в соответствии с чем различаются следующие оценки: утилитарная, техническая, экономическая, юридическая, политическая, классовая, моральная (нравственная), эстетическая.

Принципы, выработанные в логике оценок, получили свое развитие в работах лингвистов, занимающихся проблемами оценочности.

Видами оценок, не затрагивающими эмоциональной и эмоционально-оценочной семантики, признаются пространственные оценки, оценки величин, временные и экзистенциальные оценки, алетические модальные оценки (Киселева 1978:18), оценки объективной модальности, категории утверждения (отрицания) (Сергеева 1977:92), уже названная утилитарная оценка, а также юридическая оценка.

В то же время аксиологические (религиозные, политические, этические, эстетические) (Киселева 1978:18) и часть оценок в системе частно-оценочных значений типологии Арутюновой (гедонистическая, нормативная, психологическая, телеологическая) в значительно большей степени связаны с категориями эмоциональности и эмоциональной оценочности (ср. *“оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов”* Вольф 1985:16).

Использование логических критериев применительно к лингвистике позволяет отнести *Эмоциональную Оценку* к внутренним оценкам – оценкам, выражающим чувства симпатии/антипатии, противопоставленным в широком смысле (в связи с разнообразием используемой терминологии) оценкам внешним, утилитарным, телеологическим, инструментальным, оценкам средств, и соотносимым с собственно оценками, оценками интуитивными, первичными, оценками целей (Ивин 1970:137).

Принадлежность к внутренним оценкам не отрицает возможности наличия элемента нормативности, так как и в сфере эмоциональной оценочности существуют определенные стандарты, идеалы, образцы: *стереотипы* в терминологии Fillmore (1983:109), *квазистереотипы*, *прототипы* в терминологии Телия (1986:44; 1996:45), соответствующие объективным характеристикам эмоциональной оценки, закрепленным в языковом сознании и выражаемым значениям языковых единиц. Так, например, в русском языковом сознании символом глупости является баран, символом упрямства – осел, символом неуклюжести – медведь, что не совпадает с оценочными значениями в других языках.⁵

Специфический характер *Эмоциональной Оценки* заключается в том, что она может как сопровождать другие типы оценок, например, сенсорные, этические, эстетические, моральные оценки (Вольф 1985:43); аксиологические оценки

⁵ Например, для русского сознания маленькая птичка – это воробей, а для английского – малиновка, см. (Rosch 1978) см. также о национальной специфике при метафоризации Lakoff, Johnson (1980:14).

(политические, религиозные, этические, эстетические (Киселева 1978:18); оценки гедонистические, нормативные и психологические (Арутюнова 1985:15;), так и выступать самостоятельно. При этом эмоциональная оценка может включаться в разряд аксиологических как самостоятельная (Киселева 1978:18) или входить в состав психологических оценок наряду с интеллектуальной оценкой (Арутюнова 1985:15; Арутюнова 1988: 75-76; Вольф 1985:27).

В нашем понимании определение эмоциональной оценки как вида регулятивного отношения (в рамках теории речевого воздействия) обуславливает самостоятельную роль эмоционально-оценочной языковой информации в ряду аксиологических оценок; предметно-тематические сферы деятельности, определяющие выделение таких оценок, как утилитарная, техническая, экономическая, юридическая, политическая и др. являются классификационными критериями другого ряда, сопологаемыми с эмоциональной оценкой.

В соответствии с классификацией Ивина, разделяемой большинством исследователей, изучающих оценочную семантику, выделяются:

- *субъект* оценки (лицо или группа лиц, приписывающие ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки), характеризующий (оценивающий) предмет оценки как положительный или отрицательный;
- *предмет* оценки (объекты, которым приписываются ценности);
- *основание* оценки (внутренние, эмоциональные оценки, оценки норм: образцов, идеалов, стандартов в их отличии от внешних, утилитарных оценок, а также от временных оценок и оценок величин, не являющихся оценками в строгом смысле слова, не устанавливающих ценностных отношений);
- *характер* оценки, определяемый основанием (Ивин 1970:25-31).⁶

Особая роль эмоциональной оценки проявляется и в том, что далеко не все логические оценки находят свое отражение в лингвистических единицах в плане выполнения функции *выражения оценки* (курсив наш – А.З.) значениями языковых единиц (см. описанное выше противопоставление *номинативной и экспрессивной*

⁶ Некоторые авторы видят главное назначение ценностных суждений в том, чтобы оказывать влияние (Stevenson 1964:16). Оценочное суждение уже само по себе выражает коммуникативную цель рекомендации, побуждения к действию, предостережения, похвалы или осуждения. Его интерпретация, таким образом, "включает и фактор адресата и коммуникативную цель конкретного речевого акта." (Арутюнова 1988:6).

функций). Данное положение ограничивает круг явлений, связанных с *Эмоциональной Оценкой*, языковыми единицами, обладающими экспрессивной функцией (см. 2.1).

Необходимо отметить тесную связь оценочной и эмоциональной семантики: *“эмоция и оценка в составе психологической структуры значения слова неразделимы”* (Мягкова 1986:2); *“все определения эмоций как непосредственных реакций на мир так или иначе выделяют их связь с оценочной деятельностью сознания”* (Телия 1986:75).

Эмоции непосредственно связаны с функцией оценивания, так как *“осознать свое чувство – значит не просто испытать связанное с ним волнение, неизвестно чем вызванное и что означающее, а соотнести его ... с тем предметом или лицом, на который оно направлено”* (Рубинштейн 1946:11), что вызывает оценочную реакцию.

В соответствии с этим эмоциональная оценка представляет собой категорию, выражающую пристрастное (субъективное) отношение субъекта оценки к предмету оценки, отраженное в эмоциональном переживании. Объективизация данной оценки определяется наличием специальных средств выражения данной семантики, представленных в языке (как языковых (узуальных), так и речевых (оказиональных)).⁷

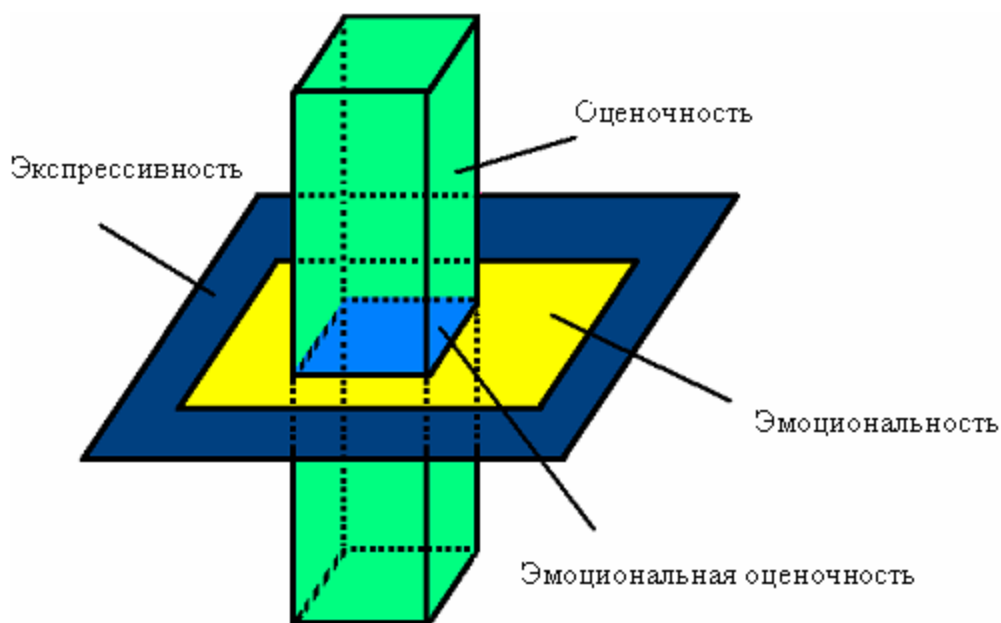
2.4 О соотношении категорий: *Экспрессивность, Эмоциональность, Оценочность (Эмоциональная Оценочность)*. *Образность* как компонент семантической структуры слова.

Уточнение и конкретизация ряда положений, касающихся экспрессивной семантики, стало возможным в результате разграничения понятий *Экспрессивности, Эмоциональности и Оценочности: Эмоциональной Оценочности* в понимании Киселевой, Вайгла, Харченко и *Эмоциональной и Интеллектуальной Оценочности* в понимании Петрищевой, Лукьяновой, Сергеевой.

Родо-видовая зависимость категорий экспрессивности и эмоциональности впервые была выявлена в работе Галкиной-Федорук (1958), дальнейшее развитие данная точка зрения получила в работах Киселевой (1968, 1978), Аглетдиновой (1996), в соответствии с которыми категория *Эмоциональной Оценочности* является частной разновидностью категории *Эмоциональности*: *Экспрессивность > Эмоциональность > Оценочность*.

⁷ ср. необходимость выражения интерпретации как знака (Morris 1983).

Согласно Киселевой, слова, которые указывают моральные оценки – эмоционально-оценочные, но не экспрессивные. Например, *добрый, смелый* и т.д. С позиций настоящей работы, если указанные единицы не являются экспрессивными, то они также не являются эмоционально-оценочными. Отношения между данными компонентами строго схематизируется следующим способом: [Экспрессивность [Эмоциональность [Эмоциональная Оценка]]].

Соотношение прагматических компонентов значения: Экспрессивность – Эмоциональность – Оценочность – Эмоциональная оценочность.

Остановимся более подробно на характеристике каждой из указанных категорий.

Общая сущность категории *Экспрессивности* заключается в реализации “установки на контрастность, необычность, нестандартность экспрессивного слова” (Матвеева 1979:10). Речевая экспрессивность связана с оригинальностью, нестандартностью, неожиданной выразительностью, ненормативностью употребления (Купина 1983:53). Она отражается в ряде многочисленных явлений разных уровней языка: фонетического (звуковая деформация слова, удлинение гласного звука⁸, специфическая интонация), синтаксического (логическая несовместимость в одном ряду разных понятий, лексические повторы, инверсия порядка слов),

⁸ см. “нужно протягивать гласную в прилагательном (например, хоро-оший), если мы хотим выразить высокую степень качества” (Потебня 1999:98).

стилистического (употребление иноязычного слова, взаимопроникновение разных по стилистическим характеристикам лексических слоев, гиперболы, контрастные сочетания) (Панасюк 1973:4; Васильева 1976:82). Указанные факты определяют речевую экспрессивность как стилистическое, а не лексикологическое явление.

Ряд исследователей считает, что категория языковой экспрессивности связана с семами качественно-количественного характера: семой интенсивности, соотношением образа (внутренней формы слова) с сопутствующими представлениями.

Данная точка зрения представлена в ряде классификаций: конститuentами *Экспрессивности* являются сема 'экспрессивности' ("интенсивность действия или качества, образность, новизна") (Киселева 1978:55); гиперболическое обозначение признака, образность, "свежесть" (малоупотребительность) (Петрищева 1984:7), "необычность в плане мотивации" (Матвеева 1979:10), "образность, интенсивность (экстенсивность), актуализация высокой или низкой степени признака некоторого признака, действия, состояния" (Лукьянова 1986:12), "интенсивность признака" (Полянский 1978:13).

Другие исследователи (Золотова 1982, Вольф 1985:43) считают экспрессивность свойством высказывания в целом, но вводят категорию аффективности, включающую сему высокой степени интенсивности⁹.

Усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного (Галкина-Федорук 1958:109-111) выявляется при сравнении лексико-синонимических пар: *хороший – прекрасный – потрясающий, смелый – храбрый, отважный* (Галкина-Федорук 1958:110-111).

При учете основных линий, по которым развиваются ассоциативные связи слова (содержательной и формальной), вычлняются 3 типа мотивационных отношений: а) по смыслу; б) по форме и смыслу; в) по форме, реализуемые в лексико-семантических, морфолого-словообразовательных и фонетических явлениях языковой системы.

Показателями лексической экспрессивности являются префиксы и суффиксы так называемой субъективной оценки: уменьшительно-ласкательные: *кисочка, малышка,*

⁹ ср. понимание коннотации, близкое к широкому пониманию категории экспрессивности (Телия 1986:5)

детишки, ласковые суффиксы: *денечек*, *солнышко*, уменьшительные суффиксы: *барашек*, *козлятки*, префиксы со значением увеличения *раз-*, *пре-*: *развеселый*, *преинтересный*, уничижительные суффиксы (примеры), префиксы *раз-*, *пре-* (*развеселый*, *преинтересный*) (Галкина Федорук 1958:107; Киселева 1978:55), затемненность внутренней формы слов, словообразовательная и семантическая мотивированность слов (единицы типа *рифмоплет*, *нежиться*, *звездануть*), включающая примеры метафорических наименований (*осел*, *малина*, *зубр*), звуковая образность слов с ярким фонетическим обликом, звукоподражательных слов (*хмырь*, *цаца*, *тюха*) (Лукьянова 1986:14; Романов 1986:15).

Эмоциональность (по отношению к высказыванию) представляет собой “выражение душевного переживания, волнения говорящего (чувства, побуждения)” (Беломорец 1975:7).

Нельзя не согласиться с Wierzbicka, считающей *Эмоциональность* как одну из наиболее важных семантических характеристик, образующие смысловой универсум русского языка. При этом под *Эмоциональностью* понимается “ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном проявлении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоций и эмоциональных оттенков” (Wierzbicka 1996a:33-34).

В целом можно говорить о специфике русского языка, в котором, по сравнению, например, с английским языком, уделяется гораздо большее внимание выражению эмоций, и имеется значительно более богатый репертуар лексических и грамматических выражений для их разграничения (Wierzbicka 1996a:44). Данная специфика, возможно, выделяет русский язык также среди близкородственных славянских языков (см. замечание Wierzbicka о том, что “уменьшительные прилагательные в других славянских языках употребляются реже, чем в русском” (Wierzbicka 1996a:54). Настоящий факт отражает позитивный характер использования эмоций в речевой коммуникации: “In Russian culture, emotion is assigned an entirely positive value.” (Tolstaya 1990:4) (“В русской культуре эмоция определяется как совершенно позитивная ценность (значимость)” (перевод наш – А.З.)).

Категория *Эмоциональности* как родовая в связи с *Эмоциональной оценочностью* в ряде работ включает в себя собственно-оценочные единицы, а не только собственно-эмоциональные (не оценочные)), в значительной степени обусловлена экспрессивностью как более общей категорией.

Эмоциональность может быть ингерентной (языковой, узуальной) и адгерентной (речевой, ситуативной) (Зима; ПЛК; Курилович (1962:246); Лукьянова (1986:17), что уточняет понимание сугобо отражательного характера эмоциональности и невключение эмоционального компонента в значение слова (Матвеева, Болотов (1981:15); Долинин 1978:112-159); выраженной и невыраженной: языковые метафоры, особым образом построенная внутренняя форма, специфические суффиксы, морфологическая мотивация с одной стороны, и единицы типа *хам*, *бурда* – с другой (Вайгла 1978:7).

В случае ингерентной эмоциональности значение установлено и общепринято: *фу* – ‘междометие, выражает упрек, гнев, отвращение’(СО). В случае адгерентной эмоциональности значение индивидуально и целиком определено контекстом: *увы* в контексте “ *Увы, опять выиграл в лотерею!* ” с шутливым смыслом; ср. *увы* – ‘междометие, выражающее огорчение, жалость.’(СО).

С позиций функционально-коммуникативной типологии языковых единиц выделяется эмоциональная подсистема языковой информации, вычленяются средства (комплексы средств) выражения категории эмоциональности:

- 1) интонация (на письме – знаки препинания) *Вот это да!* выражает удивление, восхищение;
- 2) порядок слов во фразе: *Он придет!* – *Придет он!*
- 3) грамматические конструкции (восклицательные и вопросительные предложения, эмоционально-номинативные предложения: *Неужели ты не понимаешь, что поступил плохо?*
- 4) отдельные разряды слов (слова, выражающие эмоции: эмоциональные междометия и частицы): *ах! увы! фу! тоже (мне), прямо, вот еще, куда уж* (Киселева 1968:384).

В классификации Вайгла перечень эмоциональных слов расширяется за счет шутливых слов, высоких слов без оценки, усилительных слов (Вайгла 1978:6), но сохраняется принцип отнесения к эмоциональным словам лексем, не содержащих оценки. Согласно другой точке зрения эмоциональность включает в себя эмоциональную оценочность (Лукьянова), при этом выделяются случаи вторичной эмоциональности, производной от стилистической окраски (*морда*, *баба*) (Вайгла 1978:7).

С нашей точки зрения, к эмоциональным единицам должны относиться единицы экспрессивные, но не оценочные, выражающие разные эмоции своими языковыми значениями. К подобным единицам относятся общеэкспрессивные междометия типа *Увы! Ах! Фу!*

Психологической основой эмоциональности является механизм эмоционального заражения как проявление подражательного рефлекса или *сочувствия* в рамках психологической школы Павлова, Орбели: *“общение, с помощью выразительного движения..., должно быть названо заражением”* (Выготский 1956:50)).

Особо следует остановиться на **словах, называющих эмоции**. Различие функций номинации и предикации обуславливает разграничение слов, выражающих эмоциональное отношение и слов, обозначающих чувства человека (Галкина-Федорук 1958:105-106) (*дружба, любимый и радость, милый, дорогой*), при этом проблема заключается во включении/невключении слов, называющих эмоции, в разряд эмоционально-оценочных. Большинство исследователей отказывает подобным словам в праве на статус эмоционально-оценочных (Галкина-Федорук, Киселева, Вайгла, Матвеева, Шмелев 1977:163-168; Гак 1977:95-97) на основании того, что они *“не выражают чувств, а лишь называют соответствующие понятия об эмоциях”* (Киселева 1968:384), вследствие чего возможно их включение наряду с чисто рациональной лексикой (*стол, белый, идти – любовь, ненависть.*) (Матвеева 1982:17).

Действительно, ведущим принципом их выделения является предметно-тематическая классификация лексики (Шмелев 1973:246-247). Тем не менее необходимо отметить, что в большинстве работ речь идет о существительных (по своей природе способных обозначать понятия), при переходе же к прилагательным картина становится менее определенной. Вероятно, различие понятий и их реализации позволит допустить возможность приобретения эмоциональной оценки для слов подобного рода, реализуемой в специфически оценочных синтаксических позициях и однородном в оценочном смысле контексте.

От лексических единиц, называющих эмоции, следует отличать эмоционально-оценочные слова (на уровне языковой оценки), выражающие эмоциональную оценку в соответствии с коммуникативным намерением: типа *удивительный* – ‘2. *полн. ф.* То же, что исключительный (в 3 знач.). *Удивительное здоровье.*’ (СО), *печальный* – ‘3. В некоторых сочетаниях: *плохой, предосудительный. Оставить печальную память о себе* (о том, кого плохо вспоминают). *Печальная известность у кого-н.* (известен с плохой

стороны). *Печально* (нареч.) *известен* кто-н.' (СО), развивающих переносное оценочное значение.

Под *Оценочностью* обычно понимается отношение говорящего к предмету речи (*"эмоциональное отношение, вызванное сложившимся мнением о предмете высказывания"* (Киселева 1968:387), *"отношение к обозначаемому понятиями хорошо и плохо"* (Матвеева 1982:19; Ким 1956; Шрамм 1979), что в принципе не противоречит более узкому ее пониманию как *"мнения о достоинствах или недостатках объекта оценки"* (Петрищева 1984, Сергеева 1977), либо более общему пониманию суждения говорящих о предмете с точки зрения определенных позиций (Ахманова 1957, Беломорец 1975), включающему аэмоциональные виды оценок и актуализирующему роль субъекта оценки.

Таким образом, под эмоциональной оценкой понимается *"интеллектуальная оценка кого-, чего-либо, как бы протуценная сквозь эмоциональную призму человеческой психики"* (Киселева 1978:17), реализуемая в модификациях положительного и отрицательного спектра.

Характерными признаками категории оценочности признаются: соответствие качеств предмета оценки ценностным критериям (Сергеева), ее субъективный характер (Лукьянова, Петрищева), общественная значимость (Беломорец, Петрищева), теснейшая взаимосвязь с категорией эмоциональности (Стернин 1985:71; Болотов 1981:15; Гридин 1976:20; Телия, Мягкова, Шаховский).

С нашей точки зрения, конститuentами категории эмоциональной оценки, определяемыми на основе соотношения *Экспрессивности* и *Эмоциональной оценочности*, являются семы образности (*малина, орел, чудесный*), интенсивности (*грандиозный, гениальный*), 'новизны', основывающейся на неясной мотивированности, значимой звуковой форме (*дуся*).

Сложность и противоречивость терминологического обозначения явлений, связанных с понятием эмоциональной оценочности, обусловлены как лингвистической традицией логико-понятийного подхода к языковым единицам, при котором компоненты прагматической информации смешивались между собой и с элементами стилистической характеристики, так и трудностью дифференциации при их нерасчлененности и взаимодействии в функционировании либо их периферийной ролью в задачах исследователей.

Так, отсутствие разграничения категорий *Экспрессивности*, *Эмоциональности* и *Эмоциональной оценочности* (также частично – *Образности*) приводит к смешению понятий *Эмоциональности* и *Экспрессивности* ('эмоционально или экспрессивно окрашенные слова', 'экспрессивно-эмоциональные слова' (Звегинцев 1957), *Экспрессивности* и *Оценочности* ('отрицательная экспрессия слова' (Шмелев 1977:86), 'положительная и отрицательная субъективная экспрессивность' (Гак), 'лексика с эмоционально-оценочной окраской – лексике с эмоционально-экспрессивной окраской' (Ким), *Эмоциональности* и *Оценочности* (Галкина-Федорук, Арнольд, Стернин).

Возникают также составные наименования (при отсутствии самостоятельного значения частей наименований): 'экспрессивно-эмоционально-оценочные обертоны' (Ахманова).

Другой особенностью терминологических наименований является создание новых терминов: 'оценочно-характеризующая лексика' (Беломорец), 'эмотив' (Телия), 'эмоционально-оценочный экспрессив' (Лукьянова), 'экспрессивно-оценочные слова' (Лисицина), 'субъективная оценка' (Bally, Виноградов, Сергеева), 'эмоционально-субъективная оценка' (Шаховский), что, в свою очередь, приводит к новым противопоставлениям (например, противопоставлению 'субъективной' и 'эмоциональной' оценок (Сергеева, Bally) и его отсутствию (Колшанский, Шаховский).

Возможна также актуализация термина, принятого автором, при невыявленности существенных явлений той же плоскости ('коннотации' при отсутствии 'экспрессивности' (Телия), 'эмоциональной окраски' при отсутствии 'экспрессивности' (Петрищева).

Недостатком следует признать синонимию терминов при наличии разногласий в существе используемых понятий ('экспрессивно-стилистическое значение', 'эмоционально-оценочный элемент', 'эмоциональная окраска', 'экспрессивно-эмоциональное значение' (Шмелев)). Различие значений, оттенков значений, окрасок, обертонов основывается на признании разной роли данного компонента в структуре значения.

Разграничение понятий *Экспрессивности*, *Эмоциональности* и *Оценочности* (*Эмоциональной Оценочности*) в значительной степени конкретизирует

терминологический аппарат, тем не менее определение категорий эмоциональной оценочности и экспрессивности невозможно без обращения к проблеме *Образности* слова.

Собственно образное значение слова является компонентом лексического значения (его сигнификативной части (Шаховский 1980:26), денотативного содержания (Матвеева 1982:9), передающим сопутствующие представления.

Данная трактовка восходит к русской филологической традиции (работам Потебни, Овсяннико-Куликовского и др.), а также концепциям Гумбольдта, Vally, рассматривающим понятие внутренней формы слова как ассоциативно-образный мотив при выделении психологической данности представления, вызывающего соответствующий образ на основе его языковой мотивированности: *“внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление.”* (Потебня 1999:125).¹⁰

На особую роль аналогии и мотивации в языке указывали также ряд зарубежных исследователей: Pastor 1996:121; Lakoff у Johnson, 1980; Lakoff 1987. При этом категория семантической мотивации определяет различные явления:

- а) системы знаний, включающие мифы и народные представления о мире животных и мире основных чувств;
- б) фигуры и условные образы, необходимые для создания новых идиоматических выражений или для интерпретации существующих;
- в) трансформации образных схем, мотивированных визуальным и кинестетическим опытом;
- г) условные и кинестетические метафоры как база создания идиоматических выражений, продуктивные в активном использовании языка;
- д) отношения метонимии, определяющие семантическое расширение многих лексических единиц (Lakoff 1987).

¹⁰ *“Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными. Это очевидно во всех словах позднейшего образования с ясно определенным этимологическим значением (бык – ревуций, волк – режуций, медведь – едящий мед, пчела – жужжащая и проч.), но не встречается, кажется, противоречия и в словах ономато-поэтических, потому что чувство, вызвавшее звук, есть такая же стихия образа, как устранимый от содержания колорит есть стихия картины.”* (Потебня 1999:125).

Например, в лексеме *свинья* существует первичное номинативное безоценочное значение – ‘млекопитающее домашнее толстокожее животное’, ‘1. Парнокопытное нежвачное животное с крупным телом и короткими ногами.’ (СО), и переносное значение – ‘4. перен. О том, кто поступает низко, подло, а также (грубо) о грязном человеке, неряхе (разг.). *Ну и свинья же ты!*’ (СО), ‘грязный человек’, ‘плохой человек’.

При относительной независимости от переносного значения слово обладает образным компонентом, представляемым мотивированностью: “как если бы это была свинья”, с ассоциациями с ‘грязью’, ‘грубостью’, ‘плохим поведением’.

Предложенный пример отражает концепцию Телия, согласно которой “Эмотивно-окрашенное значение всегда имеет полудескриптивный характер и при этом дескрипция в нем обязательно поддерживается лингвистически (в самом общем смысле – уподоблением типа «как если бы X был тождественен Y»” (Телия 1991:20) (ср. также прототипические модели поведения или сценарии (Wierzbicka 1996a и Wierzbicka 1996).

Сценарий прототипа выражения отрицательной оценки согласно Wierzbicka определяется как модель:

- “А) X – очень плохой человек;
 - Б) X может делать очень плохие вещи;
 - В) когда я думаю об X, я чувствую что-то плохое”
- (Wierzbicka 1996a:82, курсив наш – А.З.).

Уточнение о чувстве позволяет отнести данный тип отношения к отрицательной эмоциональной оценочности.

Существуют слова с переносным значением, утратившие конкретную образность как чувственную наглядность, так в словосочетании *время идет* ‘время движется’, глагол *идет* используется в переносном значении, но не воскрешает в памяти действие движения пешком.

Также возможно представить пример, в котором существует образное значение при отсутствии переносного (первичная образная семантика). Например, в *бурда* – ‘(разг. неодобр.). Мутное безвкусное жидкое кушанье. *Не суп, а какая-то бурда.*’ не присутствует переносное значение, но первичная семантика выражает эмоционально-оценочное значение.

Возможно также существование экспрессивных слов, не имеющих образной семантики. Например, глаголы *смотреть* и *глядеть* представляют одно и то же первичное номинативное значение 'направлять взгляд, чтобы видеть что-то или кого-то', но эти два глагола различаются экспрессивностью, обусловленной частотой использования единицы (косвенно – стилистической принадлежностью, *глядеть* имеет разговорно-просторечный характер). Слово *глядеть* менее частотное. Киселева в данных случаях предлагает включать новый компонент *Экспрессивности*, которая обозначает как *новизну*. (1978:55).

Следовательно, возможно утверждать, что *Образность* также является субкомпонентом лексического значения компонента *Эмоциональная оценочность* в схеме: *Экспрессивность* > *Эмоциональность* > *Эмоциональная оценочность*.

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через *образ-символ*, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака (метафорический перенос, ассоциативные характеристики).

Существенно замечание о том, что корни языковой образности лежат не в семантике, а в тезаурусе, в системе значений (Караулов 1985:18; Black 1962).

Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия по закону ассоциации определяет смысловую двуплановость языковых единиц (Степанов 1965; Винокур 1980; Телия 1986), в то же время чувственная наглядность признака (совмещение компонентов 'конкретности', 'наглядности' и 'красочности' (Блинова 1983:5) является компонентом категории экспрессивности (Киселева 1978:55; Кондрашова 1985:9) и эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности ("*образ будит эмоциональное переживание*" (Телия 1986:14). В случае отсутствия восприятия производного значения на фоне производящего образность '*реально существующая образность*' (Шанский 1972:201) утрачивается, однако экспрессивность и эмоциональная оценочность способны сохраняться в связи с наличием компонента экспрессивности – '*новизны*' (Киселева 1978:55) и немотивированностью семантики единиц как фактором существования лексем, выражающих эмоциональную оценку прямыми значениями.

Таким образом, *Образность* представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления)¹¹, связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом (см. Рубинштейн 1976:123). Необходимо уточнить, что свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными (Лукьянова 1986:32). Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение (Купина 1983:56) и разграничение функций предикации и идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной поражающей силой (Шаховский 1980:24).

Нельзя не отметить принципиально важный аспект значимости внутренней формы при создании образности, представленный в работе Телия (1996), посвященной лексической и фразеологической семантике. Анализ первичных и производных значений слов типа *ремесленник* – ‘человек, который занимается ремеслом’ и ‘тот, кто работает по шаблону’, *пятно* – ‘место иной окраски на какой-нибудь поверхности, а также место, запачканное чем-нибудь’ и ‘нечто позорящее, крайне неприятное’ позволил Шмелеву в своей работе прийти к очень важному наблюдению: “...объединяющие соответствующие значения признаки – не являются ни дифференциальными семантическими признаками данных слов, ни вообще конструктивными элементами значения. Следовательно, в известном смысле это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово. Но вместе тем это и не полностью внеязыковые ассоциации.” (Шмелев 1973:193-194).

Определение подобного типа отношений, дополняющих синтагматические и парадигматические связи, Телия в соответствии с положениями Шмелева предлагает интерпретировать как *мотивированность* – словообразовательную или семантическую (Телия 1996:27).¹²

Таким образом, в лингвистический обиход было введено еще одно измерение – *эпидигматическое*, оперирующее ассоциациями, которые мотивируют вторичные значения слов. Интересно замечание Телия о различном характере природы образа:

¹¹ “Языковой образ – особый макрокомпонент семантики, формально проявляющийся во внутренней или внешней форме значения (в рамках концепции Потемни)” (Телия 1991:24).

¹² см. синхронную мотивацию (Bertrán, Mena, Lozano 1997).

“Ассоциативно-образное основание номинации (какова бы ни была природа этого основания – зрительно-, акустически-, артикуляторно- или графически образная) является необходимым стимулом для появления эмоциональной реакции.” (1991:20).¹³

Структурная методология не могла принять критерий образности, принадлежащей внутренней форме, в категорической форме отрицание значимостной функции внутренней слова содержится в следующем высказывании Звегинцева: *“не эта языковая мотивированность... (или, что то же самое, внутренняя форма слова) управляет функционированием, а следовательно, и смысловым развитием слова” (1957:192).* Тем не менее реальность того, что без учета внутренней формы невозможно описать лексическое значение экспрессивных единиц, убеждают в том, что образность, заключенная во внутренней форме, как раз во многом и предопределяет не только развитие значения, но и особенности его функционирования.

Wierzbicka утверждает, что при выделении семантических примитивов могут быть определены дополнительные значения прототипического сценария: *“мерзавец – ‘я не хочу быть рядом с этим человеком’; подлец – ‘Х не такой, как другие люди, Х может делать плохие вещи, которые другие люди делать не могут’; негодяй – нельзя думать, что Х будет делать хорошие вещи; можно думать, Х будет делать плохие вещи’,* которые не мотивированы этимологически (Wierzbicka 1996a:83). Действительно, значения сценариев не мотивированы этимологически, но этимология (внутренняя форма), по нашему мнению, определяет оценочный характер лексической или фразеологической единицы, как показано в 3.6.

Введение *эпидигматического* измерения и осознание важности мотивационного основания фразеологизмов-идиом¹⁴ определило необходимость исследовать саму образную структуру внутренней формы – ее метафорический, метонимический и т. п. характер, а также роль в ней различного рода *символов* или *квазисимволов* (ср.,

¹³ ср. определение Потебни: *“В слове мы различаем: внешнюю форму, то есть членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука, и внутреннюю форму, или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание.” (Потебня 1999:156); “признак, связывающий второе значение с первым, называется представлением, средством сравнения, менее точно – образом, символом. Представление есть признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова.” (Потебня 1999:211).*

¹⁴ Этому измерению посвящены многие работы Мелерович, например (Мелерович 1979); ср. также *“звук может обозначаться словом, присвоенным цвету; обыкновенный эпитет колокольчика – малина, т.е. громкий и звучный, как красная малина” (Потебня 1860).*

например, квазисимвольное прочтение слова *рука* в идиомах, где этот компонент ассоциируется с идеей власти: *держат в руках, иметь руку*), а также эталонов или квазиэталонов (типа *дрожать над каждой копейкой, от горшка два вершка*) (Телия 1996:45). Все вышеизложенной относится не только к фразеологической, но и к лексической образной семантике.

Данное положение близко к идеям 'упаковки' знания в форме акциональных фреймов (см. попытки применить понятие пропозиции к описанию языкового значения Филлмор 1983), что позволило ввести в описание понятие *прототипа* или *гештальт-структуры*. Под этими терминами подразумевается представление, т. е. некоторая более конкретная форма отражения, чем понятие (идеальное образование) – нечто вроде 'картинки' с опущенными второстепенными деталями при сохранении существенных. В концепции психологов это представление – стереотип (прототип) пересекается с двумя концептами: тем, что психологи называют типовым образом (стереотипом, эталоном), и тем, что лингвисты обычно соотносят с денотатом, т.е. выделенным при номинации 'представителем класса' (или множества) объектов.

Введение в лингвистический обиход понятия *гештальт-структуры* уже предполагает выделение в знаковом отношении, т.е. отношении 'означающее – означаемое', такой сущности, которая не является ни понятием в традиционном понимании – гносеологическим образом, ни смыслом – образом конкретной ситуации как для говорящего, так и слушающего. Такая сущность – типовое знание об обозначаемом (его прототип), что представляет собой само знание о мире, структурированное в форме некоторого фрейма.

Иными словами, помимо понятия смысла, в описание знакового отношения должно быть введено понятие концепта, экстенционалом которого является типовой образ (*прототип, или гештальт-структура*)¹⁵ посредством которого формируется как сам концепт, так и условия его референции. *Прототип* соответствует некоторой универсальной или культурно-национальной форме знания, он корреспондирует с понятием и формирует смысл и условия референции (Телия 1996:95-96).

Этот объект представляет типовые признаки обозначаемых реалий, основанные на знании о свойствах реалий, входящих в данное множество. Денотат отражает

¹⁵ "Образность (ассоциативно-образный фрагмент представления, лежащего в основе номинации) актуализируется в виде некоторого гештальта." (Телия 1988, 1991; Lakoff, Johnson 1987)

представление о классе референтов в языковом сознании и соответствует в национальном языке 'наивной' (в смысле Апресяна 1974) картине мира носителей данной лингвокультурной общности.

Действительно, в основе оценки может лежать некий образец, идеал, стандарт, являющийся универсальным для многих культур и ведущий свое начало с древних времен. *"Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой - проявить себя среди "своих" и одновременно опознать "своего", это – "некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная "картинка", устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации"* (Маслова 2001:110).

Существует значительное число наблюдений, указывающих косвенно на оценочное значение компонентов фразеологических единиц (см. работы Мокиенко, Мелерович, Фелициной, РФЛС, СРФ, КСА): *"кровь с молоком – 'Белое лицо и румянец – красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда – положительная тональность выражения."* (РФЛС 1990:77); *"видеть (все) в розовом (радужном) свете – 'Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством."* (СРФ:519); *"земля обетованная – 'обещанная земля, земля "хорошая и просторная, где течет молоко и мед."* (КСА:428).

Данные стереотипы (прототипы) описываются в нашей работе при характеристике ЛТГ (см. 3.6).

К языковым образным средствам создания экспрессивной (в том числе эмоционально-оценочной) семантики в лингвистической литературе относят:

1) семантически либо морфологически (словообразовательно) мотивированные образные слова:

- а) тропы (метафорические наименования и явление метонимии; лексемы типа *орел* – '2. перен. О гордом, смелом, сильном человеке.'(СО), *шляпа* '2. перен. О вялом, безынициативном человеке, растяпе (разг. презр.).' – о человеке) (Киселева, Блинова, Купина, Матвеева, Лукьянова, Кондрашова и др.);

тропоморфный способ образования экспрессивной окраски слова (Телия 1986:71);¹⁶

- б) лексемы, актуализирующие высокую степень признака (прилагательные и наречия – (Лукьянова 1986:32), экспрессивная сема интенсивности (типа *чудовищный* – ‘2. перен. Необычайный по своим отрицательным качествам. *Чудовищное преступление*’ (СО), *превосходный* – ‘1. Отличный, очень хороший. *Превосходный специалист. Превосходный рассказ. Превосходно* (нареч.) *себя чувствовать*.’ (СО) (Киселева, Купина, Кондрашова);
- в) лексемы, мотивированные словообразовательно (Киселева, Купина, Лукьянова, Телия (корневой морф – *сжаться* – ‘1. Сутулясь, сжиматься всем телом (от холода, стеснения). 2. Сжаться, стянуться. *Сухие листья сжались. Сжаться в комочек* (лечь, тесно прижав к телу согнутые руки и ноги).’ (СО);
- г) производные слова с осязаемой внутренней формой (типа *белоснежный* ‘Белый как снег. *Белоснежная рубашка*’ (СО), *синеглазый* ‘С синими глазами.’ (СО) (Купина);

2) семантически и морфологически не мотивированные образные слова:

- а) лексемы с затемненной внутренней формой, связанностью морфем, реализующие индивидуальные образные представления (*раскучорить* ‘разломать’, *раскорячить* – ‘(прост.). Раздвинуть неуклюже врозь, растопырить (ноги), а также (перен.) вообще неуклюже раздвинуть, расставить. *Старая ель раскорячила лапы*.’ (СО), *раздраконить* – ‘(прост.). То же, что разгромить.’ (СО), *звездануть* ‘(прост.). Сильно и резко ударить. *Звездануть по голове*.’ (СО) (Лукьянова).
- б) *изобразительные* слова (типа *мымра* – ‘(прост. неодобр.). Скучный, мрачный и неинтересный человек.’ (СО), *фифа* – ‘(прост. неодобр.) Женщина, девушка обращающая на себя внимание своей внешностью, нарядом, поведением.’ (СО) (Черемисина, Романов).
- в) лексемы со звуковой образностью (типа *абракадабра* – ‘Бессмысленный, непонятный набор слов’, *кавардак* – ‘(разг.). Неразбериха, беспорядок. *В комнате кавардак. Устроить кавардак*.’ (СО) (механизм звуковых ассоциаций) (Лукьянова, Романов, Телия).

¹⁶ В позиции предиката метонимическое употребление признается метафорой: *шляпа* (Русский язык 1979:140, Арутюнова 1979:150).

В нашем понимании 'высокая степень признака' (выражаемая семантикой любой части речи) является фактором вычленения эмоционально-оценочной (образной) лексики, а не только компонентом экспрессивности, что обусловлено особой силой воздействия единиц с данной семантикой интенсивности.

Анализируемый материал позволил отметить, что среди лексем с положительной эмоциональной оценкой отсутствуют лексемы со звуковой образностью (возможно, исключение составляют лексемы: *дуся, ясочка, симпомпончик*) и 'изобразительные слова', для языковых значений неактуальны явления связанности лексем, реализации индивидуальных образных представлений. Производные слова с осязаемой внутренней формой составляют периферию эмоционально-оценочной лексики.

2.5 Обзор лингвистических исследований, посвященных изучению Эмоциональной Оценочности как семантико-стилистической категории.

Проблема оценочности (термин *Оценочность* общепринят лингвистическим сообществом в качестве эквивалента понятия, отражающего явление оценки) в последние десятилетия привлекает пристальное внимание российских и зарубежных исследователей.

Получили убедительное решение отдельные аспекты данной проблематики:

- разграничены языковая и речевая эмоциональная оценки (ингерентная и адгерентная, узуальная иokkaзиональная, языковая и контекстуальная);¹⁷
- установлены родо-видовые соотношения между категориями *Экспрессивность, Эмоциональность, Оценочность (Эмоциональная Оценочность)*;
- дифференцированы собственно семантические и стилистические признаки (аспекты значения).

Тем не менее следует обратить внимание на дискуссионность положений:

¹⁷ Примеромokkaзиональной эмоциональной оценки может служить использование полных собственных имен в речи. которые – в зависимости от контекста – "могут означать гнев, неодобрение, холодность, дистанцию, торжественность, гордость, уважение и т.п." (Wierzbicka 1996б:111).

- о принадлежности эмоциональной оценки к функционально-коммуникативной (Киселева), семантико-стилистической (Вайгла, Кожин) или собственно стилистической (Петрищева, Шанский) типологии единиц;
- о разграничении эмоциональной и интеллектуальной оценок (Петрищева, Сергеева, Лукьянова).

Не описаны средства создания оценочных значений, отсутствует общепринятая детально разработанная система языковых средств выражения эмоциональной оценки на разных уровнях (фонетическом, лексическом, словообразовательном, синтаксическом).

Не является общепризнанным субъективно-объективный характер эмоционально-оценочной семантики, не определена роль эмоциональной оценки в структуре лексического значения слова, не соотнесены рациональный и эмоциональный компоненты в денотативно-коннотативной структуре значения.

Не существует определения категории *Эмоциональной Оценочности*, общепринятого научным сообществом.

Анализ литературы, посвященной проблемам исследования средств выражения эмоциональной оценки, выявил следующие особенности.

Наибольшее отражение в лингвистических работах получил лексический аспект (как ядерная часть прагматического значения) с учетом элементов словообразования и синтаксических позиций.

Только начиная с 80-ых годов проявился некий интерес к выражению эмоциональности на фонетическом уровне (аспект интонации и эмоциональных предложений), вероятно, благодаря изучению русского языка как иностранного (Брызгунова 1984, Серебренникова 1983, Бухарин (1986:67) см. также Киселева 1980, Слесарева 1980, Стернин (1982), Künl 1983).

Существует ряд работ, посвященных изучению эмотивно-оценочных суффиксов в морфологическом аспекте (Родимкина 1980, Киселева 1980).

Как уже было отмечено, лексические средства выражения эмоциональной оценки в современном русском языке рассмотрены наиболее подробно. При этом лексика, выражающая эмоциональную оценку, рассматривалась как разновидность:

- эмоциональной лексики (Вайгла 1978, Павлова 1971);
- экспрессивной лексики (Панасюк 1973, Лукьянова 1980, 1986; Гридин 1976, Черемисина, Рыжкина 1977);
- оценочной лексики в аспекте ее изменения в советскую эпоху (Беломорец 1975, Петрищева 1984);
- единиц прагматической информации в рамках теории речевого воздействия (Киселева 1978).

Некоторые существенные черты рассматриваемого явления отражены в исследованиях, посвященных определенным частям речи:

- именам существительным (метафорическим наименованиям, производным наименованиям с оценочными аффиксами, зооморфизмам) – работы Харченко 1973, Кондрашовой 1983, 1985; Трипольской 1983, 1985; Купиной, Скорняковой 1979, Черемисиной 1976, Родимкиной 1980;
- глаголам – работы Лаврентьевой 1978, Лукьяновой 1986, Матвеевой 1979;
- именам прилагательным – работы Шрамма 1979, Сергеевой 1977, 1980; Алтайбаевой 1986, Богуславского 1977, Лисициной 1985;

Отражена реализация категории эмоциональной оценки на уровне высказывания: работы Золотовой 1982, Арутюновой 1976, 1999; Вольф 1985, Телия 1986, Трипольской 1999 или в аспекте сопоставления с другими языками: работы Литвина, Черемисиной (1962), Фоминой (1987) и др.

Косвенно данная проблематика затрагивалась в семасиологическом и стилистическом аспектах в работах Ахмановой 1957, Амосовой 1958, Шмелева 1973, 1977; Звезгинцева 1957; 1973; Гака 1977; Мягковой (2000) и др.

Впервые объектом специального исследования лексика с эмоциональной оценкой в современном русском языке стала в работах Киселевой (1969, 1978), обосновавшей принцип ее выделения и указавшей конкретные пути ее дальнейшего исследования.

2.5.1 Выражение эмоциональной оценочности на лексическом уровне

Сложность и противоречивость явления эмоциональной оценочности, невыраженность (смещение и неразличение) четко обоснованных критериев ее выделения, логических, психологических и собственно-лингвистических принципов при ее идентификации обуславливают дискуссионность ряда положений. Тем не менее существующее значительное количество работ и традиция исследования эмоционально-оценочных суффиксов позволяют выделить некоторые общие закономерности и обобщить наблюдения ряда авторов.

Вопрос классификации средств выражения эмоциональной оценки требует специального рассмотрения в связи с наличием разного типа группировок, основывающихся на различных принципах и критериях.

Прежде всего следует отграничиться от типов классификаций чувств в психологии, так как далеко не все чувства (эмоции) получают отражение в экспрессивной функции языковых единиц. Автор настоящей работы считает, что среди функций языка выделяются номинативная и экспрессивная функции, причем именно экспрессивная функция определяет выражение эмоциональных элементов различного типа: экспрессивных, эмоциональных и эмоционально-оценочных.

Тем не менее уже в психологических классификациях эмоций существует дифференциация высокой интенсивности (*волнение*) и высокой положительной интенсивности (*восторг*) (Додонов 1978:106-107), получившая интерпретацию в различии одобрения и восхищения как типов положительной эмоциональной оценочности по степени интенсивности.

Собственно лингвистические классификации представлены группировками по частям речи с привлечением данных словообразования (для существительных и прилагательных), исследованием тематической организации и изучением типов переноса наименований в метафорических существительных (Панасюк 1973, Харченко 1973, Кондрашова 1983, 1985; Купина (1983) и др.), классификациями по семантическим основаниям с учетом соотношения прагматического и информативного компонентов, степени интенсивности оценочного признака и соотношения оценочности с разными уровнями ее осознания (Киселева 1978, Лукьянова 1986, Телия 1986 и др.). Разновидностью классификаций последнего типа

являются логико-психологические, определяющие восприятие оценочной семантики с позиций логики и психологии.

Логико-психологические основания формируют классификации Bally 1955, 1961; Restrepo 1958, обуславливают выделение эмоциональной оценки в работах Киселевой 1978, субъективной оценки в работах Сергеевой 1977, 1980; разграничение рациональной и эмоциональной оценок в работах Петрищевой 1984, Сергеевой 1980, Лукьяновой 1986.

Дифференциация непосредственного результата воздействия на уровне

- инстинктивного чувства (удовольствие/неудовольствие),
- рассудка (польза/вред),
- практической пользы (выгода/невыгода)
- пользы вне субъекта, реализуемой в моральных принципах, религиозных догмах (добро/зло) и абсолютной ценности (достоинство/недостаток) (Bally 1961:183, 209), заложила основы классификации с четкой дихотомией положительное/отрицательное (см. Шрамм 1979:22).

Тот же принцип представлен в группировке Restrepo: *“существуют слова, которыми мы определяем объект или факт вне нас с позиций нашего благополучия – неблагополучия, нравится – не нравится, хорошее или плохое впечатление, удовлетворение или беспокойство, удовольствие или печаль”* (перевод наш – А.З.) Restrepo 1958:187).

Дальнейшее развитие выделенных принципов на материале русского языка при учете специфики эмоциональной оценки в структуре логических оценок позволило выделить такие системные характеристики эмоциональной оценки, как:

- ее субъективно-объективный характер (Колшанский 1975:5,106);
- нормативность (наличие эталонов, стереотипов);
- взаимообусловленность обще-оценочных и частно-оценочных значений (позиция ‘замещения’) (Vendler 1981:538).

Были выявлены также основные пункты разногласий, касающиеся невключения в эмоционально-оценочные слова лексем, выражающих эмоциональное отношение (Сергеева 1977:92; Петрищева 1984:166), разграничения рациональной и эмоциональной оценок и выделения в особый разряд субъективно-оценочных слов (Сергеева 1980:13; Петрищева 1984:145).

Исходя из взаимосвязанности, взаимообусловленности эмоциональной оценки и сферы чувств человека, вероятно, неправомерно противопоставлять в лингвистическом плане оценку и отношение как не связанные друг с другом явления (Петрищева 1984:166); отношения, несмотря на все их многообразие, в языке выступают в форме оценки (эмоциональное отношение – в форме эмоциональной оценки): положительной либо отрицательной (например отношения одобрения, похвалы, поощрения положительного спектра реализуются в одобрении как положительном типе эмоциональной оценки).¹⁸

Недостаточно убедительным признается и другой принцип разграничения, выраженный в возможности лексем указывать на определенный недостаток лица и одновременно выражать чувство ласки (случаи типа *капризуля, ревушка, плутишка, глупышка*). В действительности в данных примерах предметно-логическое содержание, обладающее отрицательной оценочностью (не одобряемое с общественной точки зрения), которое выражается основой слова, сочетается с положительной эмоциональной оценкой, выраженной суффиксом¹⁹.

Что касается возможности употребления лексем, выражающих эмоциональное отношение, в шуточной и фамильярной речи (Петрищева 1984:166), здесь присутствует смешение оттенков оценочного и социального характера (Bally 1961:206; Формановская 1982:91), оценочных значений, закрепленных в языке и приобретаемых в речи (контексте), а также наличие явления 'транспозиции' (Киселева 1978:54), когда например, лексика с эмоциональной положительной оценкой регулярно выражает иронию: *орел* 'храбрый человек' в контексте *Орел! Обижает детей!, чудесный* 'очень хороший' в контексте *Чудесный день! Все так плохо!*

Кажется бесспорным, что языковые оценочные значения, закрепленные в словарях, сосуществуют с окказиональными оценочными значениями, возникающими в речи, и что любое слово может изменять оценку или приобретать ее во вторичном употреблении (в метафорическом, ироническом, шуточном контексте и т.д.).

Отграничение эмоциональной оценки от эмоционального отношения приводит к тому, что одни и те же лексемы (*голубчик, касатик*) определяются и как

¹⁸ см. экспериментальное подтверждение данного положения в психолингвистическом исследовании (Мягкова 1986:2; Гридин 1976:4).

¹⁹ В пределах одного слова могут находиться элементы с одинаковыми, противоположными и взаимоисключающими значениями (Милославский 1980:124).

эмоциональные слова, не способные выразить эмоциональную оценку (Лукьянова 1976:19; Лукьянова 1980:20), и как эмоционально-оценочные слова в определенных конситуациях (Лукьянова 1976:19)).

Общий принцип дифференциации на оценку 'от субъекта и от объекта' (Сергеева 1980:7) не позволяет дать практические критерии для отличия эмоциональной оценки от утилитарной, что потребовало выделения в отдельный разряд субъективно-оценочной лексики (Сергеева 1980:13) или рационально-оценочной (рассудочно-оценочной) лексики (Петрищева 1984:145).

Согласно пониманию Петрищевой, к рассудочно-оценочной относится лексика, характеризующая предмет оценки с точки зрения

- а) значимости, важности (*поручение, миссия*);
- б) достоинств (недостатков) (*рифмоплет, зловоние*);
- в) желательности (нежелательности), полезности (вредности) (*предосудительный*), в соответствии с чем выделяются 3 группы рассудочно-оценочной лексики:
 - 1) типа *рифмоплет, аромат* (оценка – признак обозначаемого предмета),
 - 2) типа *зачинщик, насаждать* (оценка – на периферии нейтрального предметного содержания),
 - 3) типа *дилетант, демонстративный* (оценка за пределами предметного содержания) (Петрищева 1984:145-151).

Рассмотренный выше принцип применения логико-психологических критериев обусловил выделение 4 классов субъективно-оценочной лексики:

- 1) с точки зрения эмоционального восприятия субъекта (*милый, долговязый*);
- 2) потребностей, желаний и интересов индивида (*вожделенный, скучный*);
- 3) физиологического и индивидуального воздействия на индивида (*несносный*);
- 4) воздействия на организм человека (*здоровый, губительный*) (Сергеева 1980:13).

Фактически указанная классификация не признает самостоятельной роли прагматической, экспрессивной информации и лишь группирует оценочные свойства в логико-семантическом плане вне их специфики как образных, экспрессивно маркированных, сводя таким образом оценочность к логической, а не собственно языковой категории.

В основе данного понимания находится положение о признании возможности включения оценочного компонента только за денотатом рассудочно-оценочной лексики, что приводит к резкому отграничению эмоционально-оценочной лексики от лексики, в которой оценка находится в коннотативном компоненте структуры значения, а также противопоставлению предметно-логического и оценочного содержания.

Первое допущение целиком определяется терминологическими разногласиями и признаваемой автором традицией, второе же противоречит включению 3 группы и выявляет неадекватность отражения семантики единиц второй группы, в которых благодаря наличию оценочности изменяется и предметно-логическое содержание (*зачинщик* – “Тот, кто подстрекает начать, начинает что-н. (неблаговидное)” (СО: 202).

Указанной дихотомии рационального (рассудочного) и эмоционального компонентов оценочной структуры противопоставлена точка зрения, согласно которой данные компоненты находятся в диалектическом единстве: положение о специфике эмоциональной оценки, находящейся, как и эстетическая оценка, “на пересечении эмоциональной и интеллектуальной сфер психики” (Киселева 1978:18), о том, что “граница между интеллектуально-логическим типом оценки и эмоциональным типом условна и относительна”) (Лукьянова 1980:13; Bally 1961:182).

Лексические единицы могут представлять собой денотативное содержание, обогащенное аффективными и экспрессивными компонентами, в результате чего появляется значительное число различных дополнительных сем, присоединяемых (обволакивающих) семантическое ядро, которое определяют. Эти оценочные, субъективные кодифицированные коннотации определяются как часть узкого значения языковых единиц (Wotjak 1992).

Необходимо иметь в виду, что коннотативное значение может уподобляться денотативному, поэтому во многих случаях их разграничение если не невозможно, то по крайней мере очень затруднительно (Kühn 1984:207; Pastor 1996:125)²⁰.

²⁰ “В выражениях естественного языка, которые приписывают объекту те или иные свойства, оценочный и дескриптивный компоненты неразрывно связаны и во многих случаях неразделимы.” (Вольф 1985:25)

В западной лингвистической традиции выделяется работа Pastor (1996), где обобщаются точки зрения на понятие коннотации и предлагается типология, согласно которой различаются следующие типы коннотации (перевод наш – А.З.):

- а) стилистические коннотации, определяющие принадлежность к определенному типу текста или регистра (стиля), ситуации коммуникации (официальной, формальной, непринужденной) (Wotjak, 1992:29), разных уровней стиля (Roos, 1985:79), в разновидностях (подстилях):
 - нейтральный (не маркированный) стиль;
 - высокий стиль (коннотации формальные; литературные (художественной речи) или поэтические; устаревшие; иностранные)
 - стиль сниженной речи (коннотации разговорные, неформальные или фамильярные; вульгарные или арготические) (Gläser 1986:33);
- б) коннотации географически-социальные (Roos 1985; Ettinger 1989; Palm 1989; Wotjak 1992) указывающие на различия, существующие между различными диалектами одного и того же (на синхронном уровне) языка; также включают коннотации принадлежности к определенным социальным группам, соответствующие подстилям 'язык в отношении детей', 'язык в отношении женщин';
- в) коннотации историко-культурные (Gläser 1986:32; Palm 1989:321), соотносимые с определенными историческими событиями, аспектами культуры, цитатами, анекдотами и т.д.;
- г) коннотации экспрессивные, отражающие эмоциональный подход говорящего по отношению к объекту коммуникации и участникам коммуникации и представляющие собой социальные убеждения использования языковых средств (Palm 1989:320-321), которые могут быть положительными, отрицательными и нейтральными.

Экспрессивные коннотации подразделяются на 5 основных типов (Gläser 1986:31), которые соответствуют основным различиям, зафиксированным в испанских словарях:

- коннотации пренебрежительные или презрительные (также часто вульгарные);
- коннотации невежливые и обидные, скрытые оскорбления (также часто вульгарные или сниженного стиля);

- коннотации эвфемистические , которые очень сложно отделить от денотативного содержания выражения;
- коннотации юмористические или шуточные;
- коннотации положительные или одобрительные (не отражены в системе помет в испанских словарях) (Pastor 1996:127-131; Casares 1942; DRAE 1992)

Отмечается факт, что во многих случаях принадлежность (приписывание) к той или иной категории зависти от субъективных факторов.

В русской лингвистической традиции признание единства денотативного и коннотативного элементов значения (Шейгал 1981:12) позволило выдвинуть концепцию единой эмоциональной оценочности (Киселева 1978), определить категорию эмотивности (Вольф 1985, Телия 1986) с эмоциональной и интеллектуальной оценочной доминантой (Телия 1986:15-16) в рамках значений конкретных лексем. Например, в междометии не существует номинативного компонента, а существует только коннотативный; в значении лексемы *стул* представлен только денотативный компонент и не представлен коннотативный; лексема *критикан* включает комбинацию компонентов значения: номинативного ('человек, который критикует') и коннотативного ('выражение неодобрения').

При этом и эмоциональная оценочность и экспрессивность могут быть компонентом и денотативной и коннотативной части значения (Шаховский; Журавлев 1980:5; Мягкова 1986:9), а при присоединении к производящей основе слова, выражающей интеллектуально-логическую оценку, экспрессивного суффикса, образуется единица с эмоциональной оценочностью (Романов 1986:15).

Что касается разграничения языковой и речевой оценок²¹ (узуальной и окказиональной), необходимо отметить прежде всего общность процессов формирования метафорических оценочных наименований как на уровне речи, так и на уровне языка (скорее фиксации в словарях различного типа). Представляется более корректным использование терминов *устойчивая эмоциональная оценочность* и *окказиональная эмоциональная оценочность*, что позволяет учитывать единицы обоих уровней в лексикографическом описании, посвященном прагматическому аспекту семантики.

²¹ Разграничение на языковое и речевое обусловлено различием *речи* и *языка* в концепции Saussure (1916).

2.6 Определение корпуса эмоционально-оценочных лексических единиц

Прежде чем рассмотреть собственно эмоционально-оценочные значения языковых единиц, необходимо отграничиться от пограничных, сопутствующих явлений.

К таким явлениям прежде всего следует отнести собственно стилевые особенности слов (Ахманова 1957:242), учитывая при этом использование принадлежности к определенному стилю речи как оценочную характеристику при транспозиции в другой стиль (*“слово в стилистически чуждом контексте – изменение эмоциональной оценки, возникновение речевой (контекстной) эмоциональной оценки”* (Киселева 1968:395)), а также то, что стилистически маркированные слова, принадлежащие к не нейтральным стилистическим пластам (разговорному, просторечному, книжному) *“эмотивно окрашивают речь и придают ей экспрессивность”* (Телия 1986:125). Тем самым эффект экспрессивности может создаваться непосредственно (эмоциональным впечатлением) (Bally 1955) и косвенным путем, при осознании *“стилистической значимости выбора”* (Телия 1986:125).

Возможны также случаи, когда стилистически маркированные слова развивают узуальные эмоционально-оценочные признаки: *очи* – ‘красивые, выразительные большие глаза’ (Киселева 1978:73-74; Телия 1986:49).

Другим фактором взаимодействия собственно стилистических и эмоционально-оценочных элементов являются особенности пола, возраста, социального статуса коммуникантов, что позволило отнести к эмоциональному выражение фамильярного отношения (Петрищева 1984:166), в нашем понимании здесь смешиваются эмоционально-оценочные и социальные признаки значения. Справедливо утверждение о взаимодействии стилистических и оценочных значений (например, грубоватое одобрение единиц просторечного стиля (Киселева 1968:394))

Не являются собственно эмоционально-оценочными также единицы, принадлежащие к *“ассоциативно-стилистической лексике с ореолом эмоциональной оценочности”* (Петрищева 1984:143; Звегинцев) типа *радость, грязь, смерть*, ориентирующиеся на ассоциации со словом вне языкового значения, с понятием, которое обозначает слово (ср. лексику, называющую эмоции), при этом рассматриваемые ассоциации не являются *“устойчивыми ассоциациями, связанными с*

представлением о явлении, которое обозначает слово” (Шмелев 1973:193), представляющими собой элементы значения слова.

Сферу пересечения собственно-стилевых и оценочных факторов занимает ‘возвышенная’ лексика (с пометкой *высок.*) (Петрищева 1984:166), при этом эмоциональная оценочность способна пронизывать как поэтическую, так и архаическую лексику, в первом случае – переносными значениями лексем типа *лучезарный*, во втором – общим характером торжественности (речевая эмоциональная оценка) и переносными значениями оценочных слов (языковая оценка): *кудесник*, *краса* (Ахманова 1957:261-262; Вайгла 1978:6) (ср. указание на экспрессивность некоторых *высоких* слов, не содержащих оценки (Киселева 1968:388)). Пересечение стилистических и оценочных характеристик позволило выделить лексику, эмоционально возвышающую или принижающую предмет речи (Петрищева).²²

В нашем понимании принадлежность к высокому стилю не определяет возникновение положительной эмоциональной оценочности, тем не менее существует значительный пласт лексики с эмоциональной оценкой, принадлежащий к данному стилю. Характер оценочности данных единиц (типа *авангард*, *беззаветный*, *вдохновитель*, *воин*) специфичен, все они отражают общественно-одобряемые явления. Специфическую группу ‘высоких’ слов представляют лексические единицы, пишущиеся с заглавной буквы типа *Октябрь* – ‘2. (О прописное). Революционный переворот, совершенный в России в октябре 1917 г. ср. 1. Название десятого месяца года.’, *Родина*, *Отчизна*, *Бог*.

Особо следует остановиться на *шутливых*, *ироничных* словах²³, определяемых как “собственно отношение говорящего к предмету речи” (Петрищева 1984:166) или неоценочные слова (Вайгла 1978:6) (о шутливых словах). Признается справедливым положение о том, что “они эмоционально характеризуют скорее речевые поступки, чем чувства-отношения, как *высок.*, *торж.* – отношение к типу общения, а не к обозначаемому высказыванию” (аналогично *груб.-прост.* и *фам.* относятся к типу общения, характеризуя участников речевого акта, а не то, что в нем обозначено) (Телия 1986:129), в соответствии с чем не могут быть отнесены к собственно эмоционально-оценочным (“шутка, ирония – одобрение /неодобрение в скрытом,

²² см. нормы речевого поведения и критерии, определяющие ситуацию общения (Формановская 1982:3,68).

²³ ср. шутливое и ироническое как текстовые маркеры (Телия 1991:28)

неявном виде” Ким 1966: 42-47). Ироническая оценка как системная транспозиция положительной эмоциональной оценки рассматривается в 3.3 настоящего исследования.

Что же касается лексем типа *фашизм, война, сплетничать, пьянствовать* (“чисто рациональная лексика с эмоциональной коннотацией” (Матвеева 1982:17), их можно дифференцировать на две подгруппы: а) политические оценки с речевой эмоциональной оценочностью (типа *фашизм*) б) моральные оценки, совмещенные с эмоциональной оценочностью (типа *сплетничать*), в которых отсутствует экспрессивность в нашем понимании, следовательно, и эмоциональная оценочность как субкатегория.

Выделение советизмов и эмоционально-окрашенной фольклорной лексики (Денисов 1974:42) также должно быть рассмотрено с позиций выражения политической оценки и дифференциации собственно эмоциональных и эмоционально-оценочных значений: *большевик* – ‘Коммунист как преемник ВКП (б)’ (ТСРЯ), *вахта мира* – ‘Перен. В советское время: о работе, отличающейся повышенной интенсивностью, особо трудными условиями и т.п.; приуроченной к какому-л. идеологически важному событию. *Трудовая, космическая, научная.*’ (ТСРЯ)) и *березка* – ‘Дерево как символ русской культуры.’, *русское поле* – ‘Географическое понятие как концепт Родины и воли.’ могут определять возникновение речевых эмоциональных значений.

Таким образом, в отношении лексико-семантического характера эмоционально-оценочных единиц можно отметить следующее.

Прежде всего выделяются виды эмоциональной оценки, определяемые по непосредственно составляющим согласно общей концепции функционально-коммуникативной типологии единиц: *одобрение, ласковое отношение, восхищение* и др.²⁴, соответствующие положительному спектру оценочной семантики, и *неодобрение, пренебрежение, презрение, насмешка* и др., соответствующие отрицательному спектру (Киселева 1978:17; Новиков 1982:100).

Данное понимание в ряде классификаций расширяется и трансформируется (‘слова-оскорбления’ (Вольф 1985:40), “*порицание, уничижительное отношение,*

²⁴ Анализ нашего материала позволил выделить также ‘*дружелюбное отношение*’ (3.2)

бранные слова с одной стороны, и уважение, почтение, похвальное отношение – с другой” (Телия 1986:129).

На наш взгляд, последнее утверждение требует некоторого уточнения: так, похвальное отношение (как и поощрение) конкретизирует оценку либо стимулирование адресата, соответствуя категориям одобрения и восхищения (см. Лукьянова 1986:46), а уважение и почтение в абсолютном большинстве случаев не реализуются в экспрессивных языковых единицах.

Следует отметить, что термин *одобрение* как название вида положительной эмоциональной оценки, используемый в данной работе, является лишь этикеткой²⁵, обозначающей данный вид речевого воздействия, в наибольшей степени нашедший отражение в лексикографической практике и теории лексикологии и фразеологии; данное положение относится также в названиям других видов положительной эмоциональной оценки – *ласковому и дружелюбному отношению, восхищению*.

Выделенные виды эмоциональной оценки в своих реализациях могут включать сему интенсивности либо являться словами в переносном значении, не утратившими образности, что представляет собой основу их языковой экспрессивности. В соответствии с этим определяются экспрессивные эмоционально-оценочные языковые единицы, характеризующиеся в отличие от эмоционально-оценочных слов,

²⁵ Так, к типу *одобрения* относятся следующие лексические единицы, несмотря на наличие интенсивности при их лексикографическом описании в толковых словарях:

образец – ‘2. сущ. м. одобр. перен. То (тот), чему (кому) нужно следовать, подражать; носитель каких-н. характерных черт, качеств, воплощение чего-н. *Служить образцом кому-н. Этот человек – образец мужества. Поставить в образец.* ср. 1. Показательное или пробное изделие; проба.’; *пример* – ‘2. сущ. м. одобр. Действие, которому подражают, а также действие как выдающийся образец чего-н. *Следовать чьему-н. примеру. Брать пример с кого-н. Показать пример чего-н. Пример мужества.* ср. 1. Случай, который может быть приведен в пояснение, в доказательство чего-н.’; *славно* – ‘2. нареч. также в знач. сказ. (разг.) одобр. перен. О чувстве удовлетворения, удовольствия, испытываемом кем-л. от окружающей обстановки, своего положения и т.п. *Славно повеселились.* ср. 1. Достоинство славы.’; *элита* – ‘сущ. ж. собир. 2. одобр. Лучшие представители какой-н. части общества, группировки, а также люди, относящиеся к верхушке какой-н. организации, группировки. *Творческая элита. Политическая элита. Властная элита.* ср. 1. Лучшие растения, семена или животные, по своим качествам наиболее пригодные для разведения, воспроизводства.’; *эталон* – ‘2. сущ. м. одобр. перен. Мерило, образец. *Эталон красоты. Эталон поведения.* ср. 1. Точный образец установленной единицы измерения, сама такая точная мера.’

лишенных экспрессивности, “высокой степенью признака, действия, состояния” (Лукьянова 1980:20; Лисицина 1985:7; Телия 1986:129).

Этот же принцип интенсивности обуславливает вычленение типа оценочных внутренних интенсивов: ‘эмоциональное усиление’ (Шейгал 1981: 9) и наличие характеристики аффективности (степени заинтересованности субъекта как психологического мотива) (Вольф 1985:13-14), способной входить в значения слов (Wierzbicka 1972:86; 1996; Вольф 1985:43): лексемы типа *прекрасный* – ‘2.прил. Очень хороший. Прекрасный характер. Прекрасное образование.’ (СО), *отличный* – ‘2. прил. Очень хороший, превосходный. Отличная игра актеров. Продукция отличного качества.’ (СО), *потрясающий* – ‘1. прил (разг.). Прекрасный, очень хороший.’ (СО). В семантике аффективных слов оценка сочетается с интенсификацией, а эмотивный аспект значения (ориентированность на субъект) выступает на первый план (Вольф 1985:44).

Аффективные прилагательные могут быть сопоставлены “с междометными реакциями, восклицаниями, неотделимыми от эмотивной интонации и поэтому неупотребительными в косвенной речи (*Какая прелесть! Восхитительно! Что за мерзость!*).” (Арутюнова 1988:245)

Традиционно в этой группе рассматриваются только прилагательные (в меньшей степени наречия, хотя именно одиночное использование последних в восклицательных предложениях типично для эмоционального оценивания), но к подобным словам должны быть отнесены также единицы типа абстрактного существительного *загляденье* – ‘сущ. с. в знач. сказ. (разг.). О ком-чем-н. очень хорошем, красивом; таком, что можно заглядеться, zalюбоваться, картинка (во 2 знач.). *Костюм – загляденье! (на загляденье!)*’ (СО).

Существование аффективных слов, наряду с семой интенсивности, затрагивает также различие собственно-оценочных значений (‘общая эмоциональная оценка’, ‘слова-оценки’ (Лукьянова 1980:13; Лисицина 1985:7) и номинативно-оценочных значений (разновидности частно-оценочных значений), т.е. значений слов, лишенных предметной отнесенности с доминантой – функцией эмоциональной оценки, сближающихся с междометиями, выражающими оценку (Киселева 1968:407): *чудо, загляденье, замечательный*, и слов, “сочетающих рациональную и эмоциональную (предметно-логическую и эмоционально-оценочную) семантику как равноправные созначения” (Матвеева 1982:17). Обе разновидности значений

основываются на существовании номинативно-оценочного типа лексического значения слова, рассмотренного выше (3.2).

Начиная с работ Киселевой (1969, 1978) наряду с номинативным и дейктическим типом значения выделяется номинативно-оценочный тип с большей или меньшей долей одного из компонентов – номинативного и прагматического (экспрессивного).

Существуют два фундаментальных положения, чтобы развить эту схему со включением подтипа (собственно-оценочного) внутри номинативно-оценочного типа: с одной стороны, спорное противопоставление оценочного и эмотивного компонентов в аффективных словах, с другой стороны, существование большой группы слов с собственно-оценочной семантикой.

Данные собственно-оценочные слова обладают значением с максимально ослабленными номинативными компонентами и характеризуют объект оценки самым общим образом при доминирующей роли прагматического компонента. В действительности они похожи на эмоционально-оценочные междометия: *Ура! Bravo!* С другой стороны, слова как *чудо* – в знач. сказ. Удивительно, поразительно хорош (*разг.*). *Погода сегодня – чудо!* (СО), *блеск* – ‘3. сущ. м. в знач. сказ. (*разг.*) О чем-н. очень хорошем, впечатляющем, красота (в 3 знач.). *Фильм – блеск!* (СО) в переносных значениях ведут себя таким же образом, как и аффективные слова.²⁶

В исследованиях, посвященных проблемам оценочности, отмечается также усилительное значение эмоционально-оценочной лексики в сочетании со словами качественного значения и глаголами, допускающими представление о степени (*чертовски красив, удивительно старается*) (Лукьянова 1980:13; Вольф; Телия); в данном случае прилагательные и наречия выполняют функцию интенсификации при их сочетании с лексемами, способными быть предметом оценки (ср. также *изумительно* – ‘2. нареч. также в знач. сказ. (*разг.*) (в сочетании с глаголом). Необыкновенно, восхитительно, приводит в изумление. *Изумительно поет*. ср. 1. (в сочетании с прилаг.) В высшей степени, совсем. *Изумительно странный!*

Следует добавить, что оценочное значение определяется характером предмета оценки, а не грамматической категорией, так, ФЕ *на удивление* реализует два разных значения:

²⁶ “Ими гордится весь Ярославль, мы играли хорошо... – Хорошо?! – переспросил бы любой из мерзнувшей у служебного выхода толпы. – Великолепно!! Грандиозно!!!” (СЭ).

интенсивности и оценочное в сочетании с существительными: *Яблок в этом году на удивление* – очень много. *Фильм – на удивление!* – очень хорош.

Средства создания эмоционально-оценочных единиц затрагивают все уровни языка (в наибольшей степени интонационный, лексический и словообразовательный, а также синтаксический), что требует комплексного подхода в изучении и представлении языковых единиц подобного рода в иностранной аудитории (Костомаров, Митрофанова 1984:29-35).

Серьезную помощь в презентации эмоционально-оценочной лексики иностранным учащимся могут оказать лексико-семантические и тематические группировки, характеризующие виды оценочного переноса и определяющие направленность оценки (работы Панасюк, Харченко, Родимкиной, Беломорец, Кондрашовой и др.).

Лексикографическое описание рассматриваемой лексики (особенно в применении к иностранной аудитории) может быть усовершенствовано на основе применения комплексных методов и приемов, обобщающих данные идентификации, компонентного, контекстного и дефиниционного анализа, а также психолингвистических экспериментов (Трипольская 1985; Алтайбаева 1986; Мягкова 1986).

Автор данного исследования присоединяется к позициям лингвистов, признающих в рамках лексической системы существование родовидового ряда 'синонимический ряд – лексико-семантическая группа (ЛСГ) – лексико-семантическое поле' (Слесарева 1977:2) и включающих в ЛСГ лексемы только одной части речи (Филин 1982:227-239). В то же время обусловленность средств создания эмоционально-оценочной семантики тематической отнесенностью лексем требует учета принадлежности к определенным тематическим группам (ТГ), тематическим классам наименований; при этом учитывается тематическая отнесенность ЛСГ как смысловых комплексов, основывающихся на родо-видовых отношениях по принципу широкого понимания синонимии. Указанный семантический фактор обуславливает отграничение от понимания ТГ слов как языковых комплексов, характеризующих (обозначающих) ту или иную ситуацию (тему): одежду, город, школу и т.п.

Специфика эмоционально-оценочной семантики определяет особый подход к выделению ЛСГ, учитывающий наряду с номинативными оценочные значения, т.е.

принцип функционально-коммуникативной типологии единиц (Киселева 1978) обуславливает основания лексико-семантических группировок.

В настоящей работе эмоционально-оценочная лексика описывается также в рамках лексико-тематических групп (ЛТГ), соответствующие семантическим критериям в формировании оценки, так, что принадлежность номинативных первичных значений к определенной тематической группе обуславливает формирование вторичного эмоционально-оценочного значения определенного оценочного знака (плана): ЛТГ 'божественного, небесного' (*ангел, рай, душа*); ЛТГ 'ценного' (*золото, жемчужина*); ЛТГ 'света, блеска' (*свет, светило, солнце, звезда, блеск*); ЛТГ 'сладости' (*малина, сахар, мед, мармелад, конфетка*); ЛТГ 'волшебного' (*чудесный, дивный, волшебник, чудо*); ЛТГ 'знатности' (*благородный, знатный, царь, коронный*); ЛТГ 'красоты' (*прекрасный, красота*)(см. об этом подробнее в 3.6).

Дифференцированное изучение (и описание) существительных и прилагательных не исключает возможности выявления общих семантических закономерностей в выражении эмоционально-оценочной семантики. Функционально-коммуникативный подход в сочетании с полевым принципом описания позволяют, в свою очередь, учесть как единые семантические комплексы слова различных частей речи в значении выражения положительной эмоциональной оценки (ср. *волшебный – волшебно – волшебство – волшебник; очаровательный – очаровательно – очарование – очаровать – очаровательница*).

Аналогичная мысль высказана Щербой: *"веселый, веселье, веселиться ... нельзя признать формами одного и того же слова, ибо веселый – это все же качество, а веселиться – действие"* при указании известной степени тождественности содержания, воспринимаемого *"сквозь призму разных общих категорий – качества, субстанции, действия"* (Щерба 1958:77; Морковкин 1970:54). Данное положение полностью приложимо и к высказываниям оценочного типа с общей семантикой выражения эмоциональной оценки: *Потрясающе! Спектакль потряс меня! Потрясающий спектакль! Актеры играли потрясающе!* В то же время учет категориальных свойств лексических единиц как частей речи обуславливает использование лексем: прилагательные оценивают признак, свойство предмета, лица, объекта, существительные – предмет, лицо или объект по какому-либо признаку, наречие – действие, в функции предиката – ситуацию в целом.

2.7 Лексикографическое представление экспрессивного фонда русской лексики и фразеологии в толковых и фразеологических словарях.

Эмоционально-оценочная лексика, как и экспрессивная лексика в целом, довольно широко представлена в толковых словарях, тем не менее часто неясны как принципы постановки лексикографических помет, так и их система.

Следует отметить частотное расхождение между теоретическим объяснением стилистических помет во вступительных статьях русских словарей и списком условных обозначений или присутствием пометы в словнике; нередки случаи, когда теоретическая статья не содержит реального перечня используемых эмоционально-оценочных помет: в СО нет среди отрицательных пометы *уничижит.* (уничижительное); нет среди положительных помет *ласк.* (ласкательное) и *ум.-ласк.* (уменьшительно-ласкательное) (СО 1981: 13-17); в МАС нет отрицательных помет *презр.* (презрительное), *уничижит.* (уничижительное), *пренебр.* – пренебрежительно, представленных в списке условных сокращений и в словнике (МАС 1: 10); пометы *ум.-ласк.* (уменьшительно-ласкательное) и *уничиж.* (уничижительно) есть в Принятых сокращениях, но они отсутствуют в списке эмотивных помет (ТСРЯ 1998: 33).

Приводимые авторами словарей пояснения также иногда не вносят ясности в описание, так, неясно уточнение Шведовой о невключении случаев, когда неодобрительный компонент слова основан на социальной оценке понятия, явления²⁷, в МАС используется некорректный термин 'окраска слова'.

В разных толковых словарях одни и те же слова зачастую получают разную лексикографическую интерпретацию коннотативного компонента, так, лексическая единица *сборище* в СУ характеризуется как *пренебр.* (пренебрежительно), в СО как *разг., неодобр.* (разговорное; неодобрительное), в МАС как *разг.* (разговорное), лексическая единица *сонмище* соответственно как *книжн., устар.* (книжное; устаревшее – СУ); *устар. и шутл.* (устаревшее; шутливое – СО); *книжн., обычно ирон.* (книжное; обычно ироничное – МАС).

²⁷ "Помета неодобрительное сохранена только там, где окраска неодобрительности относится к самому слову, но не к социальной оценке называемого им понятия, явления" (СО 1981:7).

В СО до 9 издания слова с одинаковой экспрессивно-стилистической характеристикой описывались по-разному: *маниловщина* *неодобр.* (неодобрительное), *обломовщина* без помет, *рвачество* *разг. презр.* (разговорное; презрительное) и *шкурничество* без помет.

Традиционно не разграничиваются собственно-оценочные и стилистические компоненты значения слова, так, в СО среди помет, указывающих на стилистическую характеристику слова, выделяются оценочные пометы (СО 1981: 13), смешиваются разные оценочные значения лексических единиц: *войка* – ‘Разг., обычно шутол. и ирон. Солдат, воин.’ (МАС); *браток* – ‘Прост., уничижит. и ласк. Брат.’ (МАС); неясны термины ‘выразительная оценка’ (экспрессивная?) (СО 1981: 13) и ‘ласкательное существительное, уничижительное существительное’ (нет прилагательных, выражающих ласковое отношение типа *родненький?* – А.З.) (СО 1981: 17).

Более широкий перечень эмоционально-оценочных (и шире – экспрессивных) помет, необходимых для точной характеристики экспрессивных качеств фразеологизма, представлен во фразеологических словарях, так в ФСРЛЯ в списке условных сокращений есть *пориц.* (порицательное) и *предосуд.* (предосудительное), *восторж.* – (восторженное) и *одобр.* – (одобрительное), *грубо-прост.* – грубо-прост. (грубо-просторечное), выделяются разновидности *шутол.* (шутливого): *шутол.-ирон.* (шутливо-ироническое) и *шутол.-фам.* (шутливо-фамильярное) (сочетание помет); появляются пометы *эвфем.* (эвфемизм) и *экспресс.* (экспрессивное). (ФСРЛЯ 1995:14).²⁸ Достаточно полная система стилистических помет отличает СРФ, где выделяются такие пометы, как *одобр.* – (одобрительно) и *патет.* – (патетический), *укор.* – (укоризненно), а также такие разновидности помет, как *вульг.-прост.* – (вульгарно-просторечный), *грубо-презр.* – грубо-презрительный, *грубо-прост.* – (грубо-просторечный), *разг.-оцен.* – (разговорно-оценочный), *ум.-ласк.* – (уменьшительно-ласкательное) и *ум.-пренебр.* – (уменьшительно-пренебрежительное), *шутол.-ирон.* – (шутливо-ироническое) (СРФ 2001: 15-17).

Также более широкий по сравнению с традиционным перечень и более подробное теоретическое обоснование представлены в последних толковых словарях, так, в ТСРЯ выделяются отдельно ‘эмотивные особенности употребления слов’ наряду со

²⁸ В РФЛС описывается ситуация употребления ФЕ. ср. “Упоминание в дефиниции цели сообщения переключает значение из области семантики в сферу прагматики.” (Арутюнова 1988:44).

стилистическими и функциональными, среди которых разграничиваются пометы *ирон.* (иронически) (*политтусовка, народный избранник, демократура, хомо советикус, неодобр.* (неодобрительно) (*брежневщина, ждановщина, митинговщина, номенклатурищик, нувориш, функционер, совковый, совдепия, сползание*), *презрит.* (презрительно) (*интеллигентик, сексот*), *шутл.* (шутливо) (*барабашка, извозчик*) (ТСРЯ 1998:21). Представляется органичным, что в данном словаре пометы и комментарии сопровождают слово, значение слова, а также устойчивые словосочетания (ТСРЯ 1998:20). Тем не менее и в данном словаре смешиваются стилевые и оценочные компоненты²⁹, понятия окраски и значения, вызывает возражения диффузное определение пометы *неодобр.* (неодобительно) как “знак негативной оценки”, постановка ряда помет: *шутл.* (шутливо) (*прихватизация*), *высок.* (высокое) (*зарница*), *эвф.* (эвфемистически) (*клубничка*), отнесение пометы *высок.* (высокое) только к советскому времени (ТСРЯ 1998:21) при уточнении, что помета *высок.* (высокое) ставится при словах, употребляющихся в патетических текстах и в торжественных актах коммуникации.³⁰

В толковых словарях отсутствуют положительные пометы кроме *шутл.* (шутливого) в теоретическом пояснении и кроме *уменьш.-ласк.* и *ласк.* в практической части (ср., например, МАС 1:10), приятное исключение в этом плане представляют собой фразеологические словари РФЛС, ФСФРЛЯ, ФСФ, СРФ, где присутствуют не только данные пометы, но также пометы *одобр.* – (одобрительное), *патет.* – (патетический), *восторж.* – (восторженное); выделяются разновидности *шутл.* (шутливого): *шутл.-ирон.* (шутливо-ироническое) и *шутл.-фам.* (шутливо-фамильярное), *уменьш.* (уменьшительного): *ум.-ласк.* – (уменьшительно-ласкательное) и *ум.-пренебр.* – (уменьшительно-пренебрежительное).

Теоретическое основание для классификации отрицательной оценки появляется в работах Киселевой (1978), Петрищевой (1984), Лукьяновой (1986), Трипольской (1985), Телия (1986). Классификации варьируются согласно автору и базовым

²⁹ “Сниж. (сниженное) ставится при словах низкой социальной значимости, и, как правило, низкой семантики, содержащей элементы резкой оценки (сбавать, свалить ‘уйти’, порнуха, балдеть, балдеж).” (ТСРЯ 1998:21)

³⁰ Требуется пояснения помета *экспресс.*, которая “употребляется для характеристики тех фразеологических оборотов, содержание которых указывает на интенсивное проявление качества, признака, действия и передает эмоциональное отношение к ним при выражении мысли”. (ФСРЛЯ 1995:12).

принципам авторов. Среди других выделяются неодобрение, презрение, уничижение, пренебрежение и т.д.

Более подробно анализ лексикографического описания эмоционально-оценочной экспрессивной лексики представлен в работе Zainouldinov (2004).

Далее представлена система лексикографических помет, обозначающих экспрессивные компоненты (в широком смысле) как прагматические компоненты значения (см. определение “*пометы оценочной характеристики, маркирующие устойчивую эмоциональную окраску или оценку слова*” (ТСРЯ 1998: 21).

1. отрицательного спектра

- 1.1 *Бран.* – бранное слово или значение, выражение
(*бран.* – бранное слово или значение, выражение (МАС), *бран.* – бранное (СО), (ФСФ), (ФСРЯ), *бран.* – бранный, бранно (СРФ))

примеры:

иуда – ‘2. *Бран.* О предателе, изменнике.’ (МАС)

идиот – ‘2. *Прост. бран.* Дурак, болван, тупица.’ (МАС)

дерьмо – ‘2. перен. О ком-чем-н. негодном, гадком (*бран.*).’ (СО)

балда осиновая – ‘*Прост. бран.* Бестолковый. очень глупый человек.’ (СРФ)

обормот – ‘(*прост. бран.*). Грубый и пустой человек, бездельник.’ (СО)

осел – ‘2. перен. О тупом упрямце, глупце (*прост. бран.*).’ (СО)

- 1.2 *Груб.* – грубое слово, выражение

(*груб.* – грубое (МАС))³¹

примеры:

материцина – ‘собир. (*прост. груб.*). Неприличная брань.’ (СО)³²

на халяву (холяву) – ‘(*прост. груб.*) 1) кое-как, небрежно; 2) бесплатно, задаром.’ (СО)

жопа – ‘(*прост. груб.*). То же, что ягодицы.’ (СО)

- 1.2.1 *Груб. прост.* – слово или выражение, принадлежащее к грубому просторечию

(*груб.-прост.* – грубое просторечие (МАС), *грубо-прост.* – грубо-просторечное (ФСФ), *грубо-прост.* – грубо-просторечный (ФСРЯ), (СРФ)

подтип: 1.2.1.1 *вульг.-прост.* – вульгарно-просторечный (СРФ)

примеры:

блевота – ‘*Груб.-прост.* 1. Обильная рвота. 2. То, что извергнуто при блевании.’ (МАС)

³¹ Необходимо указать на различие теоретических положений и практики МАС, данная помета практически существует только в варианте *груб. прост.* (грубо-просторечное).

³² Может быть сочетание помет *груб.* (грубое) и *прост.* (просторечное) – А.З.

хамье собир. – ‘Груб.-прост. Хамы.’ (МАС)

хахаль – ‘Груб.-прост. Ухажер, любовник.’ (МАС)

хмырь – ‘(прост. груб.). Неприятный или странный человек.’ (СО)

1.3 *Пренебр.* – пренебрежительно

(*Пренебр.* – пренебрежительно (МАС), *пренебр.* – пренебрежительное (СО), (ФСФ), (ФСРЯ), *пренебр.* – пренебрежительный (СРФ))

подтип: 1.3.1 *ум.-пренебр.* – уменьшительно-пренебрежительное (СРФ)

примеры:

мешанина – ‘(разг. *пренебр.*). Смесь чего-н. разнородного, путаница.’ (СО)

халуна – ‘Разг. *пренебр.* Об убогом, неказистом жилище, строении.’ (МАС)

бабища – ‘Прост. *пренебр.* Рослая и толстая женщина.’ (МАС).

бездарь – ‘(разг. *пренебр.*). То же, что бездарность (во 2 знач.).’ (МАС)

бревно – ‘2. *Пренебр.* О тупом, глупом или нечутком человеке.’ (МАС)

кисейная барышня – ‘*Пренебр.* Изнеженный, не приспособленный к жизни человек.’ (СРФ)

реветь/зареветь белугой – ‘Прост. *пренебр.* Громко, безудержно и долго плакать; рыдать.’ (СРФ)

1.4 *Презр.* – презрительно

(*презр.* – презрительно (МАС), *Презрит.* (презрительно) (ТСРЯ), *презр.* – презрительное (СО), (ФСФ), *презр.* – презрительный (ФСРЯ), (СРФ))

подтип: 1.4.1. *грубо-презр.* – грубо-презрительный (СРФ) (сочетание помет), *despectivo* (Bertrán, Mena, Lozano 1997)

примеры:

балбес – ‘Разг. *Презр.* Рослый, бестолковый и неотесанный молодой человек (о подростке, юноше).’ (МАС)

барахло – ‘3. *Презр.* и *бран.* О ком-чем-н. плохом, негодном.’ (МАС)

буржуй – ‘(разг. *презр.*) То же, что буржуа.’ (СО)

интеллигентик – ‘*Презрит.* В советское время: интеллигент (2 зн.).’ (ТСРЯ)

сексот – ‘*Презрит* Сокр. Секретный сотрудник.’ (ТСРЯ)

Алеха сельский – ‘Прост. *презр.* Безнадежный дурак, глупый, невежественный человек.’ (СРФ)

глуп как баран – ‘*Презр.* Очень глупый.’ (СРФ)

бред сивой кобылы – ‘Прост. *презр.* О чьих-л. глупых, вздорных мыслях, высказываниях.’ (СРФ)

вяленая вобла – ‘Устар. публ. ирон. или *презр.* Об апатичном, бездеятельном (особенно на общественном поприще), не имеющем собственного мнения и твердых убеждений человеке.’ (СРФ)

обывательщина – ‘(*презр.*) Косность, узость интересов, отсутствие общественного кругозора.’ (СО)

1.5 *Неодобр.* – неодобрительно

(неодобр. – неодобрительно (МАС), Неодобр. – неодобрительно (ТСРЯ), неодобр. – неодобрительное (СО), (ФСФ), (ФСРЯ), неодобр. – неодобрительный (СРФ) *peyorativo* (Bertrán, Mena, Lozano 1997)

примеры:

бодряк – ‘2. Разг. Неодобр. Тот, кто проявляет необоснованный оптимизм и благодушие.’ (МАС)

деляга – ‘(прост. недобр.). Человек, озабоченный в делах только ближайшей выгодой.’ (МАС)

жук – ‘2. перен. Ловкий человек, плут (прост. неодобр.).’ (МАС)

доводить (довести) до абсурда – ‘Неодобр. Делая что-л. неправильно, последовательно приходиться к явной нелепости.’ (СРФ)

ад кромешный – ‘Неодобр. 1. Место мучений. где условия жизни невыносимы. 2. Невыносимый шум, толчея. суматоха. сумятица, хаос.’ (СРФ)

нести/понести ахинею – ‘Неодобр. Говорить сущий вздор, болтать полную бессмыслицу.’ (СРФ)

брежневщина – ‘Публ. Неодобр. Брежневизм, идеология, политика и практика брежневизма.’ (ТСРЯ)

совок – ‘Разг. Неодобр. 1. О Советском Союзе, советском строе. 2. О чем-л., свойственном Советскому Союзу, советскому строю. 3. Советский человек.’ (ТСРЯ)

1.6 *Уничиж(ит)*. – уничижительное

(уничижит. – уничижительное (МАС), *уничиж.* – уничижительное существительное (СО), *Уничиж.* уничижительно (ТСРЯ), *уничиж.* – уничижительное (ФСФ), (ФСРЯ))

примеры:

мужичишка – ‘Разг. Уничиж. к мужик.’ (МАС)

портняжка – ‘(разг. пренебр.). Уничиж. к портной.’ (МАС)

старикашка – ‘Разг. Уничиж. к старик.’ (МАС)

1.7 *Ирон.* – ироническое

(ирон. – ироническое (МАС), *Ирон.* (иронически) (ТСРЯ), *ирон.* – ироничное (ФСФ), *ирон.* – ироническое (ФСРЯ), *ирон.* – иронический (СРФ))

примеры:

войка – ‘Разг., обычно шутол. и ирон. Многоопытный и любящий свое дело боец; воин. (МАС)

борзописец – ‘(ирон.). Человек, который пишет быстро, наспех и поверхностно.’ (СО)

вельможа – ‘2. Ирон. О зазнавшемся человеке.’ (МАС)

аристократия духа – ‘Книжн. ирон. О людях, считающих, что по своему культурному развитию они стоят выше других.’ (СРФ)

ни бэ ни мэ (ни а ни бэ) (ни кукареку) – ‘Прост. Ирон. 1. О человеке, не понимающем самого простого, ни в чем абсолютно не смыслящем. 2. О безграмотном человеке.’ (СРФ)

гигант мысли – ‘Ирон. О (псевдо) незаурядном человеке, (псевдо) мыслителе.’ (СРФ)

политтусовка – ‘Ирон. Сокр. Политическая тусовка.’ (ТСРЯ)

демократура – ‘Ирон. 1. Диктатура демократов. 2. Собир. Демократы, стоящие у власти.’ (ТСРЯ)

хомо советикус – ‘Ирон. О советском человеке.’ (ТСРЯ)

Другие типы:

1.8 *пориц.* – порицательное (ФСФ) (ФСРЯ)

1.9 *предосуд.* – предосудительное (ФСФ) (ФСРЯ)

1.10 *укор.* – укоризненно (СРФ)

1.11 *насмешл.* – насмешливый (СРФ)

2. положительного спектра

2.1 *Одобр.* – одобрительное

(*одобр.* – одобрительное (ФСФ), *одобр.* – одобрительно (СРФ), *laudatorio* (Bertrán, Mena, Lozano 1997))

2.1.1 подтип: груб. одобр. (грубоватое одобрение) (см. Приложение 2)

примеры:

ангел земной – ‘Книжн. одобр. или шутл. О человеке, отличающемся святостью, праведностью, духовностью, чистотой и кротостью.’ (СРФ)

как воды напился – ‘Одобр. О чувстве облегчения, удовольствия, блаженства.’ (СРФ)

должны быть, но не поставлены (А.З.):

в ажуре – ‘Прост. Как следует, хорошо, благополучно.’ (СРФ)

сокол – ‘2. Перен. Народно-поэт. О юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удалью’ (БАС), ‘Гордые соколы нашей страны (перен.: о советских летчиках (высок.))’ (СО)

орел – ‘2. Перен. О гордом, смелом, сильном человеке.’ (СО)

2.2 *Восх.* – восхищение

(не существует в словарях, смотри теоретическое обоснование в 2.4 и в работе Zainouldinov (2004): “*Léxico con valor emocional positivo en ruso*”)

примеры (должны быть, но помета не поставлена – А.З.):

идеал – ‘2. сущ. м. чего и чей. Совершенное воплощение чего-н. *Идеал доброты. Этот человек – мой идеал!* ср. 1. То, что составляет высшую цель деятельности, стремлений.’ (СО)

совершенный – ‘1. Являющийся совершенством, превосходный. *Совершенное творение. Совершенная красота.*’ (СО)

непревзойденный – ‘Самый совершенный, такой, что невозможно превзойти. *Непревзойденный образец искусства. Непревзойденное мастерство.*’ (СО)

потрясающий – ‘1. Прекрасный, очень хороший; разг. ср. 1. Необычайно сильный, крайне волнующий.’ (МАС)

ангел – ‘2. сущ. м. чего. перен. О человеке как воплощении красоты, доброты. *Ангел кротости, чистоты, невинности.*’

рай – ‘2. перен. Легкие и радующие, очень хорошие условия жизни., обстановка. *Летом в лесу рай.* ср. 1. В религиозных представлениях: место, где души умерших праведников пребывают в вечном блаженстве.’ (СО)

блеск – ‘3. сущ. м. в знач. сказ. (разг.) О чем-н. очень хорошем, впечатляющем, красота (в 3 знач.). *Фильм – блеск!* ср. 1. Яркий искрящийся (сияющий) свет, ответ.’ (СО)

чудесный – ‘2. Чудный, очень хороший. *Чудесный день.* ср. 1. Являющийся чудом, совершенно небывалый, необычный.’ (СО)

великолепный – ‘2. Разг. Превосходный, отличный. *Великолепный обед.*’ (СО)

2.3 *Ласк.* – ласкательная форма

(*ласк.* – ласкательная форма (ФСФ), *ласк.* – ласкательное существительное (СО))

примеры:

бабуля – ‘Разг. *Ласк.* к бабушка.’ (МАС).

глупыш – ‘(разг.). Еще неразумный ребенок (ласкательно).’ (СО)

киска – ‘(разг. *ласк.*) 2. Ласковое обращение к девочке, женщине.’ (СО)

дорогой – ‘2. Любимый, близкий, милый сердцу. *Дорогой* – эпитет при ласковом обращении, часто в соединении с местоимением *мой*, с существительным или (в знач. сущ.) без него.’ (БАС).

ласточка – ‘2. Разг. В ласковом обращении (к женщине, ребенку).’ (БАС)

солнышко – ‘2. *Народно-поэт.* и разг. Ласковое название дорогого, любимого человека или ласковое, приветливое обращение к кому-либо (обычно в сочетании со словом *мое*).’ (БАС)

головушка – ‘*ласк.* 1. Часть тела человека (или животного), состоящая из черепной коробки и лица (у животного морды).’ (СО)

2.3.1 *Уменьш.-ласк.* – уменьшительно-ласкательная форма (сочетание помет)

(*уменьш.-ласк.* – уменьшительно-ласкательная форма (МАС), *Ум.-ласк.* уменьшительно-ласкательное (ТСРЯ), *ум.-ласк.* – уменьшительно-ласкательное (СРФ))

примеры:

ребята – ‘(разг.) 2. Молодые люди, парни (употр. также в обращении). *уменьш.-ласк.* ребятки.’ (СО)

крошка – ‘1. м. и ж. (разг.). Маленький ребенок, малютка. *уменьш.* и *уменьш.-ласк.* крошечка м. и ж.’ (СО)

золото – ‘*уменьш.-ласк.* *золотце* (к 1 знач.) 1. Драгоценный металл желтого цвета, употр. как мерило ценностей и в драгоценных изделиях. (СО)

2.4 *Почтит.* – почтительно

(*почтит.* – почтительное слово или значение (МАС))

пример:

глубокоуважаемый – ‘почтит. Весьма уважаемый (употр. при вежливом официальном обращении).’ (МАС)

2.5 *Друж.* – выражение дружелюбного отношения

(не существует в словарях, смотри теоретическое обоснование во 2 главе и в работе Zainouldinov (2004): “*Léxico con valor emocional positivo en ruso*”)

примеры (должны быть, но помета не поставлена – А.З.):

брат – ‘2. сущ. м. (разг.) Дружеское обращение к мужчине. ср. 1. Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям.’ (СО)

братан – ‘сущ. м. (прост.). Дружеское обращение к мужчине.’ (СО)

отец – ‘2. сущ. м. (прост./разг.) перен. Обращение к пожилому мужчине. ср. 1. Мужчина по отношению к своим детям.’ (СО)

старина – ‘Дружеское обращение к приятелю (разг.).’ (СО)

дружище – ‘сущ. м. (разг.). Дружеское обращение в знач. друг (в 3 знач.).’ (СО)

дорогуша – ‘сущ. м. и ж. (разг.). Ласково-дружеское обращение.’ (СО)

душа – ‘Душа моя! (разг.) – о в обращении: милый (-ая). ср. 1. Внутренний, психический мир человека, его сознание.’ (СО)

кореш – ‘сущ. м. (разг.). Близкий друг, приятель.’ (СО)

2.6 *Шутл.* – шутливое слово или значение

(*Шутл.* – шутливое слово или значение (МАС), *Шутл.* (шутливо) (ТСРЯ), *шутл.* – шутливое (СО), (ФСФ), (ФСРЯ), *шутл.* – шутливый (СРФ))

подтипы:

2.7.1 *шутл.-ирон.* – шутливо-иронический (СРФ) *шутл.-ирон.* – шутливо-ироническое (ФСФ) (ФСРЯ) (сочетание помет)

2.7.2 *шутл.-фам.* – шутливо-фамильярное (ФСФ) (ФСРЯ) (сочетание помет)

примеры:

ворковать – ‘шутл. ирон. Мягко, нежно говорить, разговаривать между собой.’ (МАС)

зубр – ‘3. Об опытном и ценном специалисте (разг. шутл.).’ (СО)

кейф – ‘(разг. шутл. устар.) Приятное безделье и отдых.’ (СО)

мечта – ‘3. мечта, в знач, сказ. О чем-н. очень хорошем (разг. шутл.).’ (СО)

прихватизация – ‘Шутл. Ирон. О приватизации как средстве обогащения тех, кто ее проводит, осуществляет.’ (ТСРЯ)

извозчик – ‘Разг. обычно Шутл. Тот, кто занимается извозом.’ (ТСРЯ)

высидеть – ‘2. Написать, сочинить что-н. с трудом в результате долгого сидения (разг. шутл.).’ (СО)

обожатель – ‘(разг. шутл.). Человек, который обожает кого-н., поклонник.’ (СО)

2.8 *Восторж.* – восторженное (ФСФ))

3. безоценочные

3.1 Экспрес. – экспрессивное (ФСФ) (ФСРЛЯ)

примеры:

ад кромешный – ‘Экспрес.1. Невыносимо тяжелая жизнь. *Неодобр.*’ (ФСРЛЯ)

тяжелая артиллерия – ‘1. Экспрес. Самое надежное, действенное средство, которое используется в крайнем случае.’ (ФСРЛЯ)

как белка в колесе – ‘Разг. Экспрес. Быть в постоянных заботах, хлопотах и т.п.’ (ФСРЛЯ)

3.2 Эвф. – эвфемистически

(Эвф. (эвфемистически) (ТСРЯ), эвфем. – эвфемизм (ФСФ) (ФСРЛЯ) (СРФ))

примеры:

клубничка – ‘Разг. Эвф. О сексе; о чем-л. непристойном, скабрезном.’ (ТСРЯ)

дама с камелиями – ‘Эвфем. ирон. Женщина легкого поведения.’ (СРФ)

блин – ‘Жарг. Эвф. Восклицание или вводной слово, заменяющее непристойную брань.’ (ТСРЯ)

Таким образом, экспрессивные пометы (стилистические, не стилевые), в рамках литературного языка или на его границах, отражают наличие прагматической информации на основе классификации оценочных интенций.

В схематическом виде данные пометы могут быть представлены в следующем порядке (предложение автора):

1. Неоценочные пометы

1.1 *экспрес.* – экспрессивное (для ФЕ и слов типа *огромный*) (либо *интенс.* – интенсивное)

1.2 *эвфем.* – эвфемизм

2. Эмотивно-оценочные пометы

2.1 Эмотивно-оценочные негативного спектра

2.1.1 *бранное*

2.1.2 *грубое*

2.1.3 *неодобрение*

2.1.4 *пренебрежение*

2.1.5 *презрение*

2.1.6 *уничужение*

2.1.7 *ирония* (скорее регистр)

2.2 Эмотивно-оценочные позитивного спектра

2.2.1 *одобр.* – одобрительное

2.2.1.1 *груб. одобр.* – грубоватое одобрение

2.2.2 *восх.* – восхищение

2.2.3 *ласк.* – ласкательная форма

2.2.3.1 *уменьш.-ласк.* – уменьшительно-ласкательная форма

2.2.4 *друж.* – дружелюбное отношение

2.2.5 *шутл.* – шутливое слово или значение (скорее регистр)

Предложенная выше классификация учитывает не только тип положительной эмоциональной оценки, но и степень интенсивности (степень силы воздействия). Так, выражение дружелюбного отношения менее интенсивно, чем выражение ласкового отношения, выражение одобрения менее интенсивно по сравнению с выражением восхищения.

Среди видов положительной эмоциональной оценки выделяются:

- а) выражение дружелюбного отношения: *дружище* – ‘сущ. м. (разг.). Дружеское обращение в знач. друг (в 3 знач.).’ (СО), *братан* – ‘сущ. м. (прост.). Дружеское обращение к мужчине.’ (СО), *кореш* – ‘сущ. м. (разг.). Близкий друг, приятель.’ (СО);
- б) выражение ласкового отношения: *лапушка* – ‘сущ. м. и ж. (разг.). Ласковое обращение (чаще к женщине).’ (СО), *мамочка* – ‘1. сущ. ж. ласк. (прост./разг.). Мама, мать.’ (СО);
- в) выражение одобрения: *железный* – ‘3. прил. перен. Твердый, непреклонный, неотразимый. ср. 1. см. железо.’, *огурчик* – ‘2. сущ. м. (разг.). О ком-л. здоровом, крепком, свежем на вид.’, *умница* – ‘(разг.). 3. Тот, кто поступает хорошо, разумно (обычно о детях, при выражении похвалы, одобрения). ср. 2. Рассудительный, послушный ребенок.’;
- г) выражение восхищения как высшей степени одобрения: *замечательный* – ‘1. прил. (разг.) Исключительный по своим достоинствам, выдающийся. ср. 2. прил. Исключительный, чрезвычайный.’, *жемчужина* – ‘2. сущ. ж. чего или какая. перен. (высок. и разг.). Тот, кто (или то, что) выделяется своими достоинствами среди других, является лучшим украшением, сокровищем чего-л. ср. 1. сущ. ж. Одно зерно жемчуга.’

В качестве разновидности ласкового отношения выделяется помета *уменьш.-ласк.* (уменьшительно-ласкательно) (см. об этом подробнее 3.1.1); в качестве разновидности одобрения выделяется помета *груб. одобр.* (грубоватое одобрение), фиксируемое при единицах, системно выражающих транспозицию отрицательной языковой оценочности в положительную речевую (см. об этом подробнее 4.3.).

Следует отметить сложность лексикографической интерпретации ФЕ, характер оценочности которых более диффузен. Справедливо замечание Телия о том, что *“пройдоха – это всегда ‘плохо’ (в аспекте моральных установок), а стреляный воробей имеет более сложную дескрипцию, в которой выделяется наличие хитрости, увертливости, приобретенных (скажем метафорически, чтобы сохранить образ) в условиях выживания”* (Телия 1996:87). Отрицательная или положительная оценка зависит здесь от того, с каких позиций выступает говорящий, т.е. в зависимости от эмпатии субъекта оценки (соответственно – и адресата): если субъект считает, что *стреляный воробей* – ‘опытный’ (безотносительно к тому, как этот опыт приобретен), то это ‘хорошо’, а если в фокусе его внимания ‘увертливость’, то это ‘плохо’. Иначе говоря, сама диффузность номинативного аспекта значения идиом (передаваемого дескрипцией) отличает их от слов, в которых всегда более четко фокусируется класс обозначаемых (ср. также: *внушать* или *подзуживать* и *прожужжать все уши*; *упрямый* или *баран* и *хоть кол на голове теши*). И это одно из существенных различий словесных значений и значений фразеологизмов-идиом (Телия 1996:87). К подобным примерам можно отнести *тертый калач*, *палец (пальца) в рот не клади* кому, *крепкий орешек*, *собаку съел*, *стреляная/обстрелянная птица*.

2.8 Выводы

Во II главе *Эмоциональная оценка как лингвистическая категория* резюмируются философские, психологические и лингвистические основы выделения понятия эмоциональной оценки, уточняется место эмоциональной оценки в общей типологии оценок. Эмоциональная оценка определяется как выражение субъективного пристрастного отношения говорящего к предмету речи в плане сопоставления и противопоставления экспрессивного (эмоционально-оценочного) и номинативного компонентов значения, отраженного в непосредственном переживании. Специфика данного вида оценки заключается в соотношении с другими видами оценок (эстетическими, гедоническими, эстетическими и т.п.), а также самостоятельной роли эмоциональной оценки как вида речевого воздействия.

В рамках функционально-коммуникативной типологии языковых единиц выделяются следующие основания группировки оценочной лексики (модификаций положительного спектра):

1) тип оценки:

- а) положительная эмоциональная оценка заключена в собственной семантике лексем (ЛСВ слов) – *замечательный, сокол*;
- б) языковые единицы выражают семантику, отражающую общественно-одобряемые явления, признаки, действия: оценка приносима, направлена на номинативный компонент значения и обусловлена им (данные единицы в нашем понимании не относятся к эмоционально-оценочным – А.З.) – *умный, храбрец*;
- в) оценка приносима классовыми, партийными, политическими интересами в отношении лексем с номинативной семантикой (так называемый "статус предпочтения" (Киселева 1978:11) (данные единицы в нашем понимании не относятся к эмоционально-оценочным – А.З.) – *коммунист, большевистский*;

2) тип лексического значения, определяемый типом оценки:

- а) номинативно-оценочный с равноправием номинативного и оценочного компонентов – *гениальный, соседка*;
- б) собственно-оценочный с максимальной степенью ослабления номинативности – *блеск, чудесный, молодец*.

3) вид и степень оценки:

- а) ласковое отношение – *лапушка, мамочка*;
- б) дружелюбное отношение – *дружище, кореш*;
- в) одобрение – *железный, огурчик, умница*;
- г) восхищение как высшая степень одобрения – *замечательный, жемчужина*.³³

Объектом дальнейшего рассмотрения являются лексические единицы (представляющие ядерную часть положительной эмоционально-оценочной лексики), выражающие данный вид оценки собственной семантикой лексем (ЛСВ слов), с номинативно-оценочным и собственно-оценочным типом лексического значения, всех разновидностей положительной эмоциональной оценки, представляющие в связи с невыводимостью семантики из внутренней формы слова особую сложность в практике преподавания русского языка как иностранного. ФЕ и сленг представлены в *Приложении 2*.

³³ ср. различие видов эмоциональной оценки как интенций с разными иллокутивными целями: "оценочные высказывания с разными знаками имеют разные иллокутивные цели: Как ты хорошо выглядишь! – одобрение, Как ты плохо выглядишь! – сочувствие." (Вольф 1985:24)

Выделяются системные характеристики эмоциональной оценки: ее субъективно-объективный характер, нормативность (наличие эталонов, стереотипов в сознании языкового коллектива), взаимообусловленность обще- и частно-оценочных значений. Представляется неправомерным противопоставление эмоциональной оценки и эмоционального отношения: эмоциональное отношение реализуется в форме эмоциональной оценки. Автором работы признается единство рациональных и эмоциональных компонентов оценочной структуры, в соответствии с этим эмоциональная оценка может выражаться как денотативным (*великолепный, молодец*), так и коннотативным компонентом значения слова (*стальной, орел*), что нашло отражение в дифференциации типов лексического значения.

Эмоционально-оценочный компонент признается равноправным номинативному (предметно-логическому, дескриптивному) компоненту в структуре значения слова на основе корреляции 'обозначаемое – обозначающее', при этом вторым денотатом экспрессивного слова является психика человека, эмоциональные элементы мышления.

Родо-видовые взаимоотношения между категориями *Экспрессивность, Эмоциональность, Оценочность*, согласно которым *Эмоциональность* рассматривается как разновидность *Экспрессивности*, а *Оценочность* (*Эмоциональная оценочность*) – как разновидность эмоциональности, определяют критерии выделения эмоционально-оценочных единиц. К данным критериям относятся:

- 1) наличие образности (метафорического характера) – *волшебный, золото*;
- 2) наличие высокой степени интенсивности выражаемого положительно-оцениваемого признака – *исключительный, великий, титан, виртуоз*;
- 3) соотнесение с выражением положительно-оцениваемых эмоций (в том числе высокой степени интенсивности) – *милый, изумительный, восхитительный*;
- 4) немотивированность звукового облика, а также лексического значения внутренней формой слова – *дуся, лафа*;
- 5) наличие словообразовательных аффиксов, обладающих собственной эмоциональной оценкой – *сыночек, голубушка, роденький*.

Невыводимость оценочной семантики из номинативного компонента значения лексем представляет собой характерную черту данной лексической подсистемы, определяет маркированность лексических единиц с эмоциональной оценкой.

Применение выявленных критериев позволяет определить группы лексики, непосредственно примыкающие к лексемам с положительной эмоциональной оценкой: ассоциативно-стилистическую лексику с ореолом эмоциональной оценки, номинативную лексику с эмоционально-оценочным фоном, 'возвышенную' лексику, лексику, обозначающую эмоции.

Специфика эмоционально-оценочной семантики обуславливает особый подход в выделении ЛТГ и ЛСГ слов, при котором определяющим фактором признается тематическая отнесенность первичной семантики вторичных (метафорических) наименований. Данная тематическая отнесенность определяет знак эмоциональной оценки и часто – общее значение вторичных эмоционально-оценочных наименований. Положение о взаимообусловленности тематической и лексико-семантической отнесенности при характеристике оценочной семантики раскрывается в следующей главе диссертации.

В заключительном параграфе II главы описано лексикографическое представление экспрессивной лексики и фразеологии в толковых и фразеологических словарях; предложена классификация экспрессивных помет автора.

3. Семантико-тематическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой

3.1 Лексика, выражающая ласковое отношение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой

В признании *ласкового отношения* разновидностью положительной эмоциональной оценки мы исходим из положения, выдвинутого Киселевой, однако включаем в это понятие также *ласково-поощрительное отношение* (Киселева 1968:387), совмещающее выражение ласкового отношения с одобрением.

Утверждение о включении *ласкового отношения* в понятие эмоциональной оценки разделяется не всеми исследователями, как с точки зрения категориальной сущности: разведения оценки и отношения (Петрищева 1984:166; Лукьянова 1983:16; Сергеева 1980:15), так и с точки зрения определения состава группы эмоционально-оценочной лексики (Сергеева 1980:16).

В нашем понимании *ласковое отношение* представляет собой вид положительной эмоциональной оценки, реализуемый посредством образных (экспрессивных) лексических значений слов (первичной или вторичной семантики) или взаимодействием основ слов с оценочными суффиксами.

На основании лексикографических помет *ласк.* и *уменьш.-ласк.* и указаний на семантику выражения ласкового отношения в толковании слов, в результате сплошной выборки из *Словаря русского языка* Ожегова был выделен лексический

корпус общим объемом более 120 лексем и лексико-семантических вариантов (ЛСВ) слов. Данный корпус единиц дополнен лексемами, выделенными из БАС, МАС, СУ¹

Анализ языкового материала позволил выявить семантическую разноплановость лексических единиц, что обусловило необходимость их дальнейшей дифференциации с учетом критериев, выдвинутых выше:

- разграничения словообразовательных (аффиксальных) и собственно-лексических средств выражения ласкового отношения (Галкина-Федорук 1958:107);
- соотнесенности значений оценочных суффиксов с лексическими значениями основ взаимодействующих слов (см. внимание к основам при определении значения суффикса *-еньк, -оньк (плохонький)* Wierzbicka 1996a:52-53));
- семантического различия между лексемами, тяготеющими к выражению собственно-оценочного значения (только ласкового отношения), и лексемами, в значении которых оценочный компонент совмещен с номинативным: лексемы типа *милый, дорогой, голубчик, милочка* с одной стороны, и лексемы типа *папочка, барашек, дубравушка, леденчик* – с другой.

Прежде чем перейти к описанию словообразовательных средств выражения ласкового отношения, следует определить ряд понятий, касающихся уменьшительно-ласкательных и ласкательных суффиксов.²

Не существует общепринятой точки зрения на определение суффиксов субъективной оценки как слово- или формообразующих. Автор исследования разделяет точку зрения, согласно которой суффиксы субъективной оценки (оценочные суффиксы) несомненно влияют на изменение семантики производящего слова, таким образом, признаются словообразующими.

Несмотря на давнюю лингвистическую традицию изучения суффиксов субъективной оценки (исследования Ломоносова, Буслаева, Аксакова, Потемни, Фортунатова, Шахматова, Виноградова, работы современных лингвистов,

¹ см. список словарей и их условных обозначений.

² Обзор различных точек зрения и историю рассмотрения суффиксов субъективной оценки см. в работе Галкиной-Федорук (1958:112-124).

Родимкиной и др.)³, рассмотрение данной проблемы не может считаться исчерпывающим, главным образом в аспекте соотношения уменьшительных – уменьшительно-ласкательных и собственно-ласкательных суффиксов, а также определения характера суффикса в связи с лексической семантикой производящего слова (ср.: Купина, Скорнякова 1979; Родимкина 1980).

В плане сопоставления и разграничения явлений субъективной и объективной уменьшительности и их соотнесения с семантикой выражения ласкового отношения представляется перспективной классификация Родимкиной, базирующаяся на разграничении суффиксов Востоковым и Буслаевым (Востоков 1831:18-19; Буслаев 1959:133) и выделении двух степеней оценки Виноградовым (Виноградов 1972:99).⁴

Данная классификация ступеней семантической градации существительных позволяет не только разграничить существительные реальной, объективной уменьшительности и существительные уменьшительно-оценочные, но и выявить существительные с собственно эмоционально-оценочным значением, лишённые представления о величине, размере, объеме или *“утратившие семантическую связь производного и производящего (слова) в результате десемантизации элементов структуры”* (Родимкина 1980:15).

Применение указанного принципа к лексике, выражающей ласковое отношение, позволит как упорядочить лексикографическую практику (уменьшительные суффиксы соответствуют первой ступени (объективная уменьшительность), уменьшительно-оценочные (уменьшительно-ласкательные) – второй, собственно-оценочные (ласкательные) – третьей, на четвертой ступени суффиксы не выделяются), так и ввести более четкие критерии дифференциации, опирающиеся на связь словообразовательного значения с семантикой лексического значения слова.

Рассмотрение аффиксальных средств выражения семантики ласкового отношения на конкретном языковом материале способствует расширению и уточнению состава выделяемых нами ЛТГ (лексико-тематических групп), которые определяются в связи с семантико-тематической отнесенностью производящих слов, а также

³ см. различие качественно-количественной характеристики и их экспрессивного назначения (Гак 1977:98), экспрессивной окраски и стилевой принадлежности (Бельчиков 1977:34) оценочных суффиксов.

⁴ см. разграничение полных, уменьшительных и уменьшительно-ласкательных форм русских личных имен (Wierzbicka 1996b:107).

конкретизации характера оценочных суффиксов, обусловленного предназначением (функцией) выражения ласкового отношения, совмещенного или не совмещенного с выражением субъективной уменьшительности, что в конечном итоге определяет место словообразовательных средств в системе языковых единиц русского языка.

3.1.1 Словообразовательные (аффиксальные) средства выражения ласкового отношения (лексемы и ЛСВ слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами; лексемы и ЛСВ слов с ласкательными суффиксами).

Данные подгруппы целесообразно рассмотреть в сопоставлении друг с другом, так как толковые словари (БАС, МАС, СУ, СО) не дают четкой выдержанной системы их идентификации в лексикографических пометах (в их отличии друг от друга и от лексем с уменьшительными суффиксами).

В нашей классификации определяющим признается принцип отнесенности лексических единиц к ТГ (тематическим группам) слов, а также наличие или отсутствие указаний (в значениях производящих основ) на величину, размер или объем.

Особо отмечаем, что часто ТГ становится ЛТГ, определяющей характер оценочности вторичных значений лексических единиц. Согласно одному из факторов, определяющих семантику производных значений – типу традиционно-сложившегося эмоционального отношения к предмету высказывания, традиционно положительно оцениваются (при словообразовательном способе выражения оценки) дети, предметы, относящиеся к детям, явления природы и животные, причем внеязыковой фактор проявляется в разном соотношении слов одной ЛСГ (лексико-тематической группы) с уменьшительно-оценочными производными: одни лексемы имеют такие производные, другие – нет (ср. Родимкина 1980:14).

В нашем понимании отнесенность к определенным ТГ (в частности, к ТГ наименований детей) становится языковым фактором: суффиксальные образования, характеризующие детей, полностью определены положительной эмоциональной оценкой (ласковым отношением), следовательно, такие группы определяем как

ЛТГ.⁵ Указанная закономерность выражается в том, что отрицательно-оценочные суффиксы при взаимодействии с основами слов ТГ названий детей не влияют на положительную оценку производящего слова: *девчушка, детишки*, а в случае совмещения отрицательно-оценочных суффиксов с отрицательно-оценочными (по денотату) производящими основами при характеристике детей суффиксы выполняют функцию смягчения отрицательной оценки денотата наличием семы ласкового отношения: *плутишка, глупышка*⁶.

Суффиксальные образования, объединенные согласно тематической отнесенности в ТГ названий детей, выражающие ласковое отношение, дифференцируются на уменьшительно-ласкательные: *карапузик, хлопчик, детки, детишки, ребятки, ребятишки, голышка, крепыш, малышка, сиротка, сиротинка* (суффиксы *-ик, -к, -ишк, -инк*) (СО) и собственно-ласкательные: *детишки, малюточка, мальчишечка, резвушка, деточка, крошечка, кнопочка, дитяtko* (СО), *ребятишки, сиротинушка* (СУ) (суффиксы *-ушк, -очк, -ечк*)⁷.

Вероятно, существенным фактором при данном разграничении явилось наличие у ряда лексем двух степеней оценки (Виноградов 1972:99; Буслаев 1959:134): *малютка – малюточка, детка – деточка*.

Тематическая отнесенность (сфера приложимости языковых единиц согласно денотативному содержанию) – оценка детей – не позволяет однозначно применить принципы “наличия/отсутствия указаний на объем, размер, величину”⁸.

Сюда же могут быть отнесены оценочные образования (прилагательные по происхождению): *младшенький, меньшенький, старшенький* (СУ) (Востоков 1831:64), оценивающие положение детей по отношению друг к другу в семье, рассмотрение которых возможно также в ТГ названий лиц по признаку близкого родства.

⁵ см. выделение мира маленьких детей и той эмоциональной ауры, которая возникает при общении с маленькими детьми (“смесь нежности, умиления, игривости, несерьезности”) (Wierzbicka 1996 б:119).

⁶ Выделение суффиксов *-ишк, -онк, -енк, -ушк, -юшк* как отрицательно-оценочных см. в работах (Виноградов 1972:115; Родимкина 1980:8; Купина, Скорнякова 1979:95). Лексемы *плутишка, глупышка* могут оценивать и взрослых, что не всегда фиксируют толковые словари.

⁷ Оценочные суффиксы могут взаимодействовать с неоценочными основами слов с метафорическим характером номинации (*кнопка, крошка*).

⁸ ср. “названия детей уже предполагают уменьшительность” (Купина, Скорнякова 1979:104).

Следующей ТГ, обладающей еще большей возможностью образования производных оценочных значений (фиксируемых и не фиксируемых толковыми словарями)⁹, является ТГ наименований лиц по признаку близкого родства. Как и ТГ названий детей, отнесенность к близкородственным связям является определяющей в выражении положительной эмоциональной оценки, следовательно, данная группа также относится к ЛТГ.

Тематическая отнесенность взаимодействующих с суффиксами основ слов обуславливает применение принципа отсутствия указаний на объем, размер, величину, что позволяет отнести к собственно-ласкательным суффиксальным образованиям¹⁰ лексемы *дедушка, дедуля, бабушка, бабуля, бабуся, папочка, папуля, мамочка, мамуля, мамуся, тятенька, дяденька, дядечка, тетенька, тетушка* (суффиксы *-ушк, -уля, -уся, -очк, -еньк, -ечк*) (см. Виноградов 1972:99; Востоков 1831:18-19).

В отношении номинации лиц младшей возрастной ступени целесообразна дифференциация значений характеристики детей, зафиксированных СО (*дочурка* – ‘к 1 знач.; разг.; о ребенке’ (СО), *братик* – ‘к 1 знач.; о ребенке; разг.’ (СО), и значений, не обусловленных данной характеристикой : *сыншшка, сынуля, доченька, братец, сестрица, сестричка, сестренка* (суффиксы *-ишк, -уля, -еньк, -ец, -иц, -енк*).

В соответствии с вышеизложенным суффиксы *-ик, -урк* можно определить как уменьшительно-ласкательные, а суффиксы *-уля, -уся, -ушк, -еньк, -очк, -ечк, -иц, -ец* как ласкательные. Промежуточное положение занимает лексема *сестренка* – ‘к 1 знач.: о малолетней сестре; о взрослой (прост.)’ (СО), в значении которой отрицательно-оценочный суффикс *-енк*¹¹ не выражает отрицательно-оценочной семантики, а лишь снижает степень выражения ласкового отношения¹².

Рассмотренная ТГ может быть дополнена не фиксируемыми СО лексемами *внучек, внучок* (СУ), выражающими уменьшительно-ласкательную семантику.

⁹ До 10 оценочных наименований по каждой лексеме вне различия положительной и отрицательной эмоциональных оценок (Купина, Скорнякова 1979:95).

¹⁰ Собственно-ласкательные суффиксальные образования – лексемы с ласкательными (не уменьшительно-ласкательными) суффиксами.

¹¹ ср. определение суффикса подобным образом в работах Виноградова (1972:115); Купиной, Скорняковой (1979:95); Родимкиной (1980:8).

¹² СО не фиксируется уменьшительно-ласкательный суффикс *-к* в лексеме *сестричка*. Вызывает возражение отсутствие производной лексемы *тетушка* при лексеме *тетя* в 1 значении (СО).

Оппозиция 'дети-взрослые' не препятствует возможности использования лексем с уменьшительно-ласкательным значением в отношении взрослых детей, при этом актуализируется семантика уменьшительности. При актуализации других сем может выражаться ироническая оценка: *сынко*, *дитятко*, *деточка* в применении к взрослому человеку в значении 'молодой, неопытный'.

Наибольшее число единиц, принадлежащих к данной разновидности положительной эмоциональной оценки, приводит СУ, выделяющий в частности, при лексемах ТГ названий детей, помимо указанных, варианты *мальчонка*, *мальчонок*, *мальчуган*, *мальчугашка* при лексеме *мальчик* (СУ), при лексемах ТГ названий лиц по признаку близкого родства варианты *деденька*, *дочушка*, *мамуня*, *маменька*, *мамонька*, *мамушка*. В то же время СУ не фиксирует многие варианты, приводимые в СО: *братик*, *бабуля*, *дедуля*, и др.

Включение оценочных вариантов в словники словарей зависит также от решения вопроса о признании суффиксов так называемой субъективной оценки слово- или формообразующими, типа словаря, учета хронологических критериев, стилистической принадлежности.

Лексемы, относящиеся к ТГ наименований лиц по признаку более дальней степени родства, могут приобретать наряду с выполнением выделительной функции (Купина, Скорнякова 1979:104) иронический либо уничижительный оттенок значения: *родственничек*, *племянничек*, *женишок*, *зятек*, который также способен фиксироваться в словаре: *женишок* – (разг.) Ласкат. или уничижит. к жених.' (СУ)¹³.

ТГ названий лиц по другим признакам представлены ограниченным набором лексем, обладающих одной-двумя производными. Сюда относятся наименования лиц по возрасту: *старичок*, *старушка*, *старушечка*, *старинушка* (СО), по наличию дружеских отношений: *дружок*, *дружочек*, *подружка*, *подруженька*, отношений любви: *ладушка*, *заснобушка* (СО), *любушка*, *милашка*, *миленок*, *миленочек* (СУ), по профессиональной: *пастушок*, *солдатик* (СО) и социальной принадлежности: *панночка*, *барынька* (СО).

Следует отметить, что названия лиц по признаку профессиональной принадлежности не свойственны для основ слов, выражающих ласковое отношение.

¹³ Пример оценочной энантиосемии суффикса: "Читай, зятек, почитай – я и тебе скажу: проугрюмисся всю жизнь, глядь – помирать надо." (Шукшин. Письмо).

Так, лексема *пастушок* может обозначать мальчика, обычно исполняющего эту должность, лексема *солдатик* (ср. *матросик*) характеризует отношение к человеку, принадлежащему к низшему воинскому чину (ср. пренебрежительное или презрительное значение этого же суффикса в лексемах, обозначающих более высокие воинские ранги: *офицерик, майорик*)¹⁴.

Также не свойственны для рассматриваемой группы названия лиц по признаку социальной принадлежности, лексема *панночка* может быть идентифицирована как относящаяся к ТГ названий лиц по признаку близкородственного отношения ('Дочь пана.' (СО), а лексема *барынька* – при характеристике девушки из интеллигентной семьи или актуализации принадлежности к детям, социальный же аспект выражается в оценочной энантиосемии суффикса: *барыня* – 'уничужит., и ласк. *барынька* (к 1знач.; разг.)'(СО).

Необходимо отметить превалирование наименований лиц женского пола при выражении ласкового отношения (*зззбуушка, хозззюушка, панночка, барынька*). Оценочные суффиксы способны выполнять функцию смягчения отрицательно-оценочного качества, признака, выражаемого основой слова (*плутишка, хвастунишка, худышка, глупышка, ревушка*)¹⁵, либо признака, обозначающего некоторую избыточность, социально воспринимаемую негативно (*толстячок, толстушка*).

Что касается разграничения уменьшительно-ласкательных и ласкательных суффиксов в зависимости от характера основы слова, целесообразно к первым отнести суффиксы первой степени оценки *-к, -ок* (*старичок, старушка*), ко вторым – суффиксы второй степени оценки *-ечк, -очек, -еньк* (*старушечка, дружочек, подруженька*) и суффиксы *-ушк, -юшк, -ашк, -ечк, -очк*, во взаимодействии с которыми основы слов не могут приобретать значения уменьшительности (*старинушка, нянюшка, милашка*) (см. разные значения уменьшительных форм в зависимости от основы, оканчивающейся на мягкий и на твердый согласный (Wierzbicka 1996б:118-119)).

Следующие группы лексических единиц, выражающих ласковое отношение, представляют собой ТГ лексем, называющих животных и птиц.

¹⁴ ср. "Ах ты, лейтенантик, лейтенантик! – пожалела его и себя Люся." (Астафьев. Пастух и пастушка).

¹⁵ ср. "Ну что ты, дурашка ты моя? – говорил ласково Смородин." (Шукшин. Пьедестал).

Данные группы ограничены номинацией круга явлений, непосредственно связанных с жизнью человека, благодаря чему можно расширить утверждение Родимкиной о том, что *“чем дальше предмет, обозначенный словом, от реального быта человека, тем меньше вероятность возникновения уменьшительно-оценочного существительного, соотносящегося с этим словом”* (Родимкина 1980:14-15) за счет его применимости к собственно-ласкательной лексике в рамках общего принципа антропоцентризма при оценочной номинации.

К ТГ названий животных прежде всего относятся производные образования от лексем, обозначающих домашний скот и домашних животных: *скотинушка, коровушка, буренушка, киска, кисонька, кисочка*; к ТГ названий птиц – наименования часто распространенных особей: *скворушка, соловушка, лебедушка*.

Если лексем с суффиксом *-ушк* относятся к собственно-ласкательным, то большинство других производных в СО идентифицируются как уменьшительно-ласкательные: *зайка, зайчик* (ср. с ласкательным суффиксом *заинька*), *волчок, гусек, барашек, козлятки*, хотя в речевом употреблении может актуализироваться сема ласкательности при деактуализации семы уменьшительности.

В последнем производном *козлятки* следует отличать уменьшительно-ласкательный суффикс *-к* (в формах множественного числа существительного, относящегося к нейтральным наименованиям детенышей животных (*козлятки – козлята*) от нейтральных в оценочном отношении суффиксов *-онок, -енок* в словах типа *медвежонок, львенок, козленок* (Родимкина 1980:8).

При анализе лексических единиц с суффиксами, выражающими ласковое отношение, принадлежащих к группировкам конкретных и абстрактных предметов и понятий (не-лиц), также применим критерий близости к сфере жизни человека, непосредственной важности для его существования. Сюда относятся производные образования от лексем, называющих предметы, которые *“нельзя уменьшить”* (так называемые *смягчительные имена* по терминологии Востокова (1831:18) *денек, денечек, ночка, ноченька, земелька, земляца, солнышко, водица, водичка* и др.¹⁶, а также лексические единицы, способные совмещать сему ласкательности с семой небольшого количества: *дровец, уголек, деготок*.

¹⁶ ср. *дубленочка – ‘дубленка (ласково)’* (НРЛ – 81).

Отнесенность к различного рода ТГ подобных единиц в связи с разнообразием семантических признаков и несистемной организацией представляется проблематичной (см. классификацию уменьшительно-оценочных существительных – Родимкина 1977:12-13), тем не менее и на ограниченном материале выделяются оценочные образования, принадлежащие к ТГ наименований продуктов питания: *хлебушко, хлебушек, сальце, горчичка, щец, леденчик*, к ТГ наименований, связанных с семантикой дерева: *дровец, дубравушка, дубинушка*, причем и здесь определяющей является не тематическая отнесенность, а народно-поэтическая традиция.

Особо следует отметить функцию выражения ласкового отношения к адресату, реализуемую при взаимодействии уменьшительно-ласкательных суффиксов с основой слова, обозначающего количество чего-либо: *чайку, кофейку, сахарку, кашки*. Данная функция обусловлена выражением эмоциональной оценки вне указаний на степень величины, оценочные суффиксы присоединяются к основам существительных, вроде бы чуждым идее размерности, но воспринимаемым эмоционально (субъективно) как уменьшительные (ср. Полянский 1978:9; Милославский 1980:146). При использовании данных лексических образований в вопросительных конструкциях: *“Не хотите ли чайку? Не желаете ли кашки?”*, других предложениях: *“(Экономка:) – Сейчас, маточка, и вам черносливцу принесу.”* (Голстой. Детская мудрость); *“–Чайку можно попить. Зайду.”* (Белов. Плотницкие рассказы); *“(Марья:) – Пошел бы да отнес человеку сальца с килограмм.”* (Шукшин. Суд); *“– Ты, Чижик, разбуди меня пораньше и новую курточку приготовь и новые сапоги... – Все изготовлю, будь спокоен... Сапоги отполирую в лучшем виде!”* (Станюкович. Нянька) значение уменьшительности деактуализовано при актуализации выражения доверительного, интимного расположения к собеседнику¹⁷.

Значительно меньшую в количественном отношении часть представляют лексические единицы, образованные от существительных, носящих абстрактный характер: *здоровьечко, долюшка, волюшка*, употребляемые в разговорной и народно-поэтической речи.

¹⁷ ср. также существительные, не обладающие реальным значением уменьшительности: *“Женщина указала внутрь него (шкафчика) и спросила: – Что желаете надеть – халатик или пижамку?”* (Булгаков. Мастер и Маргарита); *“ – К блинам что прикажете? Домашнего травничку? Икорки. семушки? К ушнице у нас херес на редкость хорош есть, а к наважке..”* (Бунин. Чистый понедельник).

Учет преподавания русского языка как иностранного настоятельно требует отграничения основ слов, способных взаимодействовать с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами, от основ слов, не обладающих такой возможностью.

Прежде всего следует дифференцировать возможность/невозможность привнесения эмоционального отношения к фактам действительности и возможность/невозможность их реального уменьшения.

Так, невозможно реальное уменьшение понятий, не предполагающих количественной градации ('безразмерных' понятий), что препятствует взаимодействию уменьшительно-ласкательных суффиксов с основами слов типа *воздух, восток, вьюга, гнев, климат* и т.п. В то же время абстрактный характер семантики и наличие сема значительной величины (*вьюга, гнев*) определяют невозможность взаимодействия основ слов с собственно-ласкательными суффиксами. Сема значительной величины обуславливает также невозможность взаимодействия данных оценочных суффиксов с основами слов, обозначающих пространственные и временные понятия: *век, эра, луна, земля – 'планета', вселенная* и т.п.

Анализ материала позволил также сделать вывод о невозможности взаимодействия оценочных суффиксов с основами слов, отражающих *официальные* понятия, не предполагающих выражение эмоционального отношения: *военачальник, герб, девиз, кадр* и др.; с основами слов, обладающими терминологическими значениями: *фонема, гипотенуза, карбюратор, корма* и т.п.

Семантическим препятствием присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов является также сема "важности, значительности" события, явления, особенно с общественной точки зрения (выражением чего может служить помета *книжн. высок.*), актуализирующая номинативный компонент значения, что подтверждается отсутствием оценочных вариантов следующих значений полисемантических слов, обладающих оценочными ЛСВ: *день – 4. чего. Число месяца, посвященное какому-н. событию, связанное с каким-н. событием. День победы. День рождения.'* (СО), *друг – 2. кого-чего. Стронник, защитник кого-чего-н. (высок.) Друг детей. Друг свободы.'* (СО), *солдат – 2. перен. Военный человек, воин. Наш генерал – старый солдат. Солдат революции.'* (СО), *слава.*

Данный факт подтверждает замечание Родимкиной о том, что из всех значений многозначного слова в уменьшительно-оценочном производном реализуются главным образом значения первичные, конкретно-предметные (Родимкина 1980:11).

Наряду с семантическим ограничением существенным фактором является наличие словообразовательных, структурно-семантических ограничений (например, отсутствие уменьшительно-оценочных вариантов у слов с отвлеченной семантикой и суффиксами *-ость, -есть, -ьба, -ота, -ета* (*слабость, свежесть, косьба, ломота, суета*), существительных со значением действия (*изменение, использование*) (Родимкина 1980:13), аббревиатур, неизменяемых слов (*такси, радио, кенгуру*), заимствований, существительных с нулевой аффиксацией, отглагольных существительных, существительных с особыми суффиксами (*-ние, -ота, -ция*), не взаимодействующих с оценочными суффиксами выражения ласкового отношения (лексические единицы типа *информбюро, вуз, ВЦСПС; метро, климат; синь, смрад; выпад, выкрик, загар, ломота; злота, заседание, революция, немота, извлечение*).

К случаям, в которых уменьшительно-ласкательные и ласкательные суффиксы не выражают семантику ласкового отношения, относятся примеры лексикализации: *лампочка, ларчик* (см. 4 ступень классификации Родимкиной (1980:15), характеристики небольших размеров либо молодости кого-чего-либо: *кабанчик* – ‘молодой кабан’, *ларчик* – ‘небольшой ларец’, уменьшительными суффиксами, омонимичными по форме уменьшительно-ласкательным суффиксам, дифференциации стилевой принадлежности: *крякуша* – ‘Обл. Кряква.’ (БАС), *казаченька* – ‘нар.-поэт и обл. То же, что казак.’ (БАС).

Как уже было отмечено выше, существуют значительные различия при дифференциации уменьшительно-ласкательных и ласкательных суффиксов в работах Буслаева, Востокова, Виноградова, Галкиной-Федорук, Родимкиной, Купиной и др.

По нашему мнению, определяющим фактором при реализации суффиксальных образований в контекстах словоупотреблений является принцип коммуникативного намерения, актуализирующего семантику уменьшительности либо выражения ласкового отношения. Следует отметить, что лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами могут использоваться в функции выражения ласкового отношения при актуализации семы ласкательности и деактуализации семы уменьшительности (в речевом употреблении), верно и обратное, т.е. определяющим

фактором является именно коммуникативное намерение субъекта оценки, ситуация общения.

Другим фактором дифференциации является характер семантики взаимодействующей основы слова, ее тематической отнесенности, определяющей значение лексемы в целом. Что же касается собственного значения суффиксальных средств выражения ласкового отношения, нужно отметить существование суффиксов, закрепленных за выражением только ласкового отношения (-уля, -уся, -уша, -ушк, -очк, -ечк, -оньк, -еньк и др.) (см. ласковые суффиксы -очк, -еньк, -ушка, -уша в производных от личных русских имен) (Wierzbicka 1996б:118-119), суффиксов, закрепленных за выражением уменьшительно-ласкательного отношения (-ик, -ок, -ек, -к и др.), но реализующих собственную семантику в соответствии с характером значения основы слова. Более точному определению состава каждой из групп суффиксов способствуют критерии наличия двух ступеней оценки (*папа - папуля - папуленька, день - денек - денечек*) и наличия/отсутствия значения уменьшительности в семантике взаимодействующей основы слова (различие объективной и субъективной уменьшительности описано в работах (Родимкина 1980:15; Купина, Скорнякова 1979:98-105).

Задача исчерпывающего освещения лексических образований с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами в нашем исследовании не ставится (в частности, не рассматриваются суффиксальные образования от основ имен прилагательных, представляющие собой специфическую черту русских прилагательных (Брагина 1982:35), хотя, несомненно, учет всех возможных вариантов и противопоставление семантики производящих слов семантике слов, от которых производные не могут быть образованы, с обязательным использованием речевых употреблений могли бы стать предметом специального рассмотрения, полезность которого бесспорна с точки зрения преподавания русского языка как иностранного.

Для нашей работы определяющим является разграничение положительной и отрицательной языковой оценочности и дифференциация ласкательных и уменьшительно-ласкательных образований.

Исходные данные, полученные в результате сплошной выборки из толкового словаря, не могут служить исчерпывающим источником для выявления всего многообразия возможных сочетаний с оценочными суффиксами. Сложность состоит и в том, что составители толковых словарей, исходя в определении словника

из совокупности семантических и словообразовательных критериев, не всегда включают однотипные оценочные образования.

3.1.2 Собственно-лексические средства выражения ласкового отношения.

3.1.2.1 Лексемы (ЛСВ слов), возникшие в результате метафоризации (метафорические наименования).

В отличие от словообразовательной мотивированности определяющим фактором выделения рассматриваемой группы является семантическая мотивированность, при которой происходит уподобление двух различных предметов по общему для них признаку. При этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей русского языка как воплощение данного признака (см. подробнее об этом 2.4).

Значительную группу составляют метафорические наименования, образованные от названий птиц (ТГ названий птиц): *голубка* – ‘Ласковое обращение к женщине, девушке, соответствующее по значению словам: *милая, дорогая.*’ (БАС), *голубеночек* (БАС), *голубица* (МАС), *голубок, голубочек, голубь, голубушка*¹⁸, *голубонька* (ср. отсутствие оценочного (метафорического) значения лексемы *голубочка*), *горлинка, ласточка* – 2. Разг. В ласковом обращении (к женщине, ребенку).’ (БАС), *ластовица* (БАС), *лебедь* – 3. ж. Ласкательное обращение к женщине (обл. народн.-поэт.)’ (СУ), *леbedка, леbedушка, сокол, соколик* – ‘Ласковое название юноши, мужчины (обычно в обращении).’ (СО), *соколенок* – ‘Ласковое обращение к ребенку, юноше.’ (БАС); сюда же должны быть отнесены немотивированные на синхронном срезе единицы (не имеющие соответствий в мире птиц) типа *голуба, голубчик, касатик* с аналогичным значением. Круг наименований, используемых для переосмысления, ограничен несколькими названиями птиц (*голубь, сокол, ласточка, леbedь*), получившими особое значение (как результат сравнения) в народно-поэтической традиции.

При переносе значения опорным компонентом является пол птицы и ее возраст (см. *горлинка, голубица, ласточка, леbedь, леbedка, касатка* и т.п. при выражении ласкового отношения к девочке, девушке, женщине; *касатик, сокол, соколик, голубок*, и т.п. – к мальчику, юноше, мужчине; *соколенок, голубеночек* (птены сокола, голубя согласно

¹⁸ “Милая, светлая моя, мне-то... Катя, голубушка”. (Белов. Привычное дело).

первичной семантике) при обращении к мальчику, юноше (не мужчине); *сокол* – к мужчине, юноше (не мальчику); *лебедь* – к женщине, девушке (не девочке), в то же время лексема, не имеющая соответствия в мире птиц, может употребляться как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине, по отношению к ребенку любого пола: *голубчик* – 1. Ласковое обращение к мужчине или женщине, соответствующее по значению словам: милый, дорогой.’(БАС), *голуба*¹⁹.

Отмеченное нами стремление метафорических наименований к выражению собственно-оценочного значения подтверждает возможность их использования по отношению не только к людям, но и к животным, что может фиксироваться в лексикографическом описании: *голубь, голубчик, голубушка, соколики* – 2. Обычно мн. Ласковое обращение к лошадям.’(БАС) – метафорическое значение, основанное на переносе по сходству, признаку ‘стремительности’ птиц и лошадей²⁰.

Среди метафорических наименований, образованных от названий животных, которые используются в функции обращения к человеку, толковыми словарями выделяются лишь лексемы *киска* – (перен: о женщине).’(СО), *кисонька* – // Ласковое обращение (обычно к ребенку).’(БАС)²¹.

Рассмотренные единицы могут быть дополнены устойчивыми интимными речевыми квалификативами: *зайка, зайнька, мышка, рыбка*²².

Специфическими ЛТГ единиц, выражающих ласковое отношение вторичной семантикой, являются ЛТГ с общим значением ‘очень ценный’: *драгоценный* (СО), *золотой* – 6. перен. Дорогой, любимый. *Золотой мой!* (СО), *золотенький, золото* – 6. перен. Ласкательное обращение: *ненаглядный, дорогой, сокровище.*’(СУ), *золотко, золотце, сокровище* – ‘Ласковое обращение к дорогому, любимому человеку (обычно в сочетаний со словом *мое*).’(БАС), ЛТГ слов, связанных с семантикой ‘света’: *свет* – 4. Употр. как ласкательное обращение (устар.) *Свет ты мой ясный!* (СО), *светик,*

¹⁹ “Отец встал, да и говорит: Ты, матка, свои звуки и слезы прикрой, а Олешке носи новые катанки. Тут я, голубчик, и нагулялся, натешился” (Белов. Плотницкие рассказы). “– Что с тобой, голубчик? – заботливо спрашивала она, присаживаясь к ней (сестре) на край постели.” (Боборыкин. Ходок).

²⁰ “Гей, гей! Ох вы, соколики! У-у! - залился лихач-кучер, – и коляска понеслась во весь дух.” (Григорович. Проселочные дороги).

²¹ “Ну, скажи мне, Сашурочка, скажи, моя кисинька, чего бы ты хотела? – спрашивает Илья Самойлович, с тоской глядя в большие серьезные глаза дочери.” (Куприн. Детский сад).

²² “Чиженька мой, – ласково, тихо – так знакомо! – говорила Клара.” (Шукшин. Беспалый).

солнышко – 2. Народно-поэт. и разг. Ласковое название дорогого, любимого человека или ласковое, приветливое обращение к кому-либо (обычно в сочетании со словом *мое*).'(БАС), *солнце* (*Солнце мое!*), ЛТГ 'божественного! *ангел* – 2. Ангел мой, мой ангел. и т.п. – употр. в ласковом обращении, особенно к любимой женщине.' (БАС), *херувим* (БАС), ТГ наименований мифологических существ религиозной жизни.; *чертушка* – (прост.) Шутливо-ласковое обращение к человеку. *Потише ты, чертушка.*' (СО)²³, ТГ названий реальных или вымышленных частей тела человека: *сердце* – "Сердце мое. Разг. Ласковое, нежное обращение к кому-либо.'(БАС), *сердечко, сердечушка, кровинка* – 2. Простореч. Ласковое обращение к близкому человеку.' (БАС), *кровиночка, кровинушка*, частей тела животных: *лапочка* – 'О милой, симпатичной девушке, женщине (разг.; чаще в обращении)'(СО), *лапушка* – 'Ласковое обращение к женщине.'(СО), а также отдельные лексемы: *крошка* – 'В ласковом обращении (к ребенку, женщине)'(БАС 5), *ягодка, кроха* – 2. (обычно в обращении). Прост. Ласковое название женщины.'(МАС), *ягодочка, кристалл* – 2.// В обращении. *Кристалл души, мой кристалл.*'(БАС), *кормилец* – 2. Ласковое обращение к мужчине (устар.)'(СО)²⁴, *дитя* – 4. Употр. как ласковое обращение, преимущественно к девушке, юноше (поэт.)'(СУ) – ТГ названий детей.

Среди вторичных наименований, образованных от абстрактных существительных (существительных, выражающих абстрактные понятия), фиксируются только две единицы: *прелесть* – 4. (обычно со словом *моя*). Разг. ласковое обращение.'(МАС)²⁵, *надежа* – 2. Народно-поэт. Ласковое обращение к близкому, любимому человеку.' (БАС)²⁶.

Особо следует отметить лексемы *душенька* – 2. Ласковое обращение (преимущественно к женщине).'(МАС), *душечка*, образованные от метафорического наименования *душа* – 7. Дружеское фамильярное обращение к кому-либо.'(БАС), относящегося к средствам выражения дружелюбия при взаимодействии с

²³ Лексемы *чертушка, лапушка* не имеют соответствующих метафорических бессуффиксальных вариантов, тем не менее см.: *лапа* – 'ж . Ласковое обращение (фам.; в разг. речи); от *лапочка* – обращение.'(НРА – 82).

²⁴ "Мужики загремели: Кормилец, дождались мы тебя." (Гоголь. Мертвые души).

²⁵ "Прости, моя прелесть! Довольна ли ты моею сегодняшней болтовнею?" (Пушкин. Роман в письмах)

²⁶ "Улыбаясь, обняла меня и молвила: Не покинь меня, надежа, все я вынесу, при тебе и злое горе будет радостью." (Никитин. Уж не я ли тебя..).

ласкательными суффиксами *-еньк*, *-ечк*, что обусловило включение данных лексем в средства выражения ласкового отношения.

Тенденция присоединения ласкательных и уменьшительно-ласкательных суффиксов к метафорическим наименованиям имеет системный характер, при этом усиливается интенсивность выражения ласкового отношения: *соловушка*, *лебедушка*, *заинька*, *голубушка*, *кисонька*, *кисочка*, *русалочка*, *солнышко*, *золотко*, *золотце*, *ангелочек*, *светик*. Данный пример подтверждает стремление лексических единиц к прагматической избыточности (Киселева 1978:43) (ср. "*сокращаясь в одних сферах, язык обычно развивается в других*" Будагов 1976:142), характеризующее оценочную информацию в целом.

Часть лексических единиц обладает при этом обще-оценочной семантикой, функция ласкового обращения является для них основополагающей, системообразующей: *солнышко*, *золотко*, *золотце*, *голубушка*, *кисонька*, *кисочка*, *лапушка*, *светик*, другая часть лексем выражает частно-оценочные значения красоты (*русалочка*, *ангелочек*, *лебедушка*), кротости (*заинька*), хорошего голоса (*соловушка*), совмещенные с выражением ласкового отношения, причем и эта группа лексем стремится к обобщенности оценочной семантики, характеризуя предмет оценки по ряду положительно-оцениваемых признаков (*ангелочек*, *лебедушка*): красоты, доброты, грациозности и т.д.

Представленные единицы различаются также сферой применимости по признакам пола (к лицам мужского пола – *соловушка*, *соколик*; к лицам женского пола – *лебедушка*, *русалочка*), отнесением к детям (*заинька*).

Ряд рассматриваемых лексем может быть расширен за счет не фиксируемых словарями образований *ангелочек*, *соколичек*, *зоренька*, *звездочка*, употребляемых с ласкательными и уменьшительно-ласкательными суффиксами, при этом актуализируется значение ласкательности и деактуализируется значение уменьшительности при сочетании с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Многие наименования (типа *голуба*, *голубчик*, *касатик*, *чертушка*, *лапушка*, *душенька*, *душечка*, *душка*, и т.п.) в современном русском языке утратили первичное номинативное значение (согласно лексикографическому описанию (в словарях), сохранив при этом за счет внутренней формы образность либо получившие образность за счет немотивированности.

Наряду с приведенными выше прилагательными, выступающими в функции существительных в значении 'милый, дорогой! *золотой, золотенький, драгоценный* (см. отнесенность к ТГ наименований, связанных с семантикой особой ценности, богатства), выделяются также лексемы *сладкий, сладенький* (относящиеся к ТГ наименований, связанных с семантикой сладости) в том же значении: *сладкий* – 4. Перен. Разг. Милый, дорогой, близкий сердцу (о человеке)' (БАС)²⁷.

3.1.2.2 Лексемы (ЛСВ слова), возникшие в результате первичной номинации.

Близкую по семантике группу (к группе метафорических наименований, выражающих ласковое отношение) представляют собой прилагательные, выступающие в позиции обращения в функции существительных, с общим значением 'милый, дорогой! *милый* – 1. прил. Славный, привлекательный, приятный. *Милый ребенок. Милая улыбка;* 2. прил. Дорогой, любимый. *Милый друг;* *дорогой* – 2. Любимый, близкий, милый сердцу. *Дорогой* – эпитет при ласковом обращении, часто в соединении с местоимением *мой*, с существительным или (в знач. сущ.) без него.' (БАС).

Следует отметить промежуточный характер данной ЛТГ, занимающей место между лексемами, выражающими ласковое и дружелюбное отношение. Действительно, словарями фиксируется то и другое значения: *дорогой* – 'Пиши чаще, дорогой! (сущ.: дружеское обращение).' (СО), *дорогой* – 'В обращении как выражение приязни.' (МАС), здесь данное различие не учитывается²⁸, *желанный* – 2. Милый, любимый (чаще в обращении; устар.) (СО), *любезный, разлюбезный, прелюбезный*²⁹, *любимый, милый, миленький, родимый, родименький, родной, родненький, сердечный* – 4. в знач.

²⁷ "(Марья:) А вы кого шишечкой зовете? (Татьяна:) Я? Ой! (Марья:) Ага! А вы кому пишете – «сладкий мой котик?»" (Горький. Дети).

²⁸ см. также отнесенность данной лексемы к ЛТГ наименований, связанных семантикой 'ценности'.

²⁹ В связи с тем, что лексема *любезный* устарела, а также возможно в зависимости от значения 3. Форма фамильярного обращения к человеку более низкого социального ранга (простор. устар.)(СУ), в современном употреблении она обладает иронической оценкой (устар., теперь – ирон.)(СУ). как и *разлюбезный, прелюбезный, любезный* – 5. Возлюбленный (нар.-поэт. и прост. неодобрит.)(СУ).

сущ. м. Употр. как ласковое обращение с оттенком жалости, сострадания (прост.)'
(СО)³⁰.

В роли прилагательных данные единицы сочетаются (с высокой степенью частности) с существительными определенной семантики: *друг, подруга, брат, отец*, именами собственными, определяя значение, синонимичное этому прилагательному в функции существительного. Наряду с первичными наименованиями существуют лексемы, значения которых выражают ласковое отношение к лицу, которые осложнены ласкательными и уменьшительно-ласкательными суффиксами (*миленький, родименький, родненький*) и экспрессивными префиксами (*прелюбезный, разлюбезный*).

В аналогичной функции используются существительные, образованные от приведенных выше прилагательных с помощью эмоционально-оценочных суффиксов: *милаша* – 'В ласковом или фамильярном обращении' (МАС), *милашка, милочка, родимушка, роднуша*, присоединяемые суффиксы определяются нами как собственно-ласкательные (*-уша, -аша, -ашка, -уля, -очка*).

Все приведенные лексемы в позиции обращения обладают собственно-оценочным значением (выражением ласкового отношения) и могут быть применимы к любому лицу независимо от пола и возраста (см. *милочка* – 'Фамильярно-ласковое обращение к женщине, реже к мужчине.' (БАС), *премилашка* – 'Разг. Очень милая, миловидная девушка, женщина; человек, мужчина.' (БАС).

В связи с наличием в данной группе лексем *миляга, симпатияга*, особо следует остановиться на определении характера лексем суффиксами *-ага, -яга*. Данные суффиксы относятся к прагматическим аффиксам (наряду с суффиксами *-уля, -ыга, -еньк*) (Киселева 1978:53), значение которых Буслаевым определялось как "выражение уничижения, иногда с оттенком жалости, снисхождения и даже ласки: *бедняга, торопыга, пьянчуга, миляга*." (Буслаев 1959:134). Отнесение суффиксов *-ага, -яга* к экспрессивным (Практическая стилистика 1964:110) не решает вопроса их оценочного характера.

Вероятно, определяющим фактором при их идентификации должна являться семантика взаимодействующей с суффиксом основы лексемы, в соответствии с чем

³⁰ С точки зрения преподавания русского языка как иностранного любопытно замечание о национальном характере внутренней формы таких лексем, как *желанный, ненаглядный, голубка, касатка* (Вайгла 1978:14).

лексемы *бедняга*, *бедолага* выражают сочувствие, лексемы *тудяга*, *работяга* – фамильярное одобрение, лексемы *миляга*, *симптяга* – фамильярное одобрение, осложненное ласковым отношением: *миляга* – ‘м. и ж. (прост.). Милый, располагающий к себе человек.’ (МАС). Значение основы слова определяет также семантику лексемы *сердяга* – ‘Прост.; Бедняга, родимый, милый человек (с оттенком сострадания и жалости).’ (БАС)³¹.

Продуктом первичной номинации являются также лексемы, оценочное значение основ которых не мотивированно, употребляемые в сочетании с ласкательными суффиксами. Вероятно, данные лексемы можно также определить как лексемы со значимой звуковой формой: *дуся* – ‘Милый, хороший. Ласковое обращение к женщине, иногда к мужчине.’ (БАС)³², *ясочка* – ‘Устар. форма ласкового обращения к женщине, девушке в знач.: голубушка, душенька.’ (БАС)³³, *ясонька*³⁴, *симпомпончик* – ‘м. и ж. Разг. О человеке, приятном на вид, пухленьком, румяном и т.п.’ (БАС).³⁵

К единицам с непроизводным значением относятся также лексемы, выражающие ласково-поощрительное отношение (совмещение оценочной семантики ласкового отношения с семантикой похвалы, поощрения как разновидностью одобрения/восхищения, в данном случае одобрения : *пай* – ‘в знач. сказ. и прилаг., нескл., м. и ж. (разг.) То же, что паинька.’ (СО), *паинька* – ‘м. и ж. (разг.) Ласково-поощрительное название послушного ребенка.’ (СО).

Что касается приемов и способов презентации лексики, выражающей ласковое отношение, в иностранной аудитории, наиболее оптимальным признается ситуативно-тематический принцип (Костомаров, Митрофанова 1984:22-29; Слесарева 1980) с учетом словообразовательной структуры слова и обязательным указанием на наличие в значении слова семантики ласки (см. Стернин 1982:32). В сложных случаях при недостаточности языковой догадки, опирающейся на общее

³¹ “Эти тоже, сердяги, хватили горя.”(Фурманов. Мятаж), “В трактире его встречал дядя, ласково улыбаясь. – Пришел, работник? Ах ты, сердяга. Устал?”(Горький. Трое).

³² “– Будьте прежним дусей, любите меня немножко, – говорила Ариадна, склоняясь ко мне.” (Чехов. Ариадна).

³³ “Зайду, непременно к вам зайду, проведу вас, моя ясочка.”(Достоевский. Бедные люди)

³⁴ см. также речевые употребления *пуся*, *пампуся* и т.п. Возможно соотнесение с собственно-ласкательным суффиксом *-ся*.

³⁵ “(Андрей:) Понравилась тебе Галина? (Алексей:) Красивая... (Андрей:) А эта, что с тобой приехала, тоже симпомпончик.” (Розов. В добрый час).

значение ТГ и используемых суффиксов, необходимы уточнения и пояснения преподавателя. Следует обратить особое внимание на эмоционально-окрашенную фольклорную лексику как разновидность безэквивалентной лексики (Денисов 1974:42), представляющую при презентации особую трудность.

3.2 Лексика, выражающая дружелюбное отношение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой

Впервые нами выделяется *дружелюбное отношение* как вид положительной эмоциональной оценки, представляющий собой разновидность воздействия субъекта оценки на адресата (лица, с которым субъект оценки не связан дружескими отношениями) с целью установления интимного контакта, достижения запланированного эффекта воздействия, стимулирования положительных эмоций адресата по отношению к субъекту оценки.

Указания на возможность лексических единиц обладать семантикой дружелюбия находятся в ряде лингвистических работ и лексикографических пометах. В то же время необходимо отметить, что традиционно дружелюбие не выделялось в специальную самостоятельную разновидность отношения субъекта речи к адресату, а определялось как оттенок употребления лексем, выражающих ласковое отношение (Киселева 1968:378).

Тем не менее на основании принципа функционально-коммуникативной типологии лексических единиц, обуславливающего необходимость изучения средств выражения определенного намерения субъекта речи (в данном случае цели выражения дружелюбия наряду с целями выражения ласкового отношения, одобрения и восхищения), возможно подобное выделение, актуальное в точки зрения преподавания русского языка как иностранного.

Актуальность определяется принципами системности и функциональной значимости языковых единиц в обучении лексической системе языка. Соотносясь с текстовой функцией интимизации текста, изложения, реализуемой в организации речевых средств при доминировании эмоционально-оценочного момента (Бельчиков 1978:118-122), выражение дружелюбного отношения образует единство с выражением ласкового отношения, представляет собой более низкую степень экспрессивного воздействия на адресата оценивания. Что касается соотношения функции выражения дружелюбия с контактоустанавливающей функцией, следует

отметить специфику стремления субъекта речи к установлению и поддержанию интимно-дружеского контакта, противопоставленного контакту официально-дипломатическому (Киселева 1978:108), нейтральному о позиции выражения эмоциональности (ср. понятие *“желательной тональности общения”*, указания на интимно-доверительный оттенок вокативов (Формановская 1982:49,61),

Прежде чем перейти к описанию конкретного материала, следует подробнее остановиться на обосновании отнесения лексики, выражающей дружелюбие, к эмоционально-оценочной. Как уже было отмечено, в философском и логическом смысле понятия отношения и оценки не идентичны, но в лингвистическом аспекте понятие субъективного отношения реализуется в форме субъективной оценки (субъективной = соотносенной с субъектом), сводящей многообразие оценочных значений к противопоставлению положительного и отрицательного планов, в нашем случае дружелюбию – недружелюбия.

Субъективно-объективный характер категории дружелюбия определяется субъективным (с точки зрения субъекта) применением лексических единиц безотносительно к факту реального (объективного) обладания объектом оценки тем или иным свойством и объективной закрепленностью семантики дружелюбного отношения в сознании коллектива и языковых значениях лексем. Выражение отношений дружелюбия нельзя смешивать с выражением более общего благожелательного (хорошего) отношения, к которому также относятся ласковое отношение, одобрение, восхищение; семантика единиц дружелюбия обусловлена именно дружескими отношениями.

Семантика выражения дружелюбия как вида речевого воздействия затрагивает эмоциональную сферу человека, что подтверждается ее близостью с семантикой ласки, их взаимосвязью и взаимообусловленностью, выражающихся в существовании ряда переходных случаев и возможности использовать единиц определенных групп в обеих функциях (обусловленных коммуникативным намерением субъекта оценки), что, впрочем, не отрицает самостоятельного характера категории дружелюбия.

В сравнении с ласковым отношением дружелюбие обладает меньшей степенью выражения положительного отношения субъекта речи к адресату, меньшей степенью заинтересованности субъекта в достижении запланированного эффекта (результата), возможностью использования в сфере общения, исключаящие либо

чрезвычайно ограничивающие выражение ласкового отношения: обиходно-бытовой речи, разговорной речи с учетом социальных, возрастных, психологических факторов (см. Формановская 1982:68).

Характер семантики лексических единиц, принадлежащих к рассматриваемой группе, можно определить как собственно-оценочный, при этом оценочная семантика (выражение дружелюбного отношения) обусловлена значением денотата (вторичные наименования деактуализируют внутреннюю форму слов, первичное номинативное значение, образуя общность в функциональном плане); на первый план выдвигается оценочный компонент значения, и номинативно-оценочный при суффиксальном способе образования от основ слов с номинативной семантикой: *старинушка, соседюшка*.

Выражение оценочной семантики значением денотата (противоположную точку зрения см. в работах Лукьяновой, Матвеевой, Петрицевой) не может служить препятствием в отнесении лексики к эмоционально-оценочной (исходя из нашего понимания категории эмоциональной оценки), как и в других видах положительной эмоциональной оценки, например, в восхищении: *восхитительный, изумительный*, ласке: *золото, свет*, одобрении: *молодец, мастер*.

Субъективно-объективный характер дружелюбия определяется также субъективной ценностью для субъекта речи адресата оценки, основывающейся на объективном признании, значимости в общественной точке зрения отношений дружелюбия.

Стилевая принадлежность лексики, выражающей дружелюбное отношение, аналогична стилевой принадлежности других видов положительной эмоциональной оценки (разговорная речь, публицистический стиль, стиль художественной литературы), определяется характерными признаками экспрессивности как родовой категории, включающей эмоциональную оценочность: неофициальностью, интимностью общения.

Семантико-синтаксическая обусловленность выражения дружелюбного отношения (обращением к незнакомым людям, лицам, с которыми субъект оценки не связан дружескими отношениями и синтаксической позицией обращения) не препятствует, в нашем понимании, выделению данного вида положительной эмоциональной оценки. Большинство эмоционально-оценочной лексики вообще обусловлено лексически, фразеологически, синтаксически, что не отрицает

возможности ее выделения. Что же касается разграничения значения и функции, принятое нами положение о возможности выражения оценочной семантики отдельным значением многозначного слова позволяет осуществить указанное выделение.

На основании указаний на семантику выражения дружелюбного отношения, в результате сплошной выборки из СО и использования данных БАС, МАО, СУ, был выделен лексический корпус, насчитывающий более 70 лексем и ЛСВ слова.

3.2.1 Словообразовательные (аффиксальные) средства выражения дружелюбного отношения.

Положение о возможности выделения суффиксов, выражающих дружелюбное отношение, основано на замечании Киселевой, различающей вслед за Галкиной-Федорук “эмоционально-оценочные синонимы, значение которых различается интенсивностью выраженной в них положительной оценки” (Киселева 1968:406) на примере уменьшительно-оценочных суффиксов (*браток – братишка – братишечка – браточек*). Действительно, традиция употребления оценочных образований типа *браток – 2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (прост.)’ (СО)* отличается от других лексем, выражающих ласковое отношение, некоторой сниженностью интенсивности воздействия, что, в свою очередь, определяется социальными нормами использования лексем в обращениях. При этом речь идет не о стандартизованности обращения, благодаря чему утрачивается эмоциональная отнесенность и не ощущается субъективное отношение (см. Купина, Скорнякова 1979:107; Лукьянова 1976:19), а о меньшей степени интенсивности, обусловленной функционально, спецификой семантики, закрепленной в языковом значении.

К словообразовательным средствам выражения ласкового отношения относятся случаи взаимодействия суффиксов *-к, -ек, -ок, -ец*, определяемых как омонимичные уменьшительно-ласкательным суффиксам в связи с различием выражения ласкового отношения и дружелюбия, с основами некоторых лексем, относящихся к ЛТГ наименований лиц по признакам близкого родства³⁶: *дедка (прост.), дедок (разг.) – 2. Вообще о старике, преимущественно в обращении.’ (СО), братец, браток – 2. Фамильярное или дружеское обращение к мужчине (разг.)’ (СО), сынок – ‘Дружеское обращение к мальчику, молодому человеку старшего по возрасту.’*

³⁶ ср. отсутствие значения дружелюбия: *мамка, бабка, тетка*.

внучка – 2. Ласковое (в нашем понимании дружелюбное – А.З.) обращение пожилого человека к молодой девушке, женщине.’ (СО), ТГ названий детей: *детки, ребятишки*, ЛТГ названий дружески расположенных лиц: *дружок* – 3. Употр. как обращение к близкому человеку, а также (прост.) как вежливое обращение к товарищу, к соседу, к встречаемому человеку.’ (СО), *подружка* (см. *подруга* – ‘Девочка, девушка или женщина в обращении к другой девочке, девушке или женщине с оттенком дружелюбия (с возрастной корреляцией)’³⁷).

Особо следует отметить случаи перехода вежливых обращений в дружелюбное обращение за счет присоединения суффиксов *-ик*: *сударик* – ‘Устар. прост. Ласковое обращение к мужчине, мальчику.’ (БАС), *сударка*.

Вероятно, сюда же должны быть отнесены оценочные образования с суффиксом *-ан* в применении к ТГ названий лиц по возрасту и к ТГ названий детей и близких родственников, традиционно определяемые как выражающие ласковое отношение: *старикан, мальчуган, братан*.

Следует также отметить лексическую единицу *братва* – (прост.) Друзья, товарищи.’ (СО), используемую только в функции выражения дружелюбного отношения.

Здесь же могут быть рассмотрены лексемы *дорогуша* – ‘Дружески-фамильярное обращение (разг.)’ (СО)³⁸, *милуша* в связи с характером суффикса *-ша*, занимающие промежуточное положение между лаской и дружелюбием как видами эмоциональной оценки.

Что касается лексемы *дружище* – ‘Обращение в знач. друг (в 3 знач.)’ (СО), здесь семантика дружелюбия, выраженная лексическим значением производящего слова, совмещается с семантикой увеличительно-эмоционального суффикса *-ище*, разновидностью эмоционально-размерных суффиксов (Купина, Скорнякова 1979:95) благодаря чему усиливается интенсивность выражения дружелюбия и определяется специфическая позиция обращения.

Близость семантики дружелюбия и ласкового отношения обуславливает возможность использования средств выражения одного вида эмоциональной

³⁷ “Ну что ты, что ты, браток! – не зная, чем ему помочь, утешали водителя солдатъ.”, “– Откуль будешь, дочка? – лез с вопросом к Люсе любящий всех людей на свете Карышев.” (Астафьев. Пастух и пастушка).

³⁸ “– Будешь, дорогуша, с ученым спать.” (Шукшин. Микроскоп)

оценки для реализации семантики другого вида, в связи с чем в позиции обращения к лицам, с которыми субъект оценки не связан дружескими отношениями, могут выступать лексемы с ласкательными суффиксами, образованные от ТГ названий лиц по близкородственным отношениям: *дедушка, дедуля, бабуся, бабуля, дедуля, сестрица, мамаша, тетенька, тетушка, дяденька, дядечка, матушка*³⁹.

Особо интимный характер суффиксальных образований с *-уля, -уся* препятствует возможности использования лексем *мамуля, мамуся, папуля* и т.п., обозначающих самых близких родственников в функции выражения дружелюбия и требует особых отношений интимности при реализации лексем *бабуля, дедуля, бабуся*; в то же время характер суффикса *-аша* (*мамаша, папаша*) тяготеет к выражению меньшей степени интенсивности воздействия, свойственной дружелюбию.

В данной группе выделяются ЛТГ названий детей: *дитяtko, дитя* – 4. Употр. как ласковое обращение, преимущественно к девушке или юноше (поэт.)' (СУ), *ребяточки, детишки, ребятушки*, ЛТГ названий дружески расположенных лиц; *дружочек, подруженька* (сенсбилизация оценочной семантики см. 4.2), отдельные лексемы: *старинушка, соседушка, хозяйюшка, соседика* – 'м. и ж. к 1 знач.; разг.; обычно в обращении' (СО)⁴⁰, *сестрица, сестричка* – 2. Лицо среднего медицинского персонала в лечебных учреждениях' (СО), метафорические наименования: *кореш* – 'Прост. Близкий друг, приятель.' (МАС), *корешок*.

Абсолютное большинство лексем во вторичной оценочной функции (выражении дружелюбного отношения) употребляется в соответствии с признаками номинативного первичного значения; различиями по возрасту и полу (обращение к пожилому человеку, более пожилого человека к младшему по возрасту, обращение к равному по возрасту), нарушение данных пропозиций приводит к незапланированному эффекту: прекращению контакта либо изменению оценочного отношения в противоположную сторону (со стороны адресата). В то же время при наличии тесного непосредственного контакта между субъектом и адресатом, обусловленного отношениями дружбы, данное различие становится несущественным и может игнорироваться, выполняя при этом стилистическую роль создания речевой

³⁹ "Он мне: Матушка Анна Савишна, разбойники ограбили.." (Пушкин. Дубровский), " (Лука:) Эх, барыня-матушка! Молодая. красивая.. только бы жить в свое удовольствие." (Чехов. Медведь).

⁴⁰ "–И представь же ты себе, Наташа, и представь себе, моя добрая старушка??!" (Лесков. Соборояне).

экспрессивности, шутливого настроения. Соответствие может также нарушаться при запланированной цели сознательного снижения возраста собеседника (особенно – женщины), одобряемого в социальном коллективе.

Приведенное выше положение определяет номинативно-оценочный характер семантики вторичных наименований в тесной корреляции с первичной семантикой, которая ограничивает сферу приложимости единиц. Наряду с этим существуют лексемы, расширяющие сферу адресатов оценки за счет большего разведения первичного и переносного значений: *мамочка* – 2. м. и ж. Употребляется как ласковое обращение к мужчине или женщине, (фам. устар.)' (СУ)⁴¹, *мамуся* (словарями не фиксируется – А.З.)⁴², при этом речь идет не о транспозиции лексемы в речевом употреблении (см. 4.3), а о влиянии языкового значения лексемы *мамочка* на значение лексемы *мамуся*. Собственно-оценочное значение проявляется также в возможности соединения в высказывании рассматриваемых лексем с другими оценочными лексемами, невозможное в номинативной функции.⁴³

Особо следует отметить лексемы *батенька*, *батюшка*, *маточка*, используемые в значении выражения дружелюбного отношения в соответствии с полом адресата, но вне соответствия с возрастом (тяготеющие к собственно-оценочным лексемам): “А вот, *батюшка*, – как будто даже обрадовалась бабка.” (Белов. За тремя волоками) – в обращении к младшему по возрасту; “Что это вас, *батенька*, так давно не видно? – спросил Свежевский.” (Куприн. Молох) – в обращении к ровеснику; “Помню детскую радость бабушки при виде Нижнего. Дергая за руку, она толкала меня к борту и кричала: – Гляди, гляди, как хорошо! Вот он, *батюшка*, Нижний-то! Вот он какой!” (Горький. Детство) – в обращении к внуку; данное отличие фиксируется в лексикографическом описании: *маточка* – 2. Ласковое обращение (обычно к лицу женского пола).’ (БАС), *батюшка* – 2. Разг. Ласково-фамильярное обращение к собеседнику.’ (МАС), *батенька*.

⁴¹ “(Чубуков Ломову:) Ах, не размазывайте, ..*мамочка!* Говорите сразу!» (А. Чехов. Предложение), “Ты на обед сострой пельмешки, Таня. Побольше свинок положи и, знаешь, поджарь их чуточку. Чтобы они, *мамочка*, смотрели на меня эдакими поросятками розовыми.” (М. Горький. Трое)

⁴² “ (Боркин:) Голубчик Николай Алексеевич, *мамуся* моя, ангел души моей, вы все нервничаете, ноете.” (Чехов. Иванов)

⁴³ “Беседы их носили печать какого-то особого простодушия и кроткости: .. Послушай, брат Антипатор Захаревич! Ты заврался, *мамочка*, Иван Григорьевич!” (Гоголь. Мертвые души). “Иван Африканыч закурил у парня, весело спросил: – Что, друг мой, опять к нам приезжал? – Влекет, брат, – горестно согласился парень.” (Белов. Привычное дело).

Необходимо также отметить, что большинство рассматриваемых обращений представляют собой образования с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами, что, с одной стороны, обусловлено интенсификацией выражения дружелюбного отношения (внесения в него оттенка ласкового отношения), а с другой стороны, определено дифференциацией номинативной и оценочной семантики (ср. отсутствие лексем *сын, дочь* в реализации указанной функции при наличии *сынок, дочка, доченька*).

Рассматриваемые лексемы различаются степенью силы воздействия; наименьшей силой воздействия обладают лексемы, обозначающие своей первичной семантикой более дальнюю степень родства: *дядя, тетя, дед, бабушка*, ядро в данном смысле составляет лексемы *мать, отец, сынок, дочка, брат, сестрица*.

3.2.2 Собственно-лексические средства выражения дружелюбного отношения

К собственно-лексическим средствам выражения дружелюбного отношения относятся метафорические наименования: *душа* – 7. Дружеское, фамильное обращение к кому-либо.' (БАС)⁴⁴, *кунак*, устойчивое речевое употребление *перец* – 'Друг'.

Здесь же должна быть рассмотрена группа лексических единиц, относящихся к ТГ наименований лиц по признаку близкого родства (рассматривается нами также как ЛТГ), используемых при обращении к лицу, с которым субъект оценки не связан родственными отношениями: *брат* – 2. Фамильное или дружеское обращение к мужчине (разг.)' (СО)⁴⁵, *дед, мать*⁴⁶, *отец, дядя* – 2. Обращение к взрослому мужчине (прост.)' (СО), *тетя*; суффиксальные образования, в которых суффиксы не выражают оценочной семантика (*друзья*) либо выражают ее в значительно меньшей степени: *бабушка* – 2. Вообще о старой женщине, преимущ. в обращении (разг.)' (СО). ср. отсутствие лексем *сын, дочь, сестра*, интимных вариантов *мама,, папа*, отражающих высшую степень близкородственных отношений.

⁴⁴ "Щи, моя душа, сегодня очень хороши! – сказал Собакевич." (Н. Гоголь, Мертвые души), "Родион оживился и вдруг пристально уставился на товарища: – Слушай, кореш, давай ко мне в звено, а?" (Мальцев. От всего сердца)

⁴⁵ "Этого, брат, упускать нельзя, - бубнил дядя Коля, не глядя на племянника." (Фадеев. Молодая гвардия).

⁴⁶ "Косить-то нынче будете, нет? – Не знаю, мать." (Распутин. Прощание с Матерой).

В результате анализа лексических единиц выявлено стремление к выражению собственно-оценочной семантики при деактуализации первичного номинативного компонента значения: *дед, мать, кореш* и др., при этом значение дружелюбия не фиксируется в лексикографическом описании. Семантика выражения дружелюбия обусловлена соотносением с близкородственными отношениями либо интенсивностью выражения оценочного признака в связи с наличием образности: *кореш, душа*.

Функция обращения к незнакомым людям является определяющей для существительных данного вида оценки⁴⁷, в других позициях реализуется первичная номинативная семантика.

Образность, возникающая на основе метафорического переноса либо немотивированности значения внутренней формой слова, определяет экспрессивный характер семантики, что может отражаться в лексикографическом описании: *кореш – ‘Близкий друг.’* (МАС) (курсив наш – А.З.).

Разграничение коммуникативного намерения обращения к друзьям и к лицам, с которыми субъект оценки не связан дружескими отношениями, обуславливает отнесение к данной группе лексических единиц типа *приятель – 2. Фамильярное обращение к незнакомому лицу.’* (СО), *друг – 3. Употр. как обращение к близкому человеку, а также (прост.) как вежливое обращение к товарищу, к соседу, к встречному человеку. Друг мой! Помоги, друг!’* (СО), 2. Разг. Фамильярно-дружественное обращение к кому-л.’ (БАС)⁴⁸.

В сопоставлении со вторичной функцией использования лексем ТГ названий лиц по близкородственным связям данная подгруппа обладает меньшей интенсивностью

⁴⁷ “И ты напрасно огорчаешься, мать. – Это приветливое слово сразу ободрило Анфису Гавриловну, и она посмотрела на гостя, как на своего домашнего человека.” (Мамин-Сибиряк. Хлеб), “–Так, парень, пропасть можно.. – Не пропадем, отец. Еще проживем.” (Шукшин. Охота жить)

⁴⁸ “Мохнаков придавил солдата коленом, тер ему лицо, уши, лоб, греб снег рукавицей в перекошенный рот. – Тиха, друг, тиха!” (Астафьев. Пастух и пастушка), “Друзья, – обратился ко всем Щиблетов, – разрешаю по стакану красного!” (Шукшин. Ораторский прием).

выражения дружелюбного отношения, что подтверждается семантикой лексемы *побратим* – ‘Самый близкий, лучший друг.’(МАС)⁴⁹.

Среди других единиц, выражающих дружелюбное отношение к адресату высказывания, выделяются лексемы, называющие первичной семантикой лиц по признакам возраста: *старина, ребята, паря* – ‘Обл. Ласковое обращение к молодому мужчине.’(БАС)⁵⁰; главенства в семье: *хозяин* – // Прост. Обращение к мужчине как главе дома, хозяйства.’(БАС), *хозяйка*, в отношениях иерархии: устойчивые речевые употребления *командир, шеф*; местожительства: *сосед, соседка* (см. также устойчивое речевое употребление *земляк*.)

При этом номинативная семантика, обусловленная внутренней формой слова, отступает на второй план, лексическая единица выражает собственно-оценочную функцию выражения дружелюбия, часто в отрыве от номинативного компонента значения: “*Двое убито, тридцать ранено, можете это сообщить в вашей почтенной газете, – неохотно ответил.. парень. – Подробности, подробности, старина!*” (А.Н. Толстой. Эмигранты) (ср. *старина* – ‘Старик (преимущественно в обращении)’(СО), “*Дима подал напарнику мешочек с пробой.. – Все, брат, батя. На этом у нас с тобой финиш.*”(Белов. Клавдия), “(Карышев Люсе) – А-а. Тогда иное дело... Судьба, она, брат, тоже может с человеком сотворит.”(Астафьев. Пастух и пастушка).

Использование лексем, выражающих дружелюбие, позволяет осуществить более эффективное достижение цели субъекта оценки: “*Знатно живешь, хозяин! – сказал Алексей Иваныч. Он подсел к столу и попросил лесника дать ему молока.*” (Борисов. Рассказ о любви), “*И там вступал в разговоры. – Мужики, – прямо обращался он, – кто из деревни?*”(Шукшин. Выбираю деревню на жительство). В приведенных примерах использование лексем *хозяин, мужики* информативно избыточно, но прагматически необходимо.

От значений, рассмотренных выше, отличается значение ‘товарищ, единомышленник’, реализуемое в лексемах *брат* – 3. Товарищ, единомышленник, (высок.) *Братья по классу.*’(СО), *сестра* – 2. О женщине, объединенной с кем-либо

⁴⁹ “*Звали их в полку побратимами, отдавая этим долг великой, всепобеждающей и неборимой солдатской дружбе.*” (Полевой. Побратимы), “*Может быть, побратимы, и Смоленск уже взяли?*” (Твардовский. Я убит подо Ржевом).

⁵⁰ Лексема *паря* используется в реальности не только по отношению к молодому человеку, не только по отношению к мужчине.

общими интересами, стремлениями, общим положением.' (БАС), *собрат* – (высок.) Товарищ по занятию, по роду деятельности. *Собрат по оружию.*' (СО), относящимися согласно первичной семантике к ТГ названий лиц по признаку близкого родства. Определяющим фактором здесь является наличие духовной общности (см. помету *высок.*), отграничивающее данные лексемы от нейтрально-оценочных наименований лиц по учению, профессии, по какому-либо делу: *сотоварищ, сослуживец, соученик, коллега*, и от отрицательно-оценочных наименований: *соучастник, сообщник* (СО)⁵¹.

Прилагательные, выражающие дружелюбное отношение, объединены в ЛСГ с общим значением 'дружеский, дружелюбный' и представлены образными единицами: *братский* – 2. Глубоко дружеский, близкий, родственный по духу.' (СО), *родной* – 2. Свой по рождению, по духу, по привычкам.' (СО), *кровный* – 'Очень близкий.' (СО), *полюбовный* – 'Дружелюбный, мирный, без споров.' (СО), *душевный* – 2. Полный искреннего дружелюбия.' (СО), *задушевный, закадычный* – 'закадычный друг или приятель (разг.) – близкий, задушевный друг.' (СО).

Рассмотренные прилагательные используются в функции сенсibilизаторов оценочной семантики, сочетаясь с существительными *друг, приятель, подруга*. Особую сложность употребления представляют собой так называемые случаи референтного уровня сочетаемости слова (Арутюнова 1976:86), когда за референтом (например, *друг, приятель*), закреплен ограниченный набор характеризующих признаков строго определенной концентрации и силы проявления: *близкий, закадычный*; при переходе через ступень признак становится противоречащим сущности референта, что ведет к замене референта: *кровный, родной – брат*. Подобное противопоставление обусловлено различной степенью выражения дружелюбного отношения прилагательными и существительными, относящимися к ЛСГ названий лиц по признаку дружеских связей и ЛСГ названий лиц по признаку близкого родства: с одной стороны – *близкий, закадычный, друг, приятель*, с другой – *родной, кровный, брат* (вторая группа слов в переносных значениях).

На наш взгляд, рассмотренное явление является составной частью более общего, определяемого закономерностью использования в качестве лексических единиц, выражающих дружелюбие, лексем, принадлежащих к ТГ названий лиц по признаку близкого родства и дружеских отношений. Прагматическая потребность

⁵¹ "Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: – Братья во литературе!" (Булгаков, Мастер и Маргарита).

достижения запланированного результата, обусловленная большей степенью заинтересованности субъекта оценки, ведет посредством языковых средств к своеобразному переводу адресатов оценки (в том числе незнакомых лиц) в функции обращения в разряд дружески расположенных лиц и далее, до сравнения с более близкими, родственными отношениями, благодаря чему устанавливается более тесный контакт.

Ведущим принципом лексики дружелюбного отношения, как и в лексике, выражающей ласковое отношение, признается принцип одушевленности (в рамках более широкого понятия антропоцентризма), определяющий отношение к лицу (адресату акта оценивания). Интенсивность выражения дружелюбного отношения определяется соотносительностью с определенными ТГ (ТГ названий лиц по близкородственным отношениям), взаимодействием основ слов, выражающих данную семантику, с определенными аффиксами: *корешок, дружище, дружок* и т.п.

Близость дружелюбного и ласкового отношения как видов положительной эмоциональной оценки определяет возможность использования в функции обращения со значением дружелюбия лексем, выражающих ласковое отношение собственно-лексическим значением слова: типа *голубчик, сокол, милый, сердечный, ангел* и т.п. либо при помощи словообразовательных аффиксов: (*бабуля, сыночек, тетенька* и т.п.), причем в последнем случае оценочные суффиксы присоединяются к основам слов, выражающих дружелюбное отношение при обращении к незнакомому лицу, а не к первичным значениям, выражающим ласковое отношение при обращении к реальным родственникам, в соответствии с коммуникативным намерением субъекта оценки.

При презентации рассмотренных единиц в иностранной аудитории и их идентификации в текстах следует обратить особое внимание на степень знакомства и характер взаимоотношений коммуникантов, на социальный статус адресата (невозможность использования лексических единиц, выражающих дружелюбие, по отношению к лицам, находящимся на более высокой социальной, служебной ступени, в официальной обстановке; непринужденность, интимность общения, способную обернуться фамильярностью и привести к нежелательному прагматическому эффекту при отсутствии тесных дружеских связей между субъектом речи и адресатом и неправильном выборе средств выражения), корреляцию в соответствии с демографическими характеристиками: полом адресата, его возрастными особенностями, уровнем образования, воспитания,

специфику национально-культурного компонента конкретной аудитории, определяющую отбор необходимых языковых средств (см. Формановская 1982:68).

В то же время по интенсивности выражения интимного отношения, заинтересованности субъекта в достижении запланированного эффекта дружелюбие по сравнению с ласковым отношением занимает более низкую позицию, характеризуется меньшей экспрессивностью силы воздействия.

3.3 Лексика, выражающая одобрение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой

Одобрение представляет собой наименее дискуссионный вид положительной эмоциональной оценки, выделяемый в соответствии с принципами функционально-коммуникативной типологии языковых единиц (Киселева 1978:17) наряду с *восхищением* и противопоставленный последнему отсутствием интенсификации воздействующей силы эмоционального оценивания. Тем не менее комплексный характер использования средств выражения одобрения в акте коммуникации обуславливает сложность разграничения ступеней одобрения и восхищения; интенсификация высказывания в целом определяется рядом лингвистических факторов: соотношением экспрессивных и оценочных элементов (наличием *“образности, новизны, интенсивности действия и качества”* (Киселева 1978:55) и собственно оценки), функционально-стилистическими особенностями употребления, синтаксической позицией, внутренней формой слова.

В нашем понимании ведущим фактором признается учет лексической семантики единиц в соотнесенности с внутренней формой и синтаксической позицией (шире – синтагматическими характеристиками), что в конечном итоге определяет восприятие положительной эмоциональной оценки членами языкового коллектива.

Согласно критерию типа оценки категория одобрения может определять две разновидности оценочной лексики:

- а) положительная эмоциональная оценка выражена собственной семантикой лексемы (ЛСВ слова) (переносные значения лексем типа *огурчик, изюминка*);
- б) языковые единицы выражают семантику, отражающую общественно-одобряемые явления, признаки, действия; оценка направлена на предметно-

логическое содержание (номинативный компонент значения) и привносима извне (лексемы типа *оратор, вундеркинд*).

Главным предметом нашего описания является первая разновидность, экспрессивный характер единиц которой представляет особую трудность в презентации лексики иностранным учащимся и которая составляет ядерную часть эмоционально-оценочной лексики как средства воздействия. Вторая группа в нашем понимании не является экспрессивной, следовательно, не является эмоционально-оценочной.

Средства выражения одобрения получили достаточное освещение с лексико-семантической, структурно-словообразовательной и семантико-грамматической точек зрения, как самостоятельная категория (работы Киселевой, Вольф, Арутюновой, Петрищевой), или в рамках эмоциональной (Вайгла, Ким), экспрессивной лексики (Панасюк, Лукьянова), а также при характеристике отдельных групп экспрессивной лексики: зооморфизмов (Литвин, Черемисина), метафорических существительных (Харченко, Трипольская), экспрессивных глаголов (Лукьянова, Лаврентьева, Матвеева), прилагательных (Вольф, Сергеева, Шипицина), существительных с оценочными суффиксами (Беломорец, Скорнякова), характеризующих существительных (Кондрашова).

Аспект преподавания русского языка как иностранного представлен в работах Киселевой (1980,1983), Кюнль (1983), Родимкиной (1977), Стернина (1982), в Практической стилистике (1964).

В центре внимания нашего исследования находятся вопросы характеристики положительной эмоциональной оценки, соотношения уровней восхищения и одобрения

Лексикографическому описанию лексических единиц, выражающих одобрение, посвящены статьи Киселевой (1980,1983), Трипольской (1985), Шмелевой, Черемисиной (1976), Шаховского (1983), Склярёвской (1978), тем не менее, в отличие от широко используемой пометы *неодобр.*, в анализируемых толковых словарях отсутствует соотнесенная с ней помета *одобр.* (см. указание на необходимость пометы *одобр.* (Трипольская 1985: 16) и использование пометы с словарях РФЛС, ФСРЛЯ, ФСФ, СРФ).

На основании указаний на семантику одобрения в толкованиях слов были выделены более 50 имен прилагательных (лексем и ЛСВ слов) и 140 имен существительных (лексем и ЛСВ слов), выражающих данную разновидность положительной эмоциональной оценки. Анализ материала с точки зрения русского языка как иностранного определил необходимость дальнейшей дифференциации с учетом лексико-семантической и тематической отнесенности средств создания оценочной семантики, направленности (сферы приложимости) оценочных единиц.

Особо следует остановиться на различии в выражении положительной эмоциональной оценки уровней одобрения и восхищения именами прилагательными и существительными. Ограничение положительной эмоциональной оценкой не позволяет уточнить положение о том, что *“отрицательная характеристика тяготеет к выражению существительными, а одобрительность предпочтительно передается прилагательными”* (Арутюнова 1976:344; Wierzbicka 1972, 1980).

Речь идет о более четкой градации по уровням одобрение/восхищение имен прилагательных как категории слов и отсутствии подобного рода четкости при идентификации имен существительных в связи с большей степенью недискретности оценочной шкалы последних, обусловленной их категориальной семантикой. Данное положение определяет трудность разрежения ряда вопросов, непосредственно касающихся классификации существительных по уровням одобрение/восхищение. Указанное разграничение приводится во многих работах, при этом критерий различия не выделяется (Петрищева 1984:157) или предлагается как соответствие эмоциям одобрения и восхищения (Беломорец 1975:11).

Исходя из признания образности компонентом экспрессивности (Киселева 1978:55) (*“образность – усиление поражающей сила слова”* (Шаховский 1980:24), взаимодействующим с интенсивностью выражаемого признака – другим компонентом экспрессивности (Киселева 1978:55, Трипольская 1983:60-61; Кондрашова 1983:9), можно выдвинуть предположение, что лексические единицы, обладающие экспрессивностью (образностью и интенсивностью признака), должны быть отнесены к лексемам, выражающим большую степень воздействующей силы, чем их эквиваленты с номинативным типом значения. При этом использован принцип ‘семантической идентификации’ экспрессивных фактов языка через сопоставление с логическими эквивалентами: *“Идентификация соответствует тому, что в логике называют нахождением простого понятия. Идентифицировать*

речевой факт можно таким словом, которое выражает содержащуюся в нем идею в самой простой, самой объективной и наиболее абстрактной форме."(Bally 1961:128) Так как такой синоним-идентификатор указывает лишь на денотат лексической или фразеологической семантики (предметное содержание), *"в определении надо существенно дополнить сведения о нем другими средствами, или синонимическим рядом по типу градации, или описательно"* (ФСФ:12).

Сложность практического применения критерия интенсивности признака обусловлена отсутствием (в большинстве случаев) среди существительных синонимичных образных единиц различной интенсивности положительной эмоциональной оценки.

К собственно-оценочному типу тяготеют метафорические значения, характеризующие предает оценки комплексно, по целому ряду положительно-оцениваемых признаков: *ангел, малина, прелесть*. Подобные существительные стремятся к уровню восхищения (или находятся на этом уровне), в отличие от существительных с номинативно-оценочным типом значения, стремящихся к уровню одобрения.

3.3.1 Лексика, выражающая одобрение, как продукт вторичной номинации

Как уже было отмечено, ядерную часть лексики, выражающей одобрение, составляют образные метафоры (Русский язык 1979:141) и близкие к ним случаи использования явления метонимии в функции предиката (Русский язык 1979:140)⁵².

В рассмотрении метафорических номинаций представляется актуальным исследование тематической отнесенности первичных значений исходных слов, видов 'экспрессивных трансформаций' (Панасюк 1973:17-22; Харченко 1973:6), определяющих создание оценочной семантики.

Исходя из признания существования 4 тематических классов, включающих слова, относящиеся к неживой природе, растительному и животному миру, сфере жизни и деятельности человека, а также 5 видов трансформаций (3 видов проекций слов

⁵² Определение языковой метафоры см.: Протченко, Черемисина 1986:72. см. также *"orientational metaphors"* Lakoff, Johnson (1980:14).

первых 3 классов на сферу жизни и деятельности человека, трансформации слов из одной сферы человеческой жизни в другую, переносов наименований из сферы человеческой жизни в другую, переносов наименований из сферы человеческой жизни в другие сферы действительности (Панасюк 1973:18-22), дополненных существенным различием названий лиц, предметов и отвлеченных, абстрактных понятий, представленным в классификациях средств характеристики и лексико-грамматических разрядов (Арнольд 1969:15-17; Кондрашова 1985), предлагается следующее описание.

Применительно к существительным, обладающим отрицательной эмоциональной оценкой, тематическая отнесенность к классу наименований, обозначающих представителей животного мира, является регулярной, что нашло отражение в ТГ зооморфизмов. Определяющим фактором возможности использования переосмысленных качеств животных при оценке свойств человека является наличие тесной связи между животными и человеком как высшим биологическим существом (Панасюк 1973:20). В то же время при создании наименований с положительной эмоциональной оценкой указанная связь выполняет деструктивную роль, наоборот, актуализируется духовная сущность человека в противопоставлении животному, биологическому началу. Данное положение обуславливает отрицательную эмоциональную оценочность лексем, принадлежащих согласно первичной семантике к ТГ 'земноводные', 'пресмыкающиеся', 'рыбы' (Харченко 1973:6), а также оценочную энантиосемию производных значений ТГ 'животные' (Харченко 1973:9) и взаимосвязь использования для создания положительной эмоциональной оценочности лексем, соотносящихся первичной семантикой с ТГ 'птицы' при актуализации духовной общности.

Среди лексических единиц, способных выражать одобрение, выделяются лишь лексемы ТГ 'рыбы', 'пресмыкающиеся', объединенные в синонимический ряд с общим речевым значением 'О юрком, подвижном, ловком человеке (чаще о ребенке): *угорь, уж, ящерица* (перенос с животного мира на человека переосмысленных свойств, качеств – физического признака ловкости), лексемы ТГ 'животные': *бобр* – речевое значение 'опытный человек.', *собака* – З. на что, в чем или с неопр. Знатоком, ловком в каком-н. деле (прост.) *Он у нас плясать собака.*' (СО).

Следует отметить преимущественный характер выражения номинативно-оценочных значений без переосмысления свойств, качеств представителей животного мира, исключения составляют лексема *собака*, значение которой,

вероятно, представляет собой продукт стяжения фразеологизма как семантического явления метафоризации (Харченко 1973:7): *‘Собаку съел на чем и в чем (разг.) – приобрел большой навык в чем-н.’* (СО) и лексема *бобр* – речевое значение *‘опытный человек.’* от *убить бобра* (прост.) – 1. Приобрести что-либо ценное; добиться чего-либо значительного. ср. 2. ирон. Обмануться в расчетах, предпочесть плохое хорошему или худшее лучшему.’(СРФ).

Нехарактерность использования в виде вторичных наименований лексем, первичные значения которых объединены в ТГ названий животных, определяет наличие лексем с периферийными с позиций положительной оценочности значениями типа *ягненок* – // Перен. Разг. О тихом, кротком, робком человеке.’ (БАС). Следует отметить также амбивалентность оценочной семантики ФЕ типа *волк* (*старый, стреляный, травленный*). – ‘О человеке, много испытавшем, привыкшем к невзгодам, опасностям.’(БАС), *морской волк* – ‘старый, опытный моряк.’(СО).⁵³

К лексемам, объединенным первичной семантикой в ТГ птиц, относятся: *сокол* – 2. Перен. Народно-поэт. О юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удалью’ (БАС), *‘Гордые соколы нашей страны* (перен.: о советских летчиках (высок.)’ (СО)⁵⁴, *соколенок* – 2. Перен. Разг. О юноше, отличающемся смелостью, удалью.’ (БАС), *соловей* – 2. Перен. Разг. О человеке, обладающем красивым, преимущественно красивым голосом, славящемся своим искусством пения.’(БАС)⁵⁵, *лебедь* – 2. ж. Мифологический и поэтический образ красавицы-женщины (нар.-поэтич.) (СУ), *голубица* – 2. Перен. Целомудренное, невинное существо (обычно о девушке).’(БАС)⁵⁶, *буревестник* – ‘*Буревестник революции* (перен., высок.)’(СО).

При этом адресат оценивается по признакам, свойственным представителям группы птиц (принцип сравнения): смелости, красивого пения, красоты, кротости либо в связи с переосмыслением внутренней формы слова (*буревестник*: буря – революция).

Мифологические представления, закрепленные в народно-поэтической традиции, позволяют отнести сюда также лексические единицы *жар-птица* как символ счастья

⁵³ см. оценочную характеристику Телия ФЕ *стреляный воробей* в 1.7.

⁵⁴ см. сфера приложимости: // Обычно мн. Перен. О советских летчиках и советских самолетах(БАС).

⁵⁵ ср. // Ирон. О краснобае, говоруне(БАС) при оценке речи, а не пения.

⁵⁶ В современном употреблении – устар. ирон.; признак кротости находится на периферии положительной оценочности.

и *феникс* – как символ возрождения, обновления, образовавшиеся в результате стяжения ФЕ. В создании фразеологических единиц участвуют также лексемы *воробей* (*старый, стреляный*) и *птица* (*стреляная*) в значении ‘опытный, бывалый человек’.

Особо следует отметить лексему *сокол*, стремящуюся к переходу в разряд собственно-оценочных единиц в связи со способностью оценивать адресата по ряду положительно-оцениваемых признаков: красоте, смелости, удали, мастерства в чем-либо, стройности и т.п.⁵⁷, и соотносимую с лексемой *орел*, стремящейся к выражению восхищения как высшей степени одобрения.

Тематическое противопоставление хищных и нехищных птиц не является определяющим для эмоциональной оценки (*голубь, соловей* с одной стороны и *сокол, соколенок, орел* – с другой), значимыми оказываются семантические представления (*орел* – символ власти, величия, *сокол* – символ зоркости, смелости, отличающие данные наименования от названий хищных птиц, вторичные значения которых обладают отрицательной эмоциональной оценкой (*ястреб, стервятник, коршун, ворон, ворона*)).

Анализ иллюстраций позволил выделить речевое положительно-оценочное значение ‘О трудолюбивом человеке, человеке-труженике’, реализуемое лексемами *пчела, муравей*, первичная семантика которых соотносима с ТГ названий насекомых. В речевом употреблении лексемы *муравей* может актуализироваться признак монотонности действий, нетворческого характера труда.

Тематические группы наименований, относящихся к миру растений, столь же немногочисленны, что объясняется изложенным ранее законом отнесения к предметам и средствам создания оценки единиц, имеющих самое непосредственное отношение к жизнедеятельности человека.

Незначительная часть названий деревьев, кустарников, трав, цветов, плодов широко известна носителям русского языка и способна приобретать переносные значения, известность же для специалистов накладывает определенный запрет на возможность их экспрессивного использования (Панасюк 1973:19). Другим фактором, препятствующим возможности переосмысления признаков представителей

⁵⁷ На основе первичной семантики, поэтому не может быть признак кротости и т.п.

растительного мира при их переносе на человека, является неодушевленность растений, плодов.

Ограниченный круг наименований представлен лексемами *кряж* – 3. Перен. О человеке здоровом, коренастом, крепкого сложения.’ (БАС), *тополек*, *сосенка*, *березка* с речевым значением ‘О стройной девушке, молодой женщине’ (*тополек* – возможно и о юноше), объединенными первичной семантикой в ТГ названий деревьев и их частей; *малинник* – ‘О группе привлекательных, милых девушек, женщин’ (речевое значение ТГ названий кустарников); *огурчик* – 2. Перен. О человеке крепкого, свежего и здорового вида (прост., шутл.)’ (СУ); *орешек* – ‘перен.: о человеке, у которого трудно выведать тайну.’ (СО); *изюмина* – // Перен. О ком-, чем-либо, своеобразном, привлекающем остротой, живостью и т.п.’ (БАС); *изюминка* – 2. перен. Своеобразная прелесть, острота.’ (СО), речевые употребления *репа* – (в сравнении)⁵⁸, *персик* – ‘О привлекательной девушке’ ТГ названий плодов; *цвет* ⁵⁹ – в свернутом сравнении; *цветок*, *цветочек* – ‘О привлекательной девочке, девушке,’ *цветник* – // Перен. Скопление людей, привлекательных в каком-либо отношении (обычно о женщинах и детях)’ (МАС), (ср. *малинник* в восхищении), *роза*, *розан* – 2. Перен. Разг. О милостивой цветущей девушке, женщине’ (БАС). Толковыми словарями не фиксируются переносные значения ряда наименований ТГ – ‘цветы’, ‘деревья’ (примеры речевых значений, приведенные выше).

К особенностям семантики наименований, относящихся к данному тематическому классу, следует отнести наличие отрицательно-оценочных значений лексем, связанных с обозначением дерева: *кряж* – // О человеке податливом, упорном или прижимистом’ (БАС) (см. отрицательная оценочность лексем *чурбан*, *пень*, *дерево* и т.п.), некоторых плодов: *орешек* (*твердый*, *крепкий*) – ‘перен.: о человеке, к которому трудно найти подход’ (СО), указанная энантиосемия оценочных значений обусловлена различным переосмыслением признаков прочности, стойкости как ‘стойкости, силы, крепости человека’ (положительная эмоциональная оценка) и ‘тупости, упрямства, прижимистости, недоступности’ (отрицательная эмоциональная оценка). (см. “Отрицательная или положительная оценка зависит здесь от того, с каких позиций выступает говорящий, т.е в зависимости от эмпатии субъекта оценки (соответственно – и адресата)” (Телия 1996:87).

⁵⁸ “Крепыш девка, ровно репа.. – знатная будет жена! – думал, подзадоривая себя, Макар Тихонич.” (Мельников-Печерский. В лесах).

⁵⁹ “ (Неизвестный): Ее глаза всю чистоту души изображали ясно, кто б подумать мог, что этот цвет прекрасный сомнет минувшая гроза.” (Лермонтов. Маскарад).

Необходимо отметить многочисленные уменьшительные формы существительных, часто при отсутствии оценочного значения у исходной формы лексемы: *огурец, орех*; выбор в качестве определений молодых деревьев: *тополек, сосенка, березка* (ср. переход предметных значений в принаказные за счет 'выведения из сравнения' (Русский язык 1979:141). К речевым употреблениям, выражающим положительную эмоциональную оценку за счет отнесенности к ТГ названий плодов, следует отнести сравнительные конструкции (и свернутые сравнения) лексем *смородина, сливы, вишни, вишенки* при оценке глаз адресата оценки⁶⁰.

Большинство лексем ТГ 'цветы', 'плоды', 'кустарники' во вторичных оценочных значениях реализуют семантику 'привлекательности' (чаще – в отношении женщин и детей).

В тематическом классе наименований, относящихся к неживой природе, выделяются ТГ наименований металлов и минералов: *серебро* – 4. Перен. Мелодичность, звонкость, чистота (голоса, звука и т.п.) (БАС)⁶¹, *кремень* – 2. перен. О человеке с твердым характером (разг.) (СО), *кремешок, самородок* – 2. Перен. Человек с большими природными дарованиями, но без систематического образования" (БАС), *скала, гранит, утес* с речевым значением 'стойкий человек (с твердым характером)'; ТГ наименований месторождений металлов, минералов: *рудник* – 'Перен. Устар. О том, что является богатым источником чего-либо.' (БАС) (ценного: *рудник любви, поэзии* и т.п.)⁶², *россыпи* – // Только мн. Перен. Многообразия и богатство чего-л.' (БАС)⁶³.

Положительный характер эмоциональной оценочности обусловлен как тематической отнесенностью лексем к данной ТГ, так и собственной семантикой положительно-оцениваемого признака ('твердости характера', 'стойкости', 'богатства', 'ценного'), что определяет возможность наличия отрицательно-оценочной семантики у наименований, относящихся к другим ТГ (например, ТГ 'дерева'), а также актуализацию других признаков ('жесткости, жестокости,

⁶⁰ "Катя, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу." (Толстой. Воскресение).

⁶¹ "Голос ее звучал серебром нетронутой юности." (Тургенев. Дворянское гнездо)

⁶² Обычно указание на источник чего-либо ценного в толковых словарях не фиксируется. см. также *кладовая* – // Перен., чего или какая. Средоточие каких-л. скрытых богатств, ценностей.' (БАС).

⁶³ "Рядом сверкают россыпи живой и чистой поэзии русской." (Паустовский. Далекое годы)

черствости), реализуемых лексемами данной ТГ: *камень* – // О равнодушном, жестоком человеке' (БАС).

Следующую группу представляют собой наименования небесных тел, вторичные значения которых выражают одобрение: *звезда* – 2. Перен. О человеке, прославившемся чем-либо, о знаменитости.' (БАС), *звездочка* – 2. Перен. О человеке, подающем надежды, могущем добиться известности, славы.' (БАС) (см. оценочное образование *кинозвезда*, производное от *звезда*), *светило* – 2. перен. Знаменитый человек, прославленный деятель (высок.) *Светило науки'* (БАС), *созвездие* – 2. перен. Соединение (знаменитостей, талантов и т.п.; высок.). *Созвездие имен. Созвездие талантов.'* (СО), *плеяда* – (высок.) Группа выдающихся деятелей одной эпохи, одного направления. *Пушкинская плеяда поэтов. Славная плеяда русских революционеров.'* (СО).(ЛТГ 'света', ЛТГ 'небесного' см. 3.6).

Признак отдаленности, недостижимости небесных тел и семантика яркости, выделения на фоне неба обуславливают общее значение 'знаменитость' и определяют тенденцию стремления указанных единиц к высшему уровню одобрения – восхищению (наряду с лексемой *солнце*).

Семантика света, выражаемая единицами предыдущей группы (в их первичной тематической отнесенности), является определяющей для лексем с положительной эмоциональной оценкой ЛТГ 'света': *светоч* – 2. перен., чего. О том, кто несет просвещение, истину, свободу, а также об источнике истины, свободы (высок.) (СО)⁶⁴, *светоч* – 3. // То же, что светило (во 2 знач.)' (БАС), *свет* – 7. Употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья' (БАС), *факел* – 2. перен. О том, кто или что содержит в себе, несет с собой истину, знание, свободу, просвещение и т.п.' (БАС), *маяк* – // Перен. О том, кто или что указывает путь к чему-либо' (БАС), *заря* – 2. Перен. Только ед. (Вин. только зарю). О начале зарождения, ранней поре чего-либо радостного, светлого. *Заря чего-либо.'* (БАС), *рассвет* – 2. Перен. Начало, самая ранняя пора чего-л.' (БАС) (радостного, светлого – А.З.), *искра* – 4. Перен. Зачаток, проблеск какого-л. чувства, мысли, способности к чему-л. и т.п.' (БАС)⁶⁵, *луч* – // Перен. Быстрое, неожиданное проявление, проблеск чего-либо' (БАС) (*надежды, счастья, любви, истины*), *просвет*, *просветление*, *озарение*,

⁶⁴ "Наша интеллигенция – светоч, совесть, мозг, жертва..."(А.Н. Толстой. Похождения Невзорова)

⁶⁵ "В сердце ее, потрясенном благородной радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась святая искра восторга" (Тургенев. Рудин).

огонек – 3. Перен. Есть, имеется в ком-л., у кого-л. огонек, кто-либо с огоньком. О способности творчески и с увлечением относиться к какому-либо делу, работе' (БАС), *огонь* – 'Юноша – огонь! (перен. о живом, пылком человеке)' (СО) в речевых значениях, определенных конституацией: (о танцующей девушке) "(Фельдшер:) Ах, что за огонь-девка! что за жар!" (Чехов. Воры) о быстром скакуне; "Вот как перед истинным, сорок два с полтиной отдал..., огонь, а не лошадь" (Серафимович. Чибис).

Внутри единиц данной ТГ возможно выделение ЛСГ с общей семантикой 'источник, проводник чего-либо положительного' (*свечок, свет, факел, маяк*), 'начало, зарождение чего-либо положительного' (*заря, рассвет, искра, луч* и т.п.), 'выражение чувства радости' (*свет, искра*).

Тематический класс наименований, относящихся к сфере жизнедеятельности человека, представлен ТГ 'сладо́сти', 'детство', 'творчество', 'божественное', переносные значения наименований которых способны выражать одобрение.

Первичная семантика особого вкуса определяет также номинативно-оценочное значение лексемы *соль* – 2. перен. ед. То, что придает особенный интерес, остроту чему-н. (разг.)' (СО) трансформировалось в номинативно-оценочное значение 'приятного вкуса чего-либо' (*сахар* – 2. Прост. О чем-л. очень вкусном' (БАС), *сладо́сть* – 4. // Приятное ощущение, удовольствие, наслаждение, доставляемое чем-либо' (БАС), которое, в свою очередь, за счет расширения сферы приложимости и переосмысления первичной семантики определяет возникновение собственно-оценочной семантики лексических единиц: *сладо́сть* – // Разг. О том, кто доставляет удовольствие, радость, наслаждение кому-л.' (БАС), *конфета* – // О ком-, чем-л. красивом, нарядном, приятном на вид' (БАС), *конфетка, сла́сть* – // Перен. О чем-л. приятном (словах, речах и т.п.)' (БАС), *нектар* – // Перен. О чем-л. сладостном, приятном.' (БАС), *сахар* – 2.// О ком-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение' (МАС)⁶⁶ (речевое *все в шоколаде* – 'все отлично' в восхищении).

Лексемы, обладающие предметной, чувственной наглядностью, реализуют экспрессивную функцию выражения одобрения, в то время как лексемы, обозначающие абстрактные понятия (*сладо́сть, сла́сть*) реализуют номинативную функцию, соотносены с номинацией ощущений удовлетворения, наслаждения. Дифференциация номинативно-оценочного и собственно-оценочного значений

⁶⁶ Лексемы *сладо́сть, сла́сть* могут быть рассмотрены и как предметные, и как отвлеченные существительные.

возможна также на основе различия сфер приложимости: оценка предмета и оценка адресата (см. *сахар* – 2. Прост, о чем-л. очень вкусном. //О ком-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение' (БАС), *сласть* – 'О том, кто доставляет удовольствие'(БАС).

Тем не менее и по отношению к предмету оценки может быть реализована собственно-оценочная семантика: "*Жизнь – не сахар*", "*Тут есть философские мысли о воспитании юношества – сахар!*" (Соболев. Капитальный ремонт).⁶⁷

ТГ наименований, связанных с детьми, представлена следующими единицами, выражающими одобрение: *игрушка* – // В знач. сказ. Перен. О ком-чем-л. изящном, красивом' (БАС), *игрушечка*⁶⁸, *куколка* – // Перен. Разг. О хорошенькой, нарядно одетой девочке, женщине' (БАС), а также лексемами, употребляемыми в общественно-политической сфере общения: *колыбель* – 2. Перен. Место возникновения чего-н. *Колыбель свободы. Ленинград – колыбель революции.*' (СО)⁶⁹, *детище* – 2. перен., чего. О том, что создано собственными трудами и заботами (высок.)' (СО)⁷⁰, *первенец* – 2. Перен., чего или какой. То, что появилось, создано первым по времени (высок.)'(СО).

Принадлежность к ТГ 'творчества' обуславливает развитие оценочных значение лексем: *симфония* – 2. Перен. Гармоническое сочетание чего-л., каких-л. частей, образующих единое целое' (БАС), речевое значение *ансамбль* с той же семантикой, *музыка* – 3. Перен. Гармоническое, приятное для слуха звучание чего-л.' (БАС), *поэзия* – 3. перен., чего. Изящество и красота чего-н., возбуждающее чувство очарования.'(СО)⁷¹, *мажор* – 2. перен. Бодрое, веселое настроение.'(СО), *художник* – 4. Перен. О том, кто достиг в своем деле высокого мастерства, выполняет свое дело артистические.' (БАС), *поэт* – // О человеке, творчески относящемся к своему делу,

⁶⁷ ср. позицию Арутюновой о моносемности (однопризнаковости) предиката (Арутюнова 1976:252).

⁶⁸ "*Сомова села рядом с Климом.., ощупывая Самгина веселым взглядом. – Какой ты стал игрушечкой!*" (М. Горький. Жизнь Клима Самгина)

⁶⁹ Чего-н. положительно оцениваемого; ср. лексему с отрицательной эмоциональной оценкой *логово* – 'Место, где обитает зверь (на земле, в неглубокой яме). Логово врага (перен.; презр.)'(СО)

⁷⁰ Ср. также лексему с отрицательной эмоциональной оценкой *исчадие* – 'исчадие ада – о ком-н., кто внушает отвращение, ужас своим видом, действиями (букв. порождение ада).' (СО)

⁷¹ "*(Иванов:) Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей.*" (Чехов. Иванов)

страстно увлекающемся им.' (БАС)⁷² (две последние, возможно, тяготеют к уровню восхищения, синонимы к *мастер*).

В основе семантики лексем ТГ 'божественного' находятся представления о счастье, что обуславливает положительную эмоциональную оценку вторичных значений: *масленица* – // Перен. Разг. О хорошей, привольной жизни.' (БАС)⁷³, *благодать* – 4. в знач. сказ. Разг. О приволье, об условиях, доставляющих удовольствие, счастье.' (МАС), *небо* – 3. Перен. О блаженстве, наслаждении, радости и т.п. О чем-л. возвышенном, неземном.' (БАС), *нирвана* – // перен. Книжн. Покой, блаженство.' (МАС).

Следует отметить собственно-оценочный характер семантики большинства указанных единиц и их стремление выражать высшую степень одобрения – восхищение (наряду с лексемой *рай*).

Сравнительно небольшую группу составляют лексические единицы, оценочная семантика которых образована вследствие метонимического переноса⁷⁴. Согласно пониманию Арутюновой, предикативное употребление "*преобразует метонимию в метафору*" (Русский язык 1979:144), что наблюдается при характеристике следующих единиц: *голова* – 2. // прост. Умный, толковый человек. Употр. без определения.' (БАС)⁷⁵, *башка* – (прост.) Человек незаурядных способностей.' (БАС), *имя* – 4. Об известном, знаменитом человеке.' (СО), *ум* – 3. Перен. О человеке как носителе интеллекта' (СО) (перенос отвлеченного качества на человека), *умище* (см. словообразовательное усиление оценочной семантики за счет увеличительного экспрессивного суффикса).

Номинативно-оценочная семантика положительно-оцениваемых интеллектуальных качеств обусловлена метонимическим переносом: *голова*, *башка* – символ ума. Следует отметить стремление лексемы *ум* к выполнению функции выражения восхищения (см. отвлеченные понятия в роли средств выражения восхищения – 3.4): *ум* – // Разг. О человеке выдающихся умственных способностей; *умница*' (БАС).

⁷² "Правду сказал кто-то в училищном совете, что вы поэт в своем деле." (Чехов. Учитель)

⁷³ "Ты дома сама себе госпожа, – кого хочешь, того любить. Эх, не жизнь, а масленица!" (Чехов. Бабы царство).

⁷⁴ см. при выражении ласкового отношения и семантики дружелюбия : *лапушка*, *душа*.

⁷⁵ "Кондра уехал? – Он. Кому же? Все дыры тут знает. Парень – голова!" (Фурманов. Красный десант).

Аналогичным образом рассмотрим имена прилагательные.

К прилагательным, соотносящимся с ТГ наименований животного мира, относятся лексемы *соболий*, *соболиный* – 2. Народно-поэт. Темный, густой и шелковистый. О бровях.’ (БАС)⁷⁶ (ТГ ‘животные’, учет красоты, пышности меха при выборе сравнения мелиоративного характера), *соловьинный* – ‘Как у соловья; столь же звонкий, высокий, красивый. О голосе.’ (БАС), “У актрисочки, точно, голосок был хорошенький, – звонкий, ,соловьинный, медовый!” (Достоевский. Бедные люди), *лебединый* – 2. Такой, как у лебедя, подобный лебедю. *Лебединая грудь, шея, походка, поступь.*’ (БАС)⁷⁷, *лебяжий*, *соколиный* – 2. Такой, как у сокола; гордый, смелый, красивый.’ (МАС) (о глазах), *соколиный* – ‘Соколиные глаза, очи. О зорких, пронизательных глазах. *Соколиный взор, взгляд.* О взгляде, выражающем гордость, смелость.’ (БАС)⁷⁸, *павлиний* – ‘плавный величавый’ (о походке, поступи), *голубиный* – 2. Перен. Кроткий, незлобивый, мягкий.’ (БАС)⁷⁹ (ТГ птицы).

Большинство значений указанных прилагательных соотносительно со значениями соответствующих существительных, часть прилагательных не имеет соответствующих существительных, выражающих одобрение (*соболий*, *соболиный*, *павлиний*). В то же время существуют определенные различия в выражении положительной эмоционально-оценочной семантики; так, прилагательное *соловьинный* может быть применимо не только к пению, но и к речи: “Ты всем-то взяла, всем-то хороша! Лица красотой, умом разумом, лебединою походочкой, соловьиной поговорочкой.” (Пушкин. Русалка).

Следует отметить жесткую детерминированность предметов оценки: *соболиные* (брови), *соколиные* (глаза, очи, взор, взгляд), *павлиний* (походка, поступь)⁸⁰, *соловьинный* (голос, речь) и т.п. Большинство лексем на основе народно-поэтической традиции употребления, фольклорных представлений развили оценочное значение, этот же фактор обусловил положительный эмоционально-оценочный фон единицы с номинативной семантикой *соболиный*. Даже на столь ограниченном лексическом

⁷⁶ “Особенную красоту придавали ее глазам ее брови, густые, немного надвинутые, настоящие соболиные.” (Тургенев. Вешние воды).

⁷⁷ “В жемчуге лебединые шеи, бриллианты по ореху в ушах!” (Некрасов. Балет)

⁷⁸ “Старый рубака обвел своих ветеранов соколиным взором” (Куприн. Поединок)

⁷⁹ “Если б ты знала, что это за нежная, ясная голубиная душа!” (Достоевский. Униженные и оскорбленные).

⁸⁰ ср. отрицательное эмоционально-оценочное *павлин* – ‘О напыщенном, важничавшем человеке’.

материале возможно выделить ТГ наименований птиц, для единиц которой свойственно приобретать положительную эмоциональную оценку (в отличие от ТГ – ‘животные’, ‘насекомые’ и т.п.).

Существительным тематического класса наименований растительного мира соответствуют прилагательные *кряжистый, кряжевой* – 2. Перен. Коренастый, плотный, здоровый.’ (БАС) (о человеке, о мужчине), *цветущий* – 2. перен. Находящийся в полном расцвете. *Цветущее здоровье. Цветущий юноша. Цветущая страна.*’ (СО).

С ТГ наименований цветов соотносимы прилагательные *розовый* – 3. перен. Такой, который заключает в себе только радостное, приятное; ничем не омраченное.’ (БАС), *лилейный* – 2. Перен. Устар., поэт. Нежный и белый, как лилия.’ (БАС). Номинативная семантика с положительно-оценочным эмоциональным фоном лексемы *лилейный* реализуется при описании частей человеческого тела (рук, плечей, лба), чаще при характеристике лиц женского пола⁸¹, в то время как собственно-оценочная семантика лексемы *розовый* реализуется в сочетании с ограниченным кругом существительных, обозначающих продукты чувственной и мыслительной деятельности (мечты, надежды, настроения, представления и т.п.) либо ситуацию. На уровне высказывания актуализируется отрицательно-оценочная семантика ‘идеализации действительности, игнорирования недостатков’: *смотреть на что-либо сквозь розовые очки, стекло, сквозь розовую призму; расписывать розовыми красками.*⁸²

Ядерную часть прилагательных, соотносимых с наименованиями неживой природы, составляют лексемы ТГ названий металлов, минералов: *железный* – 2. перен. Сильный, крепкий. *Железное здоровье.*’ (СО), *стальной* – 3. Перен. крепкий, сильный. *Стальные мускулы.*’ (БАС), *каменный* – // Непоколебимый, стойкий, твердый.’ (МАС), в которых на основе первичного признака ‘твердости’ формируется вторичная оценочная семантика ‘стойкий, непоколебимый’: *железный* – 4. Перен. Непоколебимый, непреклонный, твердый.’ (БАС), *стальной* – ‘3. перен. // Непреклонный, непоколебимый, стойкий.’ (БАС). Сопоставление с *железный* позволяет отнести ЛСВ *стальной* к более высокому уровню выражения положительно-оценочного признака.

⁸¹ “Невольно кудри золотые с лилейных плеч приподняла.” (Пушкин. Руслан и Людмила)

⁸² Возможно отнесение лексемы *розовый* к синонимам *светлый, радужный* (семантика света).

Периферийный характер семантики 'твердости' с позиции положительной/отрицательной оценочности обуславливает отнесение к выражению одобрения словосочетаний, обозначающих общественно-одобряемые понятия: *железная* (воля, дисциплина), *стальная* (воля), *стальные* (мускулы), *железное* (здоровье), *железный* (характер, воля, упорство). В сочетаниях с другими словами может выражаться отрицательно-оценочная семантика: *каменный* – 2. перен. Неподвижный, застывший, безжизненный. *Каменное выражение лица*. 3. перен. Равнодушный, бесчувственный, жестокий. *Каменное сердце*. (МАС), *железные* (кулаки), *стальной* – // *Жесткий, холодный, недружелюбный* (БАС). На уровне языкового значения семантика 'стойкости' лексемы *каменный* в положительно-оценочном смысле не реализуется.

Аналогичную семантику 'стойкости, твердости' выражают прилагательные *кремневый, твердокаменный*.⁸³

Тематическая отнесенность определила также мелиоративность вторичной семантики лексем: *отточенный* – 2. в знач. прил. Доведенный до предельной выразительности, четкости, до высокой степени совершенства' (МАС) (о речи, мыслях), *точенный* – 3. перен. С правильными, красивыми, четко очерченными линиями (о чертах лица, фигуре). *Точеный профиль*. (СО), *кованный* – 3. Перен. Четкий, выразительный, пластичный. О стихе, слоге и т.д.' (БАС), *чеканный* – 4. Перен. Ясный, выразительный, отточенный. О мысли, слоге, мастерстве.' (БАС), *литой* – 2. Перен. Словно вылитый из металла, плотный, крепкий. О человеке, частях его тела.' (БАС).

Первичный признак обработанности металла трансформируется либо во вторичную семантику четкости, выразительности (в приложении к обозначениям продуктов мысли, речи, к живописи), либо в характеристику гармоничности, правильности форм, очертаний, сложения (*отточенный, кованный, чеканный* с одной стороны и *точенный, литой* – с другой).

Здесь же должны быть рассмотрены лексемы, объединяемые в синонимическую пару с общим значением "нерушимый, несокрушимый, неколебимый!" *монолитный* – 2. Перен. Представляющий собой цельность, единство, сплоченный (высок.)'(СО),

⁸³ "Чем дальше, тем больше убеждался Федор, что Чапаев, этот кремневый, суровый человек, этот герой-партизан может быть, как ребенок, прибран к рукам" (Фурманов. Чапаев).

спаянный – 2. в знач. прил. Прочно связанный дружбой, взаимопониманием, единством интересов и т.п.'(БАС).

Среди наименований, относящихся к ТГ 'металлы', необходимо рассмотреть прилагательное *серебряный* – 2. Перен. Мелодично-звонкий, высокого тона'(СО).

ТГ наименований, связанных с семантикой света, представлена прилагательными *звездистый* – 2. Перен. Искрящийся, сверкающий. *Звездистые очи.'*(МАС), *лучистый* – // Перен. Исполненный внутреннего сияния (о глазах)' (БАС)⁸⁴, *солнечный* – 4. перен. Ясный, радостный, счастливый. *Солнечная улыбка. Солнечные перспективы.'*(СО), *светлый* – 5. перен. Радостный, ничем не омраченный, приятный (высок.). *Светлый час. Светлое будущее. Светлое воспоминание.* 6. перен. Ясный, пронизательный. *Светлый ум.'*(СО), *яркий* – 3. перен. Выдающийся в каком-н. отношении. *Яркий талант.'*(СО) (семантика выделенности, но уровень одобрения – нет особой выделенности), *ясный* – 5. Логичный стройный, четкий, ясный ум.'(СО), *радужный* – 2. перен. Приятный, сулящий радость, счастье. *Радужные мечты. Радужные надежды.'*(СО)⁸⁵.

Указанные лексемы могут быть дифференцированы по семантическим признакам: с общей семантикой 'выражающий радость, счастье' (*солнечный, светлый, ясный, радужный* с широкой сферой приложимости и *лучистый, звездистый* – о глазах), 'пронизательный, ясный'(*ясный, светлый* – сочетаемость с ум).

Здесь же могут быть рассмотрены прилагательные, соотнесенные с 'огнем': *пламенный* – // Исполненный страсти, подъема, воодушевления. *Пламенные стихи. Пламенный привет. Пламенный патриот.'*(МАС), *зажигательный* – 2. перен. Волнующий, производящий большое впечатление.'(СО), *искроменный* – // Перен. Яркий, выразительный' (МАС)⁸⁶, представляющие ЛСГ наименований, используемых при характеристике речи, ее продуктов (*пламенная речь, зажигательные стихи, искрометное выступление*).

⁸⁴ "Глаза княжны, большие, глубокие, лучистые, были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты" (Толстой. Война и мир)

⁸⁵ О семантике идеализации – см. характеристику розовый.

⁸⁶ "Она была чудно хороша.. Из ее больших открытых глаз будто искры сыпались, они сверкали, как алмазы, и никогда не променяю таких голубых искрометных глаз ни на какие черные." (Достоевский. Маленький герой).

Самостоятельную группу единиц с собственно-оценочным значением составляют прилагательные ТГ 'сладости': *сладкий* – 2. Перен. Приятный, доставляющий удовольствие. *Сладкий сон. Сладкие мечты.*' (СО), *сладостный, усладительный, сахарный* – 4. Приятный, радостный, доставляющий удовольствие' (БАС), *медовый* (в ФЕ *медовый месяц*) – 'Б) Шутл. О начальном счастливом периоде чего-либо' (БАС). Номинативная семантика сладости как вкусового ощущения трансформировалась в номинативно-оценочную (ср. *сахарный* – // Перен. Прост. Приятный на вкус, вкусный' (МАС): "– *Чтобы они ели сладкий кусок, а я ел хлеб с луком.*" (Шолохов. Поднятая целина), а затем – в собственно-оценочную: *сахарный* – // Перен. Прост. Хороший, приятный.' (МАС): "Захар ловко подкрался к Дуне и нежно прошептал: – *Экие вы сахарные, Авдотья Кондратьевна!*" (Григорovich. Рыбаки).

Следует также отметить энантиосемию оценочных значений наименований данной ТГ: *сладкий* – 3. перен. Приторно-нежный, умильный (разг.). *Сладкая улыбка. Сладкий голос.* 4. перен. Льстивый. лицемерный (разг.). *Сладкие речи.*' (МАС), *сладостный* – 2. Чрезмерно-нежный, излишне чувствительный.' (МАС), *сахарный* – 5. Приторный, слащавый.' (БАС), *медовый* – 3. Перен. Слащавый, приторно-нежный, излишне любезный.' (БАС), избыточность признака обуславливает отрицательно-оценочную семантику слащавости (в сочетании с лексемами *улыбка, голос, глаза* и т.п.; см. также *приторный*), либо лести (в сочетании с лексемами *речи, стихи, слова* и т.п.).

Среди прилагательных, соотносимых с существительными других ТГ, выделяются *мажорный* – 2. Перен. Бодрый, радостный, веселый. *Мажорное настроение.*' (БАС), *благодатный* – 1. Приносящий довольство, радость, полный благ (высок.). *Благодатный край.*' (СО).

3.3.2 Лексика, выражающая одобрение, как продукт первичной номинации.

Ядерную часть лексем, выражающих одобрение собственно-оценочной семантикой, представляют лексические единицы, используемые при оценке лица: *молодец* – 2. Употр. при выражении похвалы, одобрения, в значении делающий все отлично, умелый, ловкий человек (разг.)' (СО)⁸⁷, *молодчина* – 'м. и ж. То же, что молодец (во 2 знач.). *Он у нас молодчина.* (СО), *молодчага, умница* – 'м. и ж. О ком-, о чем-л.

⁸⁷ "Ну так... Нет, славно, славно, молодцы." (Шукшин. Пьедестал).

достойном похвалы, высокой оценки.’ (БАС), *мастер* – 4. на что и с неопр. Человек, который умеет хорошо делать что-к. //ж. *мастерица*.’ (СО), *мастак* – (разг.) Искусный и опытный в каком-н. деле человек’ (СО), *дока* – (прост.) Знаток, мастер своего дела.’ (СО)⁸⁸, *хват* – 2. В знач. сказ. По отношению к лицам м. и ж. пола. Употр. как выражение похвалы (чаще ирон. или шутл.) человеку ловкому, умелому.’ (БАС).

Рассмотренные значения (этимологически вторичные по происхождению) возникли на основе номинативно-оценочной семантики: *молодец* – 1. Молодой человек, сильный, крепкого сложения.’ (СО), *умница* – ‘Разг. Умный, знающий, толковый человек’ (БАС), *хват* – ‘Разг. 1. Удалец, молодец; человек бравого вида, крепкого сложения.’ (БАС), тем не менее связь оценочной семантики с первичным значением в значительной степени осложнена либо нарушена.

Значение выражения одобрения максимально расширено в приложимости к предметам оценки (в том числе к лицу любого пола: *молодец*, *молодчина*, *умница*), тем не менее не может быть положительной эстетической оценки, значение ограничено сферой деятельности, номинативный компонент денотата замещен положительной эмоциональной оценкой. При этом номинативно-оценочные признаки ‘ума’, ‘ловкости’, ‘мастерства’ переосмыслены, способны определять любое положительно-оценочное качество, свойство предмета оценки (поведение, моральные качества, интеллектуальные свойства и т.п.).

Особо следует отметить лексему *молодчик*, за которой в современном употреблении закрепилось значение (разг. презр.). Человек, обычно молодой, опасный или подозрительный для окружающих. *Подозрительный молодчик. Фашистские молодчики.*’ (СО). В то же время указанная лексема в другом значении способна выражать и положительную эмоциональную оценку: “А сердце такой светлой радостью вдруг переполнилось, что Анна к подругам на шею бросилась, парней обнимать начала: – Девушки.. Молодчики!”(Шишков. Тайга), “Отовсюду слышались радостные голоса: Дуган – молодчик! Сила – Дуган!” (Трифонов. Победитель шведов).

⁸⁸ См. актуализацию отрицательно-оценочной семантики в связи с периферийным характером семантики ловкости на оценочной шкале: *ловкач* – ‘Пронырливый человек’, *ловчила* – (прост. неодобр.). Человек, который ловчит, ловкач.’

Синонимами лексемы *мастер*, вероятно, можно считать лексему *маэстро*, семантика которой расширяет сферу денотативной отнесенности за пределы музыкантов, живописцев, шахматистов: “Пушкин был прямым наследником богатства этих трех маэстро (Державина, Батюшкова, Чуковского) русской поэзии” (Белинский, Сочинения Пушкина) (ср. маэстро – (книжн.) Почетное название крупных музыкантов, живописцев, а также выдающихся шахматистов.’ (СО), а также мэтр в значении ‘мастер в чем-л.’ (БАС)⁸⁹

К лексемам, выражающим одобрение первичной семантикой, относятся также непроемные лексемы (немотивированные на синхронном уровне): *лафа* – // в знач. сказ. Удача, везет, хорошо (кому-либо). Прост.’ (БАС): “Люди они добрейшие, сестре у них будет – лафа.” (Тургенев. Новь), *лафовый* – ‘Легкий, удобный, выгодный (в прост.)’ (НРА – 82), *кейф* (*кайф*) – ‘Шутл. Приятное безделье, ничегонеделание, отдых.’ (БАС). Среди лексем с номинативно-оценочным значением выделяются: *каллиграф* – ‘Тот, кто красиво, четко пишет’ (БАС), *разумник*, *разумница* – ‘Умный, толковый человек.’ (БАС) (этимологически – как словообразовательное средство создания оценки), *мудрец*, *мыслитель*, *знайка* – ‘м. и ж. Разг. Шутл. О знающем, осведомленном в чем-либо человеке.’ (БАС), *рубака* – (разг.) Храбрый человек, отлично владеющий холодным оружием (саблей, пашкой)’ (СО: 610), *снайпер* – ‘Очень меткий и искусный стрелок’ (СО) (см. оценочное значение в Словаре в Приложении 2), *джигит* – ‘Искусный наездник (первоначально у кавказских горцев)’ (СО), *комильфо* – ‘О том, кто отвечает правилам светского приличия’ (БАС).

Здесь же должны быть рассмотрены лексемы со значимой внутренней формой (обусловленной мифологическими (библейскими) и фольклорными представлениями): *бессребренник* – (устар.) Бескорыстный человек.’ (СО), *хлебосол* – ‘Хлебосольный (гостеприимный) человек.’ (СО), *златоуст* – ‘Шутл. ирон. О красноречивом ораторе или краснобае.’ (БАС) (оценочная энантиосемия)⁹⁰.

Среди существительных, соотносимых по семантике с прилагательными, обозначающими соответствие общественно-одобряемому уровню, выделяются лексемы: *пример* – 2. Действие, служащее образцом для подражания, а также вообще выдающийся образец чего-н.’ (СО), *образец* – 2. чего и без доп. То, чему

⁸⁹ “Ведь ты на фортепьянах-то виртуоз, мэтр, Рубинштейн” (Достоевский. Преступление и наказание).

⁹⁰ Возможно, уровень восхищения: семантика соотнесения с золотом.

нужно следовать, подражать. *Образец мужества. Образец трудового героизма. Служить образцом.*' (СО), *отличник* – 2. *Работник, отлично выполняющий свои обязанности. Отличник производства.*' (СО), *правофланговый* – 2. в знач. сущ. Тот, на которого нужно равняться, кто служит примером для других. *Правофланговые борьбы за урожай.*' (СО), *авангард* – 2. перен. Передовая, ведущая часть какой-н. общественной группы, класса.' (СО: 20), выражающие одобрение (советизмы, уходят из активного употребления, маркированы временем). Данные лексемы могут квалифицировать лицо (*правофланговый, отличник, авангард*) либо также и действие (*пример, образец*).

Особо следует остановиться на группе лексических единиц, обозначающих лицо, которые имеют нейтральные в оценочном отношении и отрицательно-оценочные эквиваленты с тем же предметно-логическим содержанием, безразличным к общественному одобрению/неодобрению. В лексикографических пометах значение положительной эмоциональной оценки часто в подобных случаях сопровождается стилистической пометой *высок.*: *зачинатель, начинатель, вдохновитель, инициатор* (последний пример реально без отнесенности к высокой лексике – А.З.), *пионер, застрельщик, основоположник, родоначальник, отец*, речевое *патриарх* с общим значением 'начинающий какое-либо дело' (ср. нейтральные в оценочном смысле *заводила, запевала, инициатор*; отрицательно-оценочное *зачинщик*); *соратник, подвижник, сподвижник, поборник, друг, союзник* с общим значением 'сторонник какого-н. дела' (ср. нейтральные наименования *сторонник, приверженец, последователь, единомышленник*, отрицательно-оценочные *соучастник, сообщник, соумышленник*). Получают оттенок положительной оценки и стилистические синонимы наименований лиц творческих и престижных профессий: *ваятель, зодчий, первооткрыватель, космооткрыватель* (ср. нейтральные *скульптор, архитектор*).

Вероятно, последние примеры являются разновидностью 'поэтической' лексики (Ахманова 1957:261) с эмоционально-оценочной коннотацией (см. о 'высоких' словах в 2.3 и 2.6).

3.3.3 Словообразовательные средства выражения одобрения

Принцип соотнесения значения аффиксальных средств создания оценочной семантики со значением взаимодействующих основ слов позволил сделать некоторые выводы.

Так, при взаимодействии экспрессивных суффиксов *-ак (-як)* с основами слов, выражающих моральные оценки первичными значениями, реализуется признак интенсивности обладания данным моральным качеством адресата оценки: *добряк* – ‘Разг. Очень добрый человек.’ (МАС), *здоровяк* – (разг.) Человек с отличным здоровьем.’ (СО), *бодряк, весельчак, смельчак*. Примеры снижения положительно-оценочной семантики слов *бодряк, весельчак, добряк, простак* по сравнению с соотносительными прилагательными (Арутюнова 1976:244) обусловлены собственно-семантическими характеристиками признаков: невозможностью интенсификации (в рамках положительно-оценочной шкалы) семантики лексем *добряк, весельчак, простак* с позиций социального одобрения, а также актуализацией другого оценочного значения: *простой* – ‘// Недалекий, наивный.’ (МАС) в существительном *простак* – 1. Простодушный или недалекий человек (разг.)’

Указанный фактор интенсификации оценочного значения за счет взаимодействия положительно-оцениваемой основы слова с экспрессивными суффиксами определяют характер других наименований лиц: *силач* – ‘Человек большой физической силы.’ (БАС), *крепыш*. Вероятно, вообще при выражении положительно-оценочного признака именами существительными в сопоставлении с именами прилагательными актуализируется признак постоянного обладания данным качеством, что интенсифицирует воздействующую силу единиц типа *храбрец, умница* и т.п.

Суффикс *-яг* во взаимодействии с основами слов, выражающих ласковое отношение, интенсифицирует оценочную семантику: *миляга* – ‘м. и ж. (прост.) Милый, располагающий к себе человек.’ (БАС)⁹¹, *симпотяга* – ‘м. и ж. (разг. фам.) Очень симпатичный человек’ (СУ), *родняга* – ‘м. и ж. Родной, дорогой человек (в разг. речи, фамильярно).’ (НРЛ – 81) во взаимодействии с основами слов, выражающих моральные оценки, также интенсифицируется семантика основ слов: *работяга* – ‘м. и

⁹¹ “– Вы, конечно, народ хороший. Одним словом – миляги!” (Есенин. Песнь о великом походе).

ж. (прост.) Работящий, старательный человек.' (СО) 'говорится в похвалу' (СУ)⁹². (возможно, развилось также отрицательно-оценочное значение – 'человек, занимающийся нетворческим трудом), *трудога* – '(прост.) Очень трудолюбивый, старательный человек; *работяга*.' (СО), *скромняга* – '(прост.) Очень скромный человек.' (СО); во взаимодействии с нейтральными в оценочном отношении основами слов лишь маркируется принадлежность к просторечию (*парняга*). В значении лексемы *деляга* наряду с положительно-оценочным значением 2. Хороший работник, деловой человек.' (МАС) развилось отрицательно-оценочное значение (прост. неодобр.). Человек узко деловой, озадаченный главным образом непосредственной, ближайшей выгодой.' (СО).⁹³

В то же время суффикс *-ак* во взаимодействии с основами слов, нейтральных в оценочном отношении, реализует ироническую оценку: *писака* – 1. Разг. (в совр. употреблении обычно ирон. или шутл.) Тот, кто умеет писать; пишущий человек // Тот, кто много и охотно пишет, мастер писать.' (БАС), 'м. и ж. 1. Плохой, но много пишущий писатель (разг. презр.). 2. О том, кто плохо, неумело пишет (в 1 знач.; разг. шутл.) *У моего писаки вся тетрадь в кляксах*.' (СО), *служака* – (разг.) Опытный, усердный служащий (обычно о военных).' (СО) (в современном употреблении – ирон. в связи с актуализацией признака нетворческого характера службы).

Среди других аффиксов, интенсифицирующих оценочную семантику, следует выделить экспрессивные префиксы: *пре-* *премилашка*, *преблагородный*, *презнатный*, *премилый* ("Это – премилый и удивительно добрый человек. Сердце у него золотое." (Л. Толстой. Анна Каренина)) и т.п.); *раз-* (*рас-*) (*разлапушка*, *раскрасавица*, *разумница* и т.п.); *сверх-* (*сверхметкий* и т.п.); *супер-* (*суперкласс*, *суперклассный* – 'превосходный, выдающийся' (НРЛ– 81), *супермодный* и т.п.); *экстра-* (*экстракласс*), увеличительные суффиксы: *-ище* (*талантище*, *мастерище*, *человечище*, *умище* и т.п.)⁹⁴

Особо следует остановиться на уменьшительно-ласкательных суффиксах (уменьшительных суффиксах), взаимодействующих с основами слов, выражающих

⁹² "Экая женщина дородная, а? И ведь умница была, работяга, а вот загуляла, закружилась!" (Горький. *Лето*)

⁹³ "План зимнего лова имеет для нас огромное значение. – Вы рассуждаете как стопроцентный *деляга*." (Чаковский. *У нас уже утро*).

⁹⁴ "– *Послушай-ка, дружище, ты, сказывают, петь великий мастерище*" (Крылов. *Осел и Соловей*), "– *Оставь, это, братец мой. У тебя тоже талантище. был: теплота, юмор, свежести сколько*." (Куприн. *На покое*), "Толстой-то, Толстой! Это, по нынешним временам, не человек, а *человечище*. *Юпитер*." (Чехов. *Письма*).

одобрение: *мастерок* – “Первая по здешним местам девушка! Уж и мастерок!” (Успенский. Будка), *звездочка* (при характеристике юного возраста адресата оценки, начала широкой известности и выражении ласкового отношения): уменьшительное значение суффикса позволяет также выражать ироническую оценку и придавать уничижительный оттенок: “– Был в Павлове мастерок один. Работать не любил, а деньги любил.” (Короленко. Павловские очерки) (ср. *божок*, *князек*).

Особо следует отметить возникновение отрицательной эмоциональной оценки на основе избыточности положительно-оценочного признака: *чистюля* – (разг.) Чрезмерный любитель чистоты.’(СО).

При презентации лексических единиц, выражающих одобрение, в иностранной аудитории, следует обратить особое внимание на учет внутренней формы слова, тематической и лексико-семантической отнесенности, анализ словообразовательной структуры, стремление существительных, выражающих данную разновидность положительной эмоциональной оценки, к выражению оценочной семантики во взаимодействии с уменьшительными суффиксами, формы общего рода существительных.

Преломление положительной эмоциональной оценки на отрицательную возможно в значениях лексем *любвеобильный*, *жизнетворный*, *вечносияющий* и т.п.

3.4. Лексика, выражающая восхищение, как разновидность лексики с положительной эмоциональной оценкой

Исходя из классификации, предложенной Киселевой, наряду с рассмотренными видами положительной эмоциональной оценки выделяется *восхищение* как высшая степень одобрения (Киселева 1968:387). Данное положение основывается на соответствии двум уровням положительной оценки (меньшей и большей степени интенсивности), т.е. на включении критерия интенсивности в классификационные признаки (Вольф 1985:43) Лингвистическое понятие восхищения отличается от эмоции восторга, восхищения, сопровождающей выражение указанного вида оценки⁹⁵, включает в себя единицы разной степени воздействия, превышающей уровень одобрения (ср. выделение трех ступеней *хороший* – *прекрасный* – *потрясающий* (Галкина-Федорук 1958:110)

⁹⁵ Иную точку зрения см. Сергеева 1980:15.

3.4.1 Собственно-лексические средства выражения восхищения

Наиболее значительной в количественном отношении группой представляется группа прилагательных, выражающих высокую степень положительной эмоциональной оценки в связи с семантикой денотативного компонента значения (ср. “великолепный = хороший + интенсификация” (Вольф 1985:29): единицы типа *превосходный, замечательный* и т.п.

Введение интенсивности в разряд факторов, участвующих в создании эмоциональной оценки, позволяет рассмотреть данные прилагательные как лексические единицы с положительной эмоциональной оценкой. Данное понимание нашло имплицитное выражение в признании образными словами лексем, “обладающих экспрессивной семой интенсивности” (Купина 1983:56) без объяснений, уточнений и иллюстраций, а также в утверждении о наличии общности между рассматриваемыми словами и словами ‘эмоционально-усилительными’ (Вайгла 1978:5) при отрицании существования у последних оценочной функции.

Обоснование связи категории интенсивности и эмоциональной оценочности предложено в работе Шейгал на материале английского языка, в которой различаются слова-усилители (типа *очень*) и слова, совмещающие номинацию признака с указанием на высокую степень его выражения (типа *обожать*); среди единиц второй группы дифференцируются эмоционально-оценочные интенсивы (индикаторы *отвратительный, изумительный*) и интенсивы избыточности с интеллектуальной оценкой (индикаторы *чрезмерный, необычный*) (Шейгал 1981:5,9).

Признание в качестве основы образных экспрессивных слов “ассоциаций, возникающих при сравнении двух представлений” (Новиков 1982:103; Лукьянова 1983:32) позволяет отнести прилагательные рассматриваемой группы к образным (сравнивается первичная семантика и вторичное оценочное значение, объединяемые во внутренней форме слова), что не противоречит принципу непосредственного выражения материального признака (Блинова 1983:5) и имплицитно отражается в лингвистических работах (ср., например, Лукьянова 1983:32).

Эмоциональная оценка в данных прилагательных является понятийным содержанием слова (Вайгла 1976:5), указанное положение разделяется рядом исследователей (Богуславский 1977:84; Сергеева 1977:89) и признается частным

случаем концепции, согласно которой *“эмоционально-экспрессивная окраска слова возникает на базе качественно-количественных оттенков собственных значений слов”* (Гак 1977:96; Casares (1958):120).

К прилагательным, выражающим восхищение, относятся также лексемы общей аффективной оценки типа *отличный, прекрасный, великолепный, потрясающий* и др. (Вольф 1985: 20,29,40,43-44), отражающие *“степень заинтересованности субъекта”* (Вольф 1985:43).

К лексическим единицам, выражающим восхищение, относятся не только прилагательные общей оценки, но и единицы с номинативно оценочным значением (типа *гениальный, кристальный*), стремящиеся к деактуализации номинативной семантики и выражению собственно-оценочного значения (подробнее со значениями).

Отличительными признаками отнесения к уровню восхищения имен существительных являются тематическая и лексико-семантическая отнесенность, связь оценочной семантики существительных и прилагательных, толкование значений с помощью слов-интенсификаторов.

Описание лексических единиц, выражающих восхищение, предлагается по схеме:

- а) соответствующих высшему уровню (образцу, идеалу), положительно оцениваемому с общественной точки зрения;
- б) особо выделяющихся на фоне положительно оцениваемого уровня;
- в) соотносимых с эмоциями высокой степени интенсивности;
- г) имеющих общее значение, определяемое лексико-семантической и тематической отнесенностью.

3.4.1.1 Лексемы (ЛСВ слов), семантика которых отражает соответствие высшему уровню: образцу, идеалу.

Понятие нормы в оценочном плане воспринимается положительно: *“Принцип развития концов шкалы и «принцип Поллианы» демонстрируют, что под влиянием прагматических факторов лексическая семантика заметно сдвинута по сравнению с картиной мира, во-первых, в сторону ненормативных явлений и, во-вторых, в сторону*

идеализированной (позитивной) нормы." (Арутюнова 1988:308), этот факт обуславливает выделение рассматриваемой подгруппы.

Данная подгруппа представлена ЛСГ прилагательных с общим значением 'образцовый': *образцовый* – 2. Примерный, отличный, вполне совершенный.' (СО), примерный, показательный, образцово -показательный; ЛСГ прилагательных с общим значением 'идеальный': *идеальный* – 2. Очень хороший, отличный' (СО), совершенный, законченный; ЛСГ с общим значением 'лучший, соответствующий лучшим образцам': *первый* – 3. Лучший из всех в каком-н. отношении, отличный, хороший.' (СО), классный, классический, мировой; ЛСГ существительных с аналогичной семантикой.

Следует отметить, что первичное номинативное значение некоторых лексем предполагает нейтральную в оценочном отношении семантику: *примерный* – 2. Служащий примером, назиданием для кого-н.' (СУ), а также положительную либо отрицательную оценочность: *показной* – 2. Рассчитанный на внешнее впечатление, притворный.' (СО) ; тем не менее в значениях единиц, приведенных выше, актуализована именно положительная оценка.

Номинативные и оценочные значения различаются характером лексической сочетаемости: с лексемами, выражающими номинативную семантику, сочетаются существительные, не затрагивающие собственной семантикой субъективную сферу человека, ценностные отношения (*образцовый* – 1. Являющийся образцом. *Образцовые листы бумаги.*' (СУ)); данные словосочетания используются в научно-техническом, официально-деловом стилях речи; в то время как с оценочными ЛСВ прилагательных сочетаются существительные, обозначающие предметы оценки: *образцовый* – 2. Такой, что может служить примером, образцом для других, отличный, вполне совершенный. *Образцовый порядок. Образцовое поведение. Образцовый ответ. Образцовое произведение искусства.*' (СУ), данные словосочетания не употребляются в указанных стилях речи.

На основе номинативного значения могут развиваться антонимичные оценочные ЛСВ: *законченный* – 2. Достигший совершенства в каком-л. деле, искусстве, вполне сформировавшийся (книжн.). *Законченный мастер. Законченный художник.*; 3. Обладающий высшей степенью какого-н. отрицательного качества. *Законченный негодяй.*' (СО), различающиеся стилистической принадлежностью: отрицательно-оценочное значение разговорно (СУ), при этом дифференцируются ЛСВ выражения

интенсивности признака и ЛСВ выражения интенсивности, совмещенной с положительной оценкой: *законченный композитор*.

Значение положительной эмоциональной оценки выражают также лексемы, семантика которых отражает соответствие высшему уровню, немотивированное внутренней формой слова: *классный* – 2. Принадлежащий к высшему классу. *Классный игрок.*' (СО), *класс* – 'Это класс, первый класс. Прост. О том, что очень хорошо, очень подходяще.' (БАС), *классический* – 1. // перен. Замечательный, отличный (разг.)' (СУ), *мировой* – 4. перен. Очень хороший, замечательный. (прост.) *Он парень мировой. Мировой фильм.*' (СО), *эталонный, фирменный* (НРЛ – 81) и др.

Отнесение к уровню восхищения возможно на основе переосмысления исходной семантики высшей цели: *идеал* – 2. чей. Совершенное воплощение, лучший образец чего-л.' (МАС), полноты выражения признака: *законченный, совершенство* – 2. О человеке, предаете и т.п., обладающем всеми достоинствами, лишенном недостатков.' (БАС), особого выделения: *элита* – 'Лучшие представители какой-н. части общества, группировки и т.п. *Элита рабочего класса.*' (СО).

Особо необходимо отметить случаи расширения сферы приложения, отражающие тенденцию стремления номинативно-оценочных единиц к выражению собственно-оценочной семантики: *шедевр* – (книжн.) Исключительное по своим достоинствам произведение искусства, литературы, образцовое создание мастера.' (СО) – вообще о любом продукте деятельности (не только книжное – А.З.); *гвардеец* – 'Представитель лучшей, наиболее передовой части какого-л. коллектива.' (НРЛ – 82) (*гвардейцы производства, строительства, пятилетки* и т.п.) ср. 'Военнослужащий гвардии.' (СО); *флагман* – 'О человеке или предмете, являющемся выдающимся образцом в какой-либо сфере деятельности (*флагман советского спорта, экономики* и т.п.). ср. 3. Самый лучший или крупный корабль флота.' (СО). Признак особой выделенности обусловлен первичной семантикой: *гвардия* – 'отборные, лучшие войска', *флагман* – 'головной, лучший корабль'.

Соответствие высшему уровню (образцу, идеалу) определяет невозможность сочетания данных лексем с неоценочными интенсификаторами типа *очень* в значении развития признака, интенсификации положительной эмоциональной оценки (Вольф 1985:45).

3.4.1.2 Лексемы (ЛСВ слов), семантика которых отражает особое выделение на фоне положительно-оцениваемого уровня.

Признак выделенности определяет значение лексических единиц, выражающих одобрение (*отборный, изрядный*) и восхищение (*отличный,, отменный, замечательный*) (*замечательный* – ‘Исключительный по своим достоинствам, выдающийся. *Замечательный писатель. Замечательный почин передовиков.*’ (СО), *превосходный* – ‘Отличный, очень хороший. *Превосходный товарищ. Превосходный рассказ.*’ (СО), при этом при определении семантики восхищения можно говорить об особой выделенности, представляющей собой системную характеристику категории экспрессивности.

Прилагательные *отличный* – 2. Очень хороший, превосходный. *Отличная игра актеров.*’ (СО), *отменный, знатный* обладают меньшей воздействующей силой (по сравнению с прилагательными *замечательный, превосходный* и др.) в связи с частотностью употребления: семантика положительной оценки не подкреплена эмоционально-оценочными интенсификаторами, что позволяет отнести данные единицы к низшей ступени уровня восхищения.

К лексическим единицам, выражающим восхищение за счет признака особой выделенности, относятся прилагательные ЛСГ с общим значением ‘исключительный’: *исключительный* – 3. полн. ф. Очень хороший, превосходный (разг.) *Изделия исключительного качества.*’ (СО), *единственный, уникальный, редкий, редкостный, ‘бесподобный’: бесподобный* – (разг.) Превосходный, ни с чем не сравнимый. *Бесподобный голос.*’ (СО), *беспримерный, несравненный, несравнимый; ‘выдающийся’: выдающийся* – 2. Отличный, превосходный, выделяющийся среди других. *Выдающийся художник. Выдающиеся способности.*’ (СУ), *видный, величавый, (меньшей степени интенсивности в связи с внутренней формой слова *незаурядный, недюжинный** – ‘Выдающийся, выделяющийся своими способностями, достоинствами.’ (СО); ‘настолько хороший, что это невозможно выразить’: *невыразимый, непередаваемый, неопиcуемый, несказанный, неизъяснимый; ‘настолько хороший, что это невозможно забыть’: незабвенный; ‘настолько хороший, что это невозможно повторить’: неподражаемый, неповторимый; ‘настолько хороший, что это невозможно устоять’: неотразимый; ‘настолько хороший, что невозможно достичь, превзойти’: недостижимый, недсягаемый, непревзойденный; ‘необыкновенный’: необыкновенный, феноменальный, необычайный.*

В презентации данных единиц в иностранной аудитории несомненную помощь может оказать словообразовательный анализ единиц типа *бесподобный, беспримерный, несравненный, непревзойденный* и других, мотивирующий оценочную семантику.

При сочетании с существительными, обладающими собственной оценочной семантикой (положительного либо отрицательного знака), реализуется значение интенсивности *непревзойденный – 2. Достигший крайней степени.* (СО), при сочетаний же с существительными, обладающими неоценочной семантикой, которая может быть оценена с оценочных позиций (лексемы типа *человек, спектакль, произведение искусства*), выражают семантику восхищения (ср. *редкий человек – ‘человек редкой доброты и благородства’* (Арутюнова 1976:158), *бесподобный – ‘бесподобная картина, неподобный шиньон, галстук’* (Лаптева 1976:27).

Семантика восхищения реализуется также наречиями, образованными от данных прилагательных, употребляемыми в позиции предиката в восклицательных предложениях: *Уникально! Непревзойденно! Это несравненно!* (ср. ‘предикативные понятия’ (Арутюнова 1985:20).

Мелиоративный характер оценочности может фиксироваться в лексикографическом описании: *незабвенный – (высок.) Такой, которого не забыть, чудный, замечательный. Незабвенная пора. Незабвенный друг.* (СО), *недюжинный, превосходный* и т.п., в данных лексемах первичная семантика не выделяется.

Своеобразную группу, находящуюся на периферии эмоционально-оценочных единиц (по характеру оценки), составляют ЛСГ прилагательных, первичная семантика которых обозначает высокую степень, количества, величины: *грандиозный – ‘Огромный, величественный. Грандиозные замыслы.’* (СО:120), *титанический, колоссальный*; ЛСГ существительных с аналогичной первичной семантикой: *великан, гигант, колосс, титан, исполин*. В позициях, рассмотренных выше (наречия в функции предиката в восклицательных предложениях: *Грандиозно! Это колоссально!*) при качественной характеристике данные прилагательные выражают восхищение; семантическим фактором, дифференцирующим указанные единицы и синонимичные по первичной семе ‘высокой степени количества’: *огромный, громадный, исполинский, чудовищный* (последняя лексема с отрицательной эмоциональной оценкой), является сема ‘значимости, величия’, сближающая их с лексемами *великий, величайший*.

Существительные во вторичных значениях развивают семантику 'выдающийся человек в какой-либо общественно-одобряемой сфере деятельности', *исполин* – 2. перен., обычно чего или какой. Человек, обладающий в какой-либо области достоинствами.' (МАС), *колосс, титан, великан, гигант*.

Данные лексемы возможно отнести к лексическим единицам с конструктивно обусловленным значением (Виноградов 1977:187).

3.4.1.3 Лексемы (ЛСВ слов), соотносимые с эмоциями высокой степени интенсивности.

В связи с учетом семантики лексем ядерную часть представляемой группы должны составлять лексические единицы, соотносимые с эмоциями восхищения, восторга (Wierzbicka 1972). Тем не менее дифференциация лексем, характеризующих субъект оценивания (*восхищенный, упоенный, восторженный*), и лексем, квалифицирующих предмет оценки, позволяет рассмотреть в данной группе лишь единицы *восхитительный* – 'Приводящий в восхищение, очаровательный, замечательный. *Восхитительный голос.*' (СО), *упоительный* – 'Приводящий в упоение, восхитительный, великолепный. *Упоительный голос. Упоительная весна.*' (СО), выражающие отношение к предмету оценки.

Близость эмоциональной и эстетической оценок обусловила возможность выражения восхищения единицами, соотносимыми с чувством очарования, которые способны развивать вторичное собственно-оценочное значение: *прекрасный* – 2. Очень хороший. *Прекрасный характер.*' (СО), *очаровательный, прелестный, пленительный, обаятельный, обворожительный*, квалифицирующие предмет оценки не только с эстетической стороны: *очаровательная книга, прелестный фильм*.

Здесь же должны быть рассмотрены лексемы, первичная семантика которых соотносима с эмоцией удивления, выражающие восхищение во вторичных собственно-оценочных значениях: *удивительный* – 2. Необычайно хороший, превосходный. *Удивительное здоровье.*' (СО), *изумительный* – 'Необыкновенный, восхитительный, приводящий в изумление.' (СО). Семантика удивления связана с внезапностью, неконтролируемостью впечатления (Шейгал 1981:10), определяющей теоретическую возможность возникновения положительной и отрицательной оценки, тем не менее в сочетании с лексемами, обозначающими предмет оценки, а также в определенных позициях данные лексемы выражают восхищение (ср. "в

составе поля 'особенный' преобладают слова положительной оценки: великий, хороший, чудесный, удивительный, известный" (Караулов 1976:228).

Более интенсивную степень выражения восхищения реализуют лексемы, принадлежащие к ЛСГ с опорным словом 'поразительный': *поразительный, потрясающий, потрясный* (НРЛ – 81), *ошеломительный*, в лексикографическом толковании которых оценочная семантика не выражена, но которые также способны выступать в роли квалификаторов: *Потрясающий голос! Ошеломительный спектакль!* (ср. отличие от неоценочных причастий *изумляющий, поражающий*). Безусловно, справедливо положение Вольф о том, что некоторые аффективные прилагательные обозначают высокую степень оценки как таковую, знак ✚ при этом нейтрализуется; ср.: *Какое потрясающее событие!* – событие может быть и хорошим, и плохим. Тем не менее в сочетаниях со словами, которые сами по себе оценки не содержат, аффективные определения системно имеют положительный оценочный смысл в одном из ЛСВ наряду со значением интенсификации в сочетании со словами, в значении которых есть оценка, они служат интенсификаторами (Вольф 1985:45).

При определении рассмотренными прилагательными существительных, обладающих собственно-оценочной семантикой, актуализируется значение интенсивности (на основе первичной семантики удивления) признака имени существительного; то же наблюдается при определении наречиями, образованными от данных прилагательных, других частей речи: *удивительно твердый, удивительно старается*. Определяющим фактором возникновения значения 'так превосходно, что это удивляет' является не наличие или отсутствие качественной семантики, а способность лексемы обозначать предмет оценки.

3.4.1.4 Лексемы (ЛСВ слов), выражающие восхищение за счет лексико-семантической и тематической отнесенности.

Принадлежность к ЛТГ 'волшебства' обуславливает возникновение вторичных собственно-оценочных значений, выражающих семантику восхищения: *волшебный* – 2. Перен. Очаровательный, пленительный. *Волшебный голос.*' (СО), *сказочный, колдовской, магический, чародейский, чародейственный, чудодейственный, чудотворный, дивный*, а также значений, дифференцированных в структуре семантики лексемы: *чудный* – 2. Прекрасный, исполненный удивительной красоты, прелести. 3. только полн.ф. Отличный, очень хороший, лучшего достоинства, великолепный, (разг.)' (СУ), *чудесный* – 2. Исполненный очарования, дивный, прекрасный. 3.

Превосходный, отличный.’ (БАС) по признаку эстетической эмоциональной оценки и общей оценки.

Указанная тематическая принадлежность определяет отнесение к уровню восхищения существительных: *чудо* – 3. в сказ. и в определении. Удивительно, поразительно хорош (разг.) *Погода сегодня – чудо! Чудо как хорош!* (СО), *волшебство* – 2. Перен. Чарующее действие кого-чего-н.’ (СО), *колдовство, чародейство, сказка* – // Перен. О чем-л. чудесном, поразительном, удивительном.’ (БАС), квалифицирующих предмет, лицо и ситуацию; лексем: *волшебник* – 2. перен. Человек, очаровывающий, пленяющий других. // ж. *волшебница.*’ (СО), *маг и волшебник* – (шутл.) – о человеке, делающем все необыкновенно легко и ловко.’ (МАС), *кудесник, чудесница, чудотворец* – // О том, кто восхищает, чарует своим искусством.’ (БАС), *фея* – ‘Перен. О женщине, чарующей своей красотой, грациозностью и т.п.’ (БАС), речевая единица *легенда*, квалифицирующих адресата оценки.

Близкую по тематической отнесенности группу представляют лексические единицы, первичная семантика которых определяется сферой ‘нереального, фантастики’: прилагательные *фееричный* – (книжн.) Как в феерии, сказочно красивый.’ (СО), *фантастический* – 3. Совершенно неправдоподобный, невероятный, несбыточный.’ (СО), *феерический, фантастичный*; существительные *мечта* – ‘Перен. Разг. О чем-н. необыкновенно-красивом, привлекательном.’ (БАС 6:945), *человек-мечта* (НРЛ – 82), *феерия, фантастика* – 2. Нечто нереальное, неосуществимое, несбыточное.’ (БАС): *Ну и спектакль! Фантастика!* (ср. нейтральные в оценочном смысле и отрицательно-оценочные прилагательные той же тематической отнесенности: *нереальный, фантазмагорический*).

Выделенные единицы обладают либо постоянной семантикой выражения восхищения (*чудесный, сказочный, волшебник, мечта* и др.), либо реализуют данную семантику в позициях предиката и в сочетаниях с лексемами, обозначающими неоценочные понятия, способные быть предметом оценки (*колдовской, магический, чудесница, кудесник, фантастический, фантастика* и др.).

Первичный признак нереальности, волшебства трансформируется в положительно-оценочное значение ‘такой превосходный, что этого не может быть (тем не менее существующий в реальности)’, что обуславливает как наличие особой выделенности (критерия соответствия уровню восхищения), так и эмоциональный характер

воздействия; диффузность первичной семантики определяет собственно-оценочное значение большинства вторичных наименований.⁹⁶

Следует отметить отсутствие вариантов женского рода от ряда существительных: *маг, чудотворец, чародей* и др., частотное выражение признака внешней привлекательности при реализации лексем *волшебница, чудесница, чаровница, обворожительница, чаровник*, возможность квалификации значениями лексем типа *чудо, мечта* лица, объекта или ситуации, выступающих в роли предмета оценки.

Следующей группой, принадлежность к которой определяет возможность выражения восхищения, является ЛТГ наименований сферы 'божественного': прилагательные *божественный* – 2. Очаровательный, прекрасный (разг.) *Божественный голос.*' (СО), *небесный* – 'перен. Прекрасный, восхитительный (поэт. устар.) *Небесная улыбка.*' (СУ), *райский*, способные оценивать предает оценки не только с эстетической, но и с собственно-оценочной стороны: *Божественная книга!* – о книге, содержанием которой субъект оценки восхищен; существительные *божество* – 2. Перен. Предмет обожания и восхищения.' (БАС), *бог* – 2. перен. О гении, необыкновенном таланте." (БАС), *богиня* – 2. Устар. Об обожаемой, любимой женщине.' (БАС), *ангел* – 2. Идеал чего-н., лучшее воплощение, олицетворение чего-н. (разг. с оттенком восхищения; устар.)' (СУ), *херувим* – 'Перен. Разг. О красивом мужчине или красивой женщине.' (БАС), *кумир* – 2. Перен. О том, кто служит предметом восхищения, преклонения.' (БАС), оценивающие лицо; *рай* – // Перен. О прекрасной, привольной жизни. // Перен. О красивой местности, о месте, где можно счастливо и безмятежно жить. // Перен. Радость, блаженство.' (БАС), *эдем* – 2. Перен. О красивой местности; о месте, где можно счастливо и безмятежно жить.' (БАС), *мекка, парадиз, палестинка* – 'Обл. Красивое, приятное местечко в лесу.' (БАС), *храм* – 2. Перен. О месте, внушающем почтение благоговение.' (БАС), ФЕ *обетованная земля, край* – 'Место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть;', квалифицирующие предмет оценки.

⁹⁶ ср. мысль Виноградова о том, что "фразеологически связанное значение лишено глубокого и устойчивого понятийного центра. Значение этого рода – 'рассеянное': оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями" (Виноградов 1977:176-177), например, прилагательное *чреватый*, вышедшее из его первичного значения, которое включалось в синонимический ряд *брюхатый, беременный, пухлый*, развивает 'рассеянное' или диффузное, значение 'способный вызвать, породить какие-либо последствия, события' (Телия 1996:15).

Лексемы обладают собственно-оценочным значением, оценивая не только талант, любимую женщину, но и любое лицо, достойное восхищения.

Большинство рассмотренных единиц обладает собственно-оценочной семантикой, реализующейся в признаке красоты, привлекательности (чаще внешней), которая квалифицирует место: *эдем, мекка, парадиз*, адресата: *бог, ангел* и др.

Вторичная оценочная семантика обусловлена представлениями о счастье, с которыми связано первичное значение. Следует дифференцировать значения лексем, не способных к выражению общей оценки (*херувим, небесный, храм*), и значения лексем, оценивающих предмет оценки по ряду положительно-оцениваемых признаков (*рай, божественный, бог, кумир* и др.).

Значение особой выделенности, определяемое тематической отнесенностью к ЛТГ 'божественного', позволяет рассмотреть здесь лексемы с номинативно-оценочной семантикой, представляющие собой наименования божеств: *Адонис* – 1. О красивом молодом человеке (в поэт. речи)' (БАС), *Аполлон, Геба, Цирцея*, нефиксируемые толковыми словарями *Афродита, Венера, Диана* (оценка красоты); *Антей, Геркулес* – 1. Человек громадной физической силы и крепкого (атлетического) сложения; *силач*.' (БАС) (оценка физической силы и сложения); *Амфитрион* – 'Гостеприимный, хлебосольный хозяин.' (БАС) (оценка гостеприимства). Сенсбилизация воздействующей силы за счет сравнения с божествами, являющимися воплощением положительно-оцениваемых признаков максимальной степени интенсивности, определяет переход имен собственных, для которых функция выражения оценочной семантики не свойственна (Аругюнова 1976:327), в разряд оценочных единиц уровня восхищения.

Принадлежность к уровню восхищения определяется также отнесенностью единиц к ЛТГ наименований 'ценного' предметов, обладающих особой ценностью – прилагательные *золотой* – 5. Перен. Прекрасный, замечательный. *Золотой работник. Золотые руки*.' (СО), *драгоценный, бесценный* с собственно-оценочной семантикой, и существительные *золото* – 3. перен. в знач. сказуемого. О ком-н., отличающемся большими достоинствами (разг.). *Этот работник – настоящее золото*.' (СУ), 'О ком-чем-н. отличающемся большими достоинствами (разг.)' (СО), *сокровище* – 3. перен. О ком-чем-н. очень ценном, дорогим для кого-н. *Этот работник – настоящее сокровище*.' (СО), *сокровищница* – 2. перен. Сосредоточие чего-н. очень ценного (книжн.) *Труды Ломоносова - сокровищница русской культуры*.' (СО), *клад* – 2. Разг. О

ком-, чем-л. имеющем большую ценность или обладающем теми или иными достоинствами.’ (МАС), *драгоценность, перл* – 2. перен. чего. О чем-н. замечательном, прекрасном, выдающемся (высок. и ирон.) *Перл творчества. Перлы остроумия.*’ (СО), *жемчужина* – 2. перен., чего. Сокровище, лучшее украшение (высок.) *Жемчужина русской поэзии.*’ (СО), оценивающие адресата и предмет оценки либо место или предмет (*сокровищница*).

В соответствии с дифференциацией предметного мира данные лексические единицы могут быть распределены по разным ТГ (названий металлов: *золото*, минералов: *перл, жемчужина*), тем не менее определяющим фактором переосмысления является семантика особой ценности, что позволяет объединить существительные в ЛСГ с общим значением ‘о ком-чем-н. очень ценном, дорогом для кого-н.’

Влияние первичной семантики проявляется в признаке единичности значения лексем *жемчужина, перл* (как эмоционально-оценочных). Наиболее часто реализуется признак внешней красоты и особой ценности, в то же время диффузность семантики ценности позволяет квалифицировать предмет оценки по значительному ряду положительно-оценочных свойств. Конкретизация оценочной семантики осуществляется на речевом уровне, при этом лексемы с собственно-оценочным значением могут замещать лексемы с номинативно-оценочным значением: “*Ах, какой пекарь! Золото!*” (Горький. Коновалов) – оценка профессиональных способностей; “*Конек-то золото! Видели вы, как скачет?*” (Короленко. Соколинцев) – оценка быстроты бега и т.п. (см. частно-оценочные значения в работах Fillmore 1981, 1983; Vendler 1960).

Близкую по тематической отнесенности группу представляют лексические единицы ЛТГ ‘особой пышности, особого богатства’: прилагательные *великолепный* – 2. Превосходный, отличный. (разг.) *Великолепный обед.*’ (СО), *роскошный* – 2. Очень хороший, замечательный (разг.) *Роскошный ужин. Роскошные волосы.*’ (СО), *шикарный* – // Очень хороший (фам.) *Шикарная книжка.*’ (СУ) (ср. первичную семантику: *великолепный* – 1. Отличающийся великолепием (пышной красотой, роскошью).’ (СО), *шикарный* – (разг.) Роскошный, изящный, щегольский, обладающий шиком.’ (СУ); существительные *роскошь* – 5. В знач. сказ. Разг. Очень приятно, восхитительно; удовлетворяет в высшей степени.’ (БАС), *шик* – 3. В знач. сказ. Прост. Удовлетворяет в высшей степени, является превосходным.’ (БАС), объединенные вторичной общей семантикой ‘превосходный, замечательный,’ ‘превосходно, замечательно.’

При этом существительные способны квалифицировать лицо, предмет и ситуацию (являясь словами-оценками), а прилагательные – оценивать предмет оценки вне соотнесенности с первичной семантикой: *роскошный обед* – не обязательно пышный, богатый, но вызывающий в субъекте оценки чувство восхищения, см. также пример *роскошная кастрюля* в работе Wierzbicka (1996a:84).

Следующую ЛТГ представляют лексемы, объединенные первичной семантикой ‘особой знатности’: прилагательные *царский*, *коронный* – 2. О роли, выступлении и т.п.: такой, который лучше всего удается исполнителю. *Коронный номер*. *Коронная роль*.’ (СО)⁹⁷, *знатный* – 3. Отличный, высокий по качеству (прост.) *Знатная уха*.’ (СО)⁹⁸, существительные *царь* – 2. Перен. Тот (или то), кто (или что) превосходит всех в каком-н. отношении. *Царь чего-н.*’ (БАС), *царица* – 1. // Перен. О той, которая первенствует где-н. всех превосходит в чем-н.’ (БАС), *король* – // Перен. Разг. О человеке, выделяющемся среди других (красотой, способностями и т.п.)’ (БАС), *королева* – ‘Перен. Разг. О женщине, выделяющейся среди других (красотой, способностями и пр.)’ (БАС), *князь* – ‘О ком-чем-н. выходящем из ряда, важном, богатом. (В сравнениях и образных употреблениях)’ (БАС).

Первичная семантика особой знатности, исключительного могущества в связи с наличием признака особого выделения из ряда кого-либо трансформируется в оценочную семантику восхищения. Переосмысление общественно одобряемого признака знатности определяет положительную эмоциональную оценочность, что отражается в лексикографическом описании (см. приведенные толкования собственно-оценочных прилагательных, а также *царь* – 2. перен., кого чего. Первый, лучший среди остальных, где-н.’ (СО), *король* – 2. Разг. О том, кто является первым, самым лучшим среди других, кто достиг совершенства в чем-либо.’ (МАС), *королева* – 4. чего или какая. Обладательница самых высоких достоинств в чем-либо, лучшая среди других (в какой-л. области).’ (МАС). Присоединение к основам рассматриваемых лексем уменьшительных суффиксов вносит оттенок пренебрежения, изменения знака оценки: *царек* – // Перен. О том, кто задает тон, главенствует, верховодит где-н.’ (БАС), *князек* – ‘Ведет себя таким князьком (превышая свою власть, ни с кем не считаясь; разг. неодобр.)’ (СО), что обусловлено снижением первичного значения знатности, могущества.

⁹⁷ см. расширение сферы приложения: *коронная дистанция*, *коронная вещь*.

⁹⁸ Отсутствие особой выделенности обуславливает меньшую интенсивность оценочной семантики (признак ‘знатности’).

Общность тематической отнесенности одобрения и восхищения как высшей степени одобрения определяет принадлежность единиц, выражающих восхищение, к выделенным ЛТГ уровня одобрения с указанием на максимальную степень положительно-оцениваемого признака в лексикографическом описании. К данным лексическим единицам относятся лексемы ТГ 'сладости': *малина*⁹⁹ – 2. Перен. Прост. О чем-н. очень приятном, хорошем, доставляющем удовольствие.' (БАС), '*разг.*' (СО)¹⁰⁰; *мармелад* – // Перен. Разг. При шутливом выражении восхищения, похвалы.' (БАС) (возможно, интенсивность оценочного признака обусловлена избыточностью выражения первичной семантики: *малина* – сладкая ягода, символ сладости; *мармелад* – продукт из концентрированного сахара).

ЛТГ наименований, связанных с семантикой 'света': *солнце* – 3.// О том, кто является предметом поклонения, восхищения, любви.' (БАС)¹⁰¹, *сияние* – 4. перен. Радостно-возбужденное, счастливое выражение (глаз, лица)" (БАС)¹⁰², ЛТГ наименований, относящихся к сфере 'творчества': *картина* – 3. Перен. Прост. О ком-, чем-л., вызывающем восхищение, удивление своим живописным видом, красотой (обычно в знач. сказуемого или приложения)' (БАС), *картинка* – "*Ты парень красивый, картинка!*" (Н. Островский. Как закалялась сталь), *артист* – 2. Тот, кто обладает высоким мастерством в какой-н. области (разг.)' (СО), *поэма* – 3. Перен. О чем-л. поражающем своей красотой, величием, достоинствами и т.п." (БАС); ТГ названий металлов, изделий из них: *магнит* – // Перен. То, что обладает особой притягательной силой, привлекает к себе.' (БАС) "*Вон Басова жена вышла. Экая женщина .. магнит!*" (Горький. Дачники), *гвоздь* – 'чего. (разг.) Самое значительное, интересное. *Гвоздь сезона. Гвоздь программы.*' (СО).

Большинство рассмотренных единиц обладают собственно-оценочной семантикой, оценивают ситуацию (*малина*), предмет или лицо (*картина*, *магнит*, *гвоздь* и т.п.), лицо (*артист*), при этом в качестве ведущего выступает признак привлекательности.

⁹⁹ Возможно отнесение к ТГ названий плодов, тем не менее определяющим фактором возникновения оценочного значения является признак 'сладости'.

¹⁰⁰ Разногласия в идентификации стилевой принадлежности лексических единиц толковыми словарями не учитывались (ср. *мировой*, *железный* – от жаргона к общепросторечным (Винокур 1980:27), "*отсутствие четких границ между функциональными стилями*" (Шмелев 1977:16)

¹⁰¹ Возможно отнесение к ТГ названий небесных светил.

¹⁰² "*А вот Аннушка – вот это настоящее!.. Она только одна и есть во всей его жизни сокровище, солнце, сияние.*" (Г. Успенский. Кой про что).

Самостоятельную группу представляют лексические единицы, первичная семантика которых соотносена с семой 'блеска', единицы данной ЛТГ во вторичных значениях регулярно выражают семантику восхищения: прилагательные *ослепительный* – 2. Перен. Необычайный, поразительный (обычно о красивой внешности)' (СО), *блестящий* – 'Великолепный, превосходный, замечательный. *Блестящий лектор.*' (СО), *блистательный*, существительные *блеск* – 3. (только им. п. ед.) То же, что красота (в 3 знач., прост. шутл.) *Картина – блеск!*' (СО) – собственно-оценочное значение, и 2. перен. Великолепие, яркое проявление чего-н.' (СО) – номинативно-оценочное значение, *фейерверк* – 2. Перен. Быстрая смена, непрерывный поток, ряд (чего-н. яркого, выразительного, производящего сильное впечатление).'(БАС).

Замкнутую ЛСГ согласно вторичной семантике 'лучшие люди какой-либо среды' составляют лексемы, обозначающие первичными значениями лучшую часть, продукт отбора чего-либо: *сливки* – // Перен. О самой лучшей, отборной части кого-чего-л.'(БАС), *сок* – 4. Перен. Разг. О лучших, выдающихся представителях какой-либо общественной группы, категории людей.'(БАС), *соль* – 4. перен., ед. О лучших представителях какого-н. общества, общественной группы. *Эти моряки – соль нашего флота. Соль земли* (о лучших представителях общества (книжн.))' (СО), *цвет* – 2. только ед., перен., чего. Лучшая часть чего-н. (высок.) *Молодежь – цвет нации. Цвет науки.*'(СО).

Признак выделения, реализованный первичной семантике, переосмыслен в признак 'лучший, выдающийся', при этом значение лексемы *цвет* способно определять не только группу лиц, но и предмет оценки: *цвет* – 'б) О стране, городе, прославленном в каком-н. отношении; в) о предметах, лучших среди подобных.'(БАС).

Собственно-оценочная семантика в данных, единицах развивается на основе номинативно-оценочного значения лексемы *соль* – // Перен. То, что составляет особый смысл, значение чего-либо. 3. Перен. То, что составляет остроту слов, речи, остроумие.'(БАС).

Семантика восхищения выражается лексемами, первичные значения которых обозначают представителей животного и растительного мира, являющихся символами выражения положительно оцениваемых признаков. Выделение в ряду соотносящихся объектов первичной номинации чаще всего соотносится с признаком величины, принцип выбора указанного наименования обусловлен мифологическими, фольклорными представлениями языкового коллектива.

Данные единицы представлены лексемами с номинативно-оценочной семантикой: *тур* – ‘В русской народной поэзии – излюбленное животное как воплощение исполинской силы и храбрости применительно к князьям, полководцам и т.п.’ (БАС), *зубр* – ‘Об опытном и ценном специалисте. (разг. шутл.) *Редакционный зубр.*’ (СО)¹⁰³, *кит* – 2. чаще мн. перен. Тот, на ком держится все дело. *Киты науки.*’ (СО), 2. перен., обычно чего. Разг. Одно из главных или наиболее важных лиц в каком-н. деле.’ (МАС)¹⁰⁴ (животные, отличающиеся большими размерами), *лев* – // Перен. О ком-либо, отличающимся, поражающим силой, храбростью и т.п.’ (БАС), *львица* – 1. // Перен. О храброй, отважной женщине.’ (БАС), *орел* – 2. Перен. О гордом, смелом, сильном человеке.’ (СО) (животные и птицы как высшие представители особей).

Особо следует отметить развитие собственно-оценочной семантики лексемы *орел* – // О выдающемся, превосходящем в чем-либо других человеке. В знач. сказ. *Орел в чем, на что, чем.*’ (БАС), основывающейся на расширении сферы приложения лексемы в данном значении, возможности квалифицировать адресата по ряду положительно-оцениваемых признаков: силы, храбрости, ума, мужества, величия, красоты и т.п. (ср. также *лев* – о человеке, выдающемся силой, храбростью, благородством, величием, энергичностью и т.п.).

Среди других наименований, оценивающих лиц, выделяются существительные с номинативно-оценочной семантикой, относимые к уровню восхищения в связи с высокой степенью интенсивности выражения признака: *богатырь* – 2. Перен. Человек безмерной силы, стойкости, отваги. *Советские богатыри.* (СО), *витязь*, *профессор* – // Разг. О знатоке своего дела.’ (БАС), речевое значение *академик* с аналогичной семантикой, *ас* – 1. Выдающийся по летному и боевому мастерству летчик, мастер воздушного боя.’ (МАС), *виртуоз* – ‘Выдающийся музыкант, овладевший в совершенстве техникой исполнения.’ (БАС), *гений* – 2. Человек, обладающий высшей степенью творческой одаренности в какой-либо сфере деятельности.’ (МАС), *герой* – ‘Выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиги.’ (СО).

На базе номинативно-оценочной семантики, а также в связи с переосмыслением первичного значения могут создаваться собственно-оценочные значения

¹⁰³ ср. оценочную энантиосемию при актуализации признака ‘дикости’ *зубр* – 2. О косном, консервативно настроенном человеке.’ (СО)

¹⁰⁴ “Вы, можно сказать, кит сцены.” (Куприн. На покое)

лексических единиц: *ас* – 2. перен. чего или какой. Большой мастер своего дела.’ (МАС) (ср. *ас-отделочник* (НРЛ – 82), *виртуоз* – // Человек, достигший высокой степени мастерства в каком-н. деле.’ (БАС)¹⁰⁵, *гений* – // в чем, на что. Разг. Человек, в совершенстве умеющий делать что-л.’ (МАС), *герой* – 4. кого-чего. Лицо, привлечшее к себе внимание чем-н. или являющееся предметом восхищения, подражания.’ (СО) *герои дня, герой спорта, полевых станов* и т.п., *корифей* – (высок.) Выдающийся деятель на каком-л. поприще. *Корифей русской науки.*’ (СО).

При этом признаки мастерства, гениальности, героизма обуславливают возможность отнесения единиц к любому виду человеческой деятельности. В соответствии с этим собственно-оценочной семантикой обладают прилагательные *мастерский, мастерской* – ‘Весьма искусный, образцовый.’ (СО), *виртуозный, артистический, гениальный* и т.п. (ср. в испанском *genial, сатреён*).

Среди примеров взаимодействия эмоциональной оценки с другими видами оценок выделяются лексемы *кристальный* – 3. Перен. Совершенно безупречный, чистый в нравственном отношении. *Кристалльная душа.*’ (СО) – моральная оценка, *ювелирный* – 2. перен. С тщательной, тонкой отделкой. *Ювелирная работа. Ювелирное исполнение.*’ (СО), *филигранный* – 2. Перен. Продуманный или отделанный до мельчайших деталей, мелочей, тщательно, тонко обработанный. *Филигранная отделка, работа.*’ (БАС) – утилитарная оценка, в значениях лексем *ювелирный, филигранный* актуализован признак ‘прекрасно выполненный’: *ювелирная работа* – высококачественный продукт деятельности, требующей тщательности в работе.

Семантика восхищения может быть выражена не только лексемами, обозначающими первичными значениями лицо либо предмет, но также лексемами, обозначающими отвлеченные понятия. Отвлеченный характер значения несколько снижает эффект воздействия в сравнении с образными единицами, обладающими чувственной, предметной наглядностью, в то же время компенсируя данное снижение полнотой выражения положительно-оценочного признака. К лексическим единицам подобного рода относятся: *очарование* – 4. Разг. О ком-, чем-л. пленительном, очаровательном.’ (БАС), *красота* – 2. ед., только им. п. О чем-н. приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение (прост.) *Погуляли, искупались. Красота!*’ (СО), *красотища, прелесть* – ‘О ком-чем-н. прелестном, чарующем.

¹⁰⁵ “В первом же бою он (наводчик Ковалев) показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда.” (Катаев, Сын полка)

Какая прелесть кругом! Что за прелесть эта девочка! (СО), *сила* – 12. в знач. межд. *сила!* Замечательно, производит сильное впечатление (прост.) *Ну и фильм! Сила!* (СО), *силища*, речевое употребление *мощь* (Лаптева 1976:27).

Вторичная собственно-оценочная семантика определяется тематической отнесенностью к общественно-одобряемым сферам 'красоты, очарования', 'силы' первичных значений лексем. Данные единицы способны оценивать ситуацию (*красота, сила, прелесть*), адресата (*очарование, прелесть*), предмет оценки (*очарование, красота, прелесть*) по общего признаку выражения восхищения либо выступать в позиции замещения единиц с частно-оценочными значениями. Следует еще раз подчеркнуть, что при реализации оценочных значений в прагматическом плане важна не принадлежность к разным частям речи, а специфика образной семантики.

Здесь же следует рассмотреть слова-оценки, созданные для выражения восхищения и приближающиеся по своим функциям к междометным словам. Значения данных лексем дифференцируются на номинативно-оценочные: *объедение* – 2. О чем-н. необыкновенно вкусном (разг.) *Щи – просто объедение.*' (СО), *вкуснота* – (разг.) О чем-н. очень вкусном.' (СО), *вкуснотища, вкуснятина* и собственно-оценочные: *объедение* – 2. в знач. сказ. //Перен. О чем-н. очень хорошем, приятном.' (БАС), *загляденье* – (разг.). О том, на что можно заглядеться. *Картина – загляденье! Пирог получился на загляденье!*' (СО) (значение лексемы *загляденье* отнесено к собственно-оценочным в связи с диффузностью семантики, единица может квалифицировать обширный ряд предметов, на которые 'можно заглядеться', характеризуя не только внешнюю, но и содержательную сторону).

Выделение *удовольствия* как вида положительной эмоциональной оценки со специфичной лексемой *вкуснятина* признается нами нецелесообразным, имеющим в основе классификации эмоций, а не собственно-лингвистические критерии (см. Лукьянова 1986:46).

3.4.2 Морфологические и словообразовательные средства выражения восхищения.

Значение восхищения может выражаться не только собственно-лексическими, но также морфологическими (наличием превосходной степени сравнения прилагательных) и словообразовательными (аффиксальными) средствами. К словообразовательным средствам относятся префиксы *наи-* и *раз-/рас-* ,

присоединяемые к основам имен прилагательных (*наи-, раз-, рас-*) и имен существительных (*раз-*): *наилучший, наиумнейший, наиталатливейший; разлюбзнейший, расчудесный, распрекрасный, раскрасаец, разумница, пречудесный, преудивительный*,¹⁰⁶ суффикс *-ищ*, присоединяемый к основам имен существительных: *силища, красотища, вкуснотища*. Следует отметить присоединение префикса *наи-* к основам прилагательных превосходной степени сравнения.

Данные префиксы и суффиксы не являются специальными средствами выражения положительной эмоциональной оценки (ср. *расчудесный – распоследний*, они участвуют в интенсификации семантики одобрения (*раскрасаец, разумница, разлюбзнейший*) либо (чаще) усиливают выражение положительно-оценочного признака уровня восхищения (номинативно-оценочной: *вкуснотища, наиумнейший* и др. и собственно-оценочной: *силища, красотища, расчудесный* и др. семантики).

Необходимо отметить ограниченность аффиксальных образований, реально используемых в речи, а также преобладание среди подобных лексических единиц слов с собственно-оценочным значением.

Интенсификация оценочной семантики существительных с помощью иноязычных префиксов *экстра-, супер-*, а также компонентов *люкс, модерн* получила достаточное освещение в работах Беломорец (Беломорец 1975:22), следует лишь подчеркнуть

¹⁰⁶ “– *Что-то ко сну меня тянет... – И распрекрасное дело, крестный! – молвил Кольшукин. – Усни-ка на самом деле, отдохни.*” (Мельников-Печерский. В лесах); “(Елена:) *Я не люблю быть в долгу... (Бессменов:) Распрекрасное дело! Зато всякий вам и доверит.*” (Горький. Мещане); “*Есть у него рисунки Врубеля, Виноградова, Серова и многих других художников. Коллекция Синицина – ценнейший кладезь для историка граверного искусства.*” (Павлов. Моя жизнь и встречи); “*Он принадлежал к той когорте младших современников Гоголя, которые восприняли «Мертвые души» как величайшее событие своей жизни.*” (Чуковский. Высокое искусство); “*Дела в величайшем порядке; мотивировка коротка, точна, ясна, комар носа не подточит.*” (Серафимович. Председатель областного суда); “*У ней нет ни особенного ума, ни даже умения болтать милый вздор, но есть удивительнейшие, наливные, белоснежные плечи.*” (Салтыков-Щедрин. Культурные люди); “*Я увидел черты обворожительные черты прекраснейшего из лиц, какие когда-либо встречались мне наяву или чудились во сне.*” (Чехов. Красавицы); “– (У) *вашего зятя, Константина Федоровича, пил первейшую наливку, а у вас первейший квас.*” (Гоголь. Мертвые души). “– *Уж вот был мужик разумный, да красивый, да удачливый, просто по всей вотчине молодец первейший.*” (Короленко. В облачный день); “*И доньне по всей Деревянной части, Может, и в области во всей Он первейший мастер.*” (Твардовский. Еще про Данилу). “– *В этом сезоне у нас драматическая труппочка шикарнейшая будет.*” (Горький. Жизнь Клима Самгина); “*В удивительнейшем расположении духа я сегодня. Мне так весело, как давно не бывало.*” (Достоевский. Униженные и оскорбленные).

ограниченный круг образований с положительной эмоциональной оценкой (*экстракласс, суперкласс, суперклассный* и возможность лексемы *люкс* выступать в позиции предиката, отражая семантику восхищения (см. также *люксовый* – ‘Высшего сорта, качества (в разг. речи)’(НРЛ – 82).

Среди словообразовательных средств выражения восхищения выделяется также лексема *первый*, основа которой взаимодействует с основами слов, обозначающих уровень, класс, разряд: *первоклассный* – ‘Лучший по качеству, достоинствам. *Первоклассный писатель. Первоклассные машины. Первоклассное оборудование.*’ (СО), *первосортный, перворазрядный, первостатейный*. На основе номинативно-оценочной семантики данных прилагательных образуется вторичное собственно-оценочное значение ‘превосходный, замечательный’: *первосортный* – 1. Принадлежащий к первому, лучшему сорту. 2. Превосходный, замечательный (разг.) *Первосортный писатель.*’(СУ).

3.5 Закономерности формирования оценочной семантики одобрения и восхищения.

Среди закономерностей, определяющих формирование вторичной оценочной семантики, особо следует отметить **развитие собственно-оценочной семантики** лексемы, основывающейся на расширении сферы приложения лексемы в данном значении, возможности квалифицировать адресата по ряду положительно-оцениваемых признаков: силы, храбрости, ума, мужества, величия, красоты и т.п.: *орел* – ‘О выдающемся, превосходящем в чем-либо других человеке. В знач. сказ. *Орел в чем, на что, чем.*’ (БАС); *лев* – ‘О человеке, выдающемся силой, храбростью, благородством, величием, энергичностью’ и т.п.¹⁰⁷

На базе номинативно-оценочной семантики, а также в связи с переосмыслением первичного значения могут создаваться собственно-оценочные значения лексических единиц: *ас* – 2. перен. чего или какой. *Большой мастер своего дела.*’ (МАС) (ср. *ас-отделочник* (НРЛ – 82) ср. *ас* – 1. *Выдающийся по летному и боевому мастерству летчик, мастер воздушного боя.*’(МАС); *виртуоз* – ‘// Человек, достигший

¹⁰⁷ ср. замечание о том, что “при расширении круга фразеологических связей значение этого фразеологизма становится все отвлеченнее и обобщеннее” при характеристике ФЕ на мази (СРФ:361).

высокой степени мастерства в каком-н. деле.' (БАС)¹⁰⁸ ср. *виртуоз* – 'Выдающийся музыкант, овладевший в совершенстве техникой исполнения.' (БАС); *гений* – // в чем, на что. Разг. Человек, в совершенстве умеющий делать что-л.' (МАС) ср. 2. Человек, обладающий высшей степенью творческой одаренности в какой-либо сфере деятельности.' (МАС); *герой* – 4. кого-чего. Лицо, привлекающее к себе внимание чем-н. или являющееся предметом восхищения, подражания. *Герои дня, герой спорта, герои полевых станов.*' (СО) ср. *герой* – 'Выдающийся своей храбростью, доблестью, самоотверженностью человек, совершающий подвиги.' (СО); *корифей* – (высок.) Выдающийся деятель на каком-л. поприще. *Корифей русской науки.*' (СО).

При этом признаки мастерства, гениальности, героизма обуславливают возможность отнесения единиц к любому виду человеческой деятельности. В соответствии с этим собственно-оценочной семантикой обладают прилагательные *мастерский, мастерской* – 'Весьма искусный, образцовый.' (СО), *виртуозный, артистический, гениальный* и т.п.

В целом оценочная лексика может оценивать объект оценки по ряду разных признаков: *ядренный* – 2. прил. (разг.). одобр. перен. Отличный в каком-н. отношении: сильный, здоровый и крепкий (о человеке), свежий и чистый (о воздухе), крепкий, настоявшийся (о напитке), крупный и сочный (о плодах), сильный (о морозе). *Ядреный старик. Ядреный квас. Ядреная репа. Ядреный воздух. Ядреный морозец.* ср. 1. С полным, крупным ядром.' (см. также *светлый, сочный. ясный, золотой* и т.д.).

Подобным же образом номинативная семантика '*сладости*' как вкусового ощущения трансформировалась в номинативно-оценочную, а затем – в собственно-оценочную: *сахарный* – // Перен. Прост. Приятный на вкус, вкусный.' (МАС): "– *Чтобы они ели сладкий кусок, а я ел хлеб с луком.*" (Шолохов. *Поднятая целина*); *сахарный* – // Перен. Прост. Хороший, приятный.' (МАС) "*Захар ловко подкрался к Дуне и нежно прошептал: – Экие вы сахарные, Авдотья Кондратьевна!*" (Григорович. *Рыбаки*); *сахар* – 2. Прост. О чем-л. очень вкусном.' (БАС); *сахар* – 2.// О ком-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение.' (МАС); *сладость* – 4. // Приятное ощущение, удовольствие, наслаждение, доставляемое чем-либо.' (БАС);

¹⁰⁸ "В первом же бою он (наводчик Ковалев) показал себя таким знатоком своего дела, таким виртуозом, что всякое недоверие кончилось раз и навсегда." (Катаев. *Сын полка*)

сладость – // Разг. О том, кто доставляет удовольствие, радость, наслаждение кому-л.' (БАС).

Типичная модель формирования оценочной семантики отражена в развитии значений лексемы *сокровище*:

сокровище – 2. сущ. с. обычно мн. (книжн.) одобр. перен. Ценности духовной и материальной культуры. *Сокровища русского зодчества*. ср. 1. Драгоценность, дорогая вещь.' "*Сокровища, дарованные нам Пушкиным, действительно велики и неоценимы.*" (А. Островский. Застольное слово о Пушкине). "*Сокровища душевной красоты Совмещены в нем были благодатно.*" (Некрасов. Памяти Добролюбова). "*(Протасов:) Будем работать, накопим для людей много сокровищ чувства и мысли.*" (Горький. Дети солнца).

сокровище – 3. сущ. с. (разг.) одобр./восх. перен. О ком-чем-н. очень ценном, дорогом для кого-н. *Этот работник – настоящее сокровище. Ты мое сокровище! Полюбуйся на свое сокровище: весь в грязи (ирон.).*' "*(Графиня) ничего не хотела слышать об отъезде до тех пор, пока не вернется ее сокровище, обожаемый Петя.*" (Л. Толстой. Война и мир). "*Талант свой считал он великим сокровищем, которое не променял бы ни на какие блага.*" (Перегудов. В те далекие годы). "*А вот Аннушка – вот это настоящее! ... Она только одна и есть во всей его жизни сокровище, солнце, сияние.*" (Успенский. Кой про что).

сокровище – 4. сущ. с. (обычно в обращении со словом *мое*.) (разг.) ласк. перен. Ласковое название дорогого, любимого человека.' "*– Я остаюсь? – спросила Елена. – Нет, моя чистая девушка; нет, мое сокровище. Ты сегодня вернешься домой, но будь готова.*" (Тургенев. Накануне).

Близость эмоциональной и эстетической оценок обусловила возможность выражения восхищения единицами, соотносимыми с чувством очарования, которые способны развивать вторичное собственно-оценочное значение: *прекрасный* – 2. Очень хороший. *Прекрасный характер.*' (СО), *очаровательный, прелестный, пленительный, обаятельный, обворожительный*, квалифицирующие предмет оценки не только с эстетической стороны: *очаровательная книга, прелестный фильм*.

Данное различие может фиксироваться в лексикографическом описании: *чудный* – 2. Прекрасный, исполненный удивительной красоты, прелести. 3. только полн. ф. Отличный, очень хороший, лучшего достоинства, великолепный, (разг.)' (СУ);

чудесный – 2. Исполненный очарования, дивный, прекрасный. 3. Превосходный, отличный.’(БАС);

Отмеченная близость обуславливает необходимость выделения собственно-оценочной семантики единиц типа *божественный* – 2. Очаровательный, прекрасный (разг.) *Божественный голос.*’ (СО); *небесный* – ‘перен. Прекрасный, восхитительный (поэт. устар.) *Небесная улыбка.*’ (СУ), *райский*, способных оценивать передает оценки не только с эстетической, но и с собственно-оценочной стороны: *Божественная книга!* – о книге, содержанием которой субъект оценки восхищен.

Также необходимо отметить случаи **расширения сферы применения**, отражающие тенденцию стремления номинативно-оценочных единиц к выражению собственно-оценочной семантики: *шедевр* – (книжн.) Исключительное по своим достоинствам произведение искусства, литературы, образцовое создание мастера.’ (СО) – вообще о любом продукте деятельности; *гвардеец* – ‘Военнослужащий гвардии.’ (СО), ср. ‘Представитель лучшей, наиболее передовой части какого-л. коллектива’ (НРЛ – 82) (*гвардейцы производства, строительства, пятилетки* и т.п.); *флагман* – 3. Самый лучший или крупный корабль флота.’ (СО) – о человеке или предмете, являющемся выдающимся образцом в какой-либо сфере деятельности (*флагман советского спорта, экономики* и т.п.).

Признак особой выделенности обусловлен первичной семантикой: *гвардия* – ‘отборные, лучшие войска’, *флагман* – ‘головной, лучший корабль’.

Своего рода междометными являются случаи предикативного использования отдельных лексем в восклицательных предложениях: *блеск* – 3. (только им.п.ед.) То же, что красота (в 3 знач., прост. шутл.) *Картина – блеск!*’ (СО); *красота* – 2. ед., только им. п. О чем-н. приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение (прост.) *Погуляли, искупались. Красота!*’ (СО), *красотища, прелесть* – ‘О ком-чем-н. прелестном, чарующем. *Какая прелесть кругом! Что за прелесть эта девочка!*’ (СО), *сила* – 12. в знач. межд. сила! Замечательно, производит сильное впечатление (прост.) *Ну и фильм! Сила!*’ (СО), *силища*, речевое употребление *мощь* (Лаптева 1976:27).

Значения данных лексем дифференцируются на номинативно-оценочные: *объедение* – 2. О чем-н. необыкновенно вкусном (разг.) *Щи – просто объедение.*’ (СО), *вкуснота* – (разг.) О чем-н. очень вкусном.’ (СО), *вкуснотища, вкуснятина* и собственно-

оценочные: *объедение* – 2. в знач. сказ. //Перен. О чем-н. очень хорошем, приятном.' (БАС), *загляденье* – (разг.). О том, на что можно заглядеться. *Картина – загляденье! Пирог получился на загляденье!* (СО) (значение лексемы *загляденье* отнесено к собственно-оценочным в связи с диффузностью семантики, единица может квалифицировать обширный ряд предметов, на которые 'можно заглядеться', характеризуя не только внешнюю, но и содержательную сторону).

Большинство лексем ТГ 'цветы, плоды; деревья, кустарники; сладости' во вторичных оценочных значениях реализуют семантику '**привлекательности**' (чаще – в отношении женщин и детей): *персик* – 'О привлекательной девушке.¿; *цветок, цветочек* – 'О привлекательной девочке, девушке.¿; *роза, розан* – 2. Перен. Разг. О миловидной цветущей девушке, женщине.' (БАС); *цветник* – // Перен. Скопление людей, привлекательных в каком-либо отношении (обычно о женщинах и детях).' (МАС); *малинник* – 'О группе привлекательных, милых девушек, женщин.' (речевое значение); *конфета* – // О ком-, чем-л. красивом, нарядном, приятном на вид.' (БАС), *конфетка, сладость* – // Перен. О чем-л. приятном (словах, речах и т.п.).' (БАС), *сахарный* – // Перен. Прост. Хороший, приятный.' (МАС): "*Захар ловко подкрался к Дуне и нежно прошептал: – Экие вы сахарные, Авдотья Кондратьевна!*" (Григорович. Рыбаки).

Следует отметить отсутствие вариантов женского рода от ряда существительных: *маг, чудотворец, чародей* и др., частотное выражение признака внешней привлекательности при реализации лексем *волшебница, чудесница, чаровница, обворожительница, чаровник*, возможность квалификации значениями лексем типа *чудо, мечта* лица, объекта или ситуации, выступающих в роли предмета оценки.

Здесь же должны быть рассмотрены лексемы, первичная семантика которых соотносима с эмоцией удивления, выражающие **восхищение во вторичных собственно-оценочных значениях**: *удивительный* – 2. Необычайно хороший, превосходный. *Удивительное здоровье.* (СО), *изумительный* – 'Необыкновенный, восхитительный, приводящий в изумление.' (СО).

Семантика удивления связала с "*внезапностью, неконтролируемостью впечатления*" (Шейгал 1981:10), определяющей теоретическую возможность возникновения положительной и отрицательной оценки, тем не менее в сочетании с лексемами, обозначающими предмет оценки, а также в определенных позициях данные лексемы выражают восхищение.

Более интенсивную степень иллокутивной силы реализуют лексемы, принадлежащие к ЛСГ с опорным словом 'поразительный': *поразительный, потрясающий, потрясный* (НРЛ – 81), *ошеломительный*, в лексикографическом толковании которых оценочная семантика не выражена, но которые также способны выступать в роли квалификаторов: "*Потрясающий голос! Ошеломительный спектакль!*"(ср. отличие от неоценочных причастий *изумляющий, поражающий*).

3.6 Семантические закономерности формирования положительно-оценочной семантики в рамках ЛТГ (лексико-тематических групп)

Особенность русской эмоционально-оценочной лексики заключается в том, что можно выделить ЛТГ (лексико-тематические группы) или ЛФТГ (лексико-фразеологических тематических групп, учитывая ФЕ), принадлежность к которым согласно первичной семантике определяет положительную оценочность вторичных значений.

Подобная классификация ЛТГ, объединяющих такие ЛЕ и ФЕ, которые выражают эмотивную оценочность, представляется в системном виде впервые¹⁰⁹, хотя отдельные наблюдения по этому поводу можно обнаружить в ряде лексикологических и фразеологических исследований, культурно-этнографических работах Даля, Потебни, Фаминцева, Топорова, Афанасьева, Мелерович, Мокиенко и других.

В качестве исходного может быть принято утверждение Афанасьева, согласно которому "*слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили для выражения понятий блага, счастья, красоты и здоровья, богатства и плодородия; напротив, слова, означающие мрак и холод, объемлют собой понятия зла, несчастья, безобразия, болезни, нищеты и неурожая*" (Афанасьев 1994:94). Обращение к специфике менталитета в процессе номинации требует выявления национальных языковых особенностей в выборе объектов при создании единиц вторичной номинации оценочного плана.

Так, противопоставление 'низ-верх', соотнесенное с 'земным - небесным (божественным)', обусловило мелиоративную эмотивную оценочность лексических единиц, соотнесенных с 'небесным'. Следовательно, можно говорить о семе

¹⁰⁹ Ранее в данном значении автором использовался термин ФСГ (функционально-семантические группы) (Зайнульдинов 2000, 2001, 2002, 2003, 2005)

‘небесного’, определяющей положительную оценочность. Безусловно, истоки подобного восприятия находятся в мифологических представлениях: поклонении древних славян *“стихийным божествам, явлениям природы: светилам небесным, огню и воде”* (Фаминцев 1995:34) (вероятно, не только славян – А.З.).

Близкую по семантике ЛТГ представляют лексические единицы, чья первичная семантика соотнесена с ‘огнем’. С одной стороны, может быть принято положение о том, что *“огонь происходит из неба, как и солнце, отсюда естественно родственное сближение огня и солнца”* (Фаминцев 1995:148). С другой стороны, сфера огня, как и сфера небесного, привлекала человека своей непостижимостью. Можно предположить, что прагматические установки целесообразности (ср. замечания Фаминцева о том, что *“солнце и влага – главные факторы, обуславливающие благосостояние и довольство земледельца и скотовода”* (Фаминцев 1995:7) сочетались как с религиозно-мифологическими представлениями, так и с философско-поэтическими идеями, связанными с конкретными наблюдениями. Именно это сочетание обусловило положительную оценочность ряда *“солнце, луч солнца, заря, прохлада, свежесть, небо, ясный”* (Топоров 1995: 314)

Противопоставление в эмоциональной сфере света как символа радости, счастья, любви, надежды, ожидания и тьмы как символа печали, грусти, горя, несчастья и безнадежности (Григорьева 2004:23)¹¹⁰ позволяет выделить также ЛТГ ‘света’.

Опираясь на подобные примеры переосмысления (см. *“представлением сладости обозначаются вполне объективные качества предметов, например, в галицко-русском наречии солодкий означает милый”* (Потебня 1999:65), *“скупость сознавалась в образе камня, кости, пня, предметов, туго связанных, сжатого вообще и чего-то твердого”* (Потебня 1999:181), в схематичном виде можно представить ряд таких групп, где выделяются названия групп, признак, на основе которого происходит переосмысление семантики и вторичные эмоционально-оценочные значения.

1. ЛТГ ‘цари птиц и животных’ (своего рода ‘особая знатность’)

первичное значение: ‘цари птиц и животных’ *тур, лев, львица, орел, сокол, соколенок*

признак: величины животного, птицы, свойственных им качеств (цари мира)

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘сильный, смелый, храбрый’

примеры выражения одобрения:

¹¹⁰ Нечто похожее в определении любви метафорами см. Lakoff, Johnson (1980:49).

тур – ‘В русской народной поэзии – излюбленное животное как воплощение исполинской силы и храбрости применительно к князьям, полководцам и т.п.’ (БАС);

львица – 1. // Перен. О храброй, отважной женщине.’ (БАС);

сокол – 2. Перен. Народно-поэт. О юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удалью.’ (БАС), ‘Гордые соколы нашей страны (перен.: о советских летчиках (высок.)’ (СО), // Обычно мн. Перен. О советских летчиках и советских самолетах.’ (БАС);

соколенок – 2. Перен. Разг. О юноше, отличающемся смелостью, удалью.’ (БАС).

стремятся к уровню выражения восхищения:

лев – // Перен. О ком-либо, отличающемся, поражающем силой, храбростью и т.п.’ (БАС);

орел – 2. Перен. О гордом, смелом, сильном человеке.’ (СО);

2. ЛТГ ‘металлы, минералы’

первичное значение: ‘металл, минерал’ *кремень, кремешок, железный, стальной, каменный скала, гранит, утес*

признак: твердость металла, минерала

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘стойкий, непоколебимый’

примеры выражения одобрения:

кремень – 2. перен. О человеке с твердым характером (разг.)’ (СО), *кремешок, кремневый;*

железный – 4. Перен. Непоколебимый, непреклонный, твердый.’ (БАС) (ср. 2. перен. Сильный, крепкий. *Железное здоровье.*’ (СО);

стальной – ‘3. перен. //Непреклонный, непоколебимый, стойкий.’ (БАС) (ср. 3. Перен. крепкий, сильный. *Стальные мускулы.*’ (БАС);

каменный – // Непоколебимый, стойкий, твердый.’ (МАС);

речевые скала, гранит, утес.

стремятся к уровню выражения восхищения:

магнит –// Перен. То, что обладает особой притягательной силой, привлекает к себе.’ (БАС) “Вон Басова жена вышла. Экая женщина .. магнит!” (М. Горький. Дачники);

гвоздь – ‘чего. (разг.) Самое значительное, интересное. *Гвоздь сезона. Гвоздь программы.*’ (СО).

2.1 ЛТГ ‘металлы’

первичное значение: *отточенный, кованый, чеканный, точеный, литой*

признак: выделенный, обработанный о металле

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘четкость, выразительность (продукты мысли, речи, творчества) (1) либо гармоничность сложения человека (2)’

примеры выражения одобрения:

(1) *отточенный* – 2. в знач. прил. Доведенный до предельной выразительности, четкости, до высокой степени совершенства.’ (МАС) (о речи, мыслях);

кованный - 3. Перен. Четкий, выразительный, пластичный. О стихе, слоге и т.д.' (БАС);

чеканный - 4. Перен. Ясный, выразительный, отточенный. О мысли, слоге, мастерстве.' (БАС);

(2) *точенный* - 3. перен. С правильными, красивыми, четко очерченными линиями (о чертах лица, фигуре). *Точеный профиль.*' (СО),

литой - 2. Перен. Словно вылитый из металла, плотный, крепкий. О человеке, частях его тела.' (БАС).

3. ЛТГ 'драгоценности (особой ценности)' (тоже ЛТГ 'металлы, минералы')

первичное значение: лексем *самородок, рудник, россыпь, кладовая*

признак: особая ценность металла, минерала

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'ценный в переносном значении общеоценочно (1) или номинативно-оценочно (2)'

примеры выражения одобрения:

(1) *самородок* - 2. Перен. Человек с большими природными дарованиями, но без систематического образования.' (БАС);

рудник - 'Перен. Устар. О том, что является богатым источником чего-либо.' (БАС) (ценного: любви, поэзии и т.п.);

россыпи - // Только мн. Перен. Многообразии и богатство чего-л. *Россыпи живой и чистой поэзии русской*" (БАС);¹¹¹

стремятся к уровню выражения восхищения:

золотой - 5. Перен. Прекрасный, замечательный. *Золотой работник. Золотые руки.*' (СО);

золото - 3. перен. в знач. сказуемого. О ком-н., отличающемся большими достоинствами (разг.). *Этот работник - настоящее золото.*' (СУ), 'О ком-чем-н...' (СО); *драгоценный, бесценный;*

сокровище - 3. перен. О ком-чем-н. очень ценном, дорогом для кого-н. *Этот работник - настоящее сокровище.*' (СО);

сокровищница - 2. перен. Сосредоточие чего-н. очень ценного (книжн.) *Труды Ломоносова - сокровищница русской культуры.*' (СО);

клад - 2. Разг. О ком-, чем-л. имеющем большую ценность или обладающем теми или иными достоинствами.' (МАС); *драгоценность;*

перл - 2. перен. чего. О чем-н. замечательном, прекрасном, выдающемся (высок. и ирон.) *Перл творчества. Перлы остроумия.*' (СО);

жемчужина - 2. перен., чего. Сокровище, лучшее украшение (высок.) *Жемчужина русской поэзии.*' (СО);

(2) *кристальный, ювелирный, филигранный*

¹¹¹ косвенно через соотнесение с *клад*: *кладовая* - // Перен., чего или какая. Средоточие каких-л. скрытых богатств, ценностей.' (БАС)

кристальный – 3. Перен. Совершенно безупречный, чистый в нравственном отношении. *Кристалльная душа.*'(СО);

ювелирный – 2. перен. С тщательной, тонкой отделкой. *Ювелирная работа. Ювелирное исполнение.*'(СО);

филигранный – 2. Перен. Продуманный или отделанный до мельчайших деталей, мелочей, тщательно, тонко обработанный. *Филигранная отделка, работа.*'(БАС)

в значениях лексем *ювелирный, филигранный* актуализован признак 'прекрасно выполненный': *ювелирная работа* – высококачественный продукт деятельности, требующей тщательности в работе.

4. ЛТГ 'волшебного' (уровень восхищения)

первичное значение: *волшебный, волшебство, волшебник, маг и волшебник, сказочный, сказка, колдовской, колдовство, чародейский, чародейство, магический, чародейственный, чудодейственный, чудотворный, дивный, чудный, чудесный, чудо, чудесник, чудесница, чудотворец, фея*

признак: сема волшебного

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'нечто очень хорошее'

примеры:

волшебный – 2. Перен. Очаровательный, пленительный. *Волшебный голос.*'(СО);

волшебство – 2. Перен. Чарующее действие кого-чего-п.'(СО);

волшебник – 2. перен. Человек, очаровывающий, пленяющий других. // ж. *волшебница.*'(СО);

сказка – // Перен. О чем-л. чудесном, поразительном, удивительном.' (БАС), *сказочный; колдовской, магический, чародейский, чародейственный, чудодейственный, чудотворный, дивный;*

чудный – 2. Прекрасный, исполненный удивительной красоты, прелести. 3. только полн. ф. Отличный, очень хороший, лучшего достоинства, великолепный, (разг.)'(СУ);

чудесный – 2. Исполненный очарования, дивный, прекрасный. 3. Превосходный, отличный.'(БАС);

чудо – 3. в сказ. и в определении. Удивительно, поразительно хорош (разг.) *Погода сегодня – чудо! Чудо как хороши!*'(СО);

колдовство, чародейство;

очарование – 4. Разг. О ком-, чем-л. пленительном, очаровательном.'(БАС);

маг и волшебник – шутл.) – о человеке, делающем все необыкновенно легко и ловко.'(МАС);

чудесник, чудесница, чудотворец – // 0 том, кто восхищает, чарует своим искусством.'(БАС);

фея – 'Перен. О женщине, чарующей своей красотой, грациозностью и т.п.'(БАС);

5. ЛТГ 'фантастичного' (уровень восхищения)

первичное значение: 'фантастичное' *мечта, человек-мечта, фееричный, феерия, фантастика, фантастический, феерический, фантастичный, миф, легенда*

признак: сема фантастичного, нереального

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'нечто очень хорошее, красивое'

примеры:

мечта – 'Перен. Разг. О чем-н. необыкновенно-красивом, привлекательном.' (БАС),

человек-мечта (НРЛ – 82),

фантастика – 2. 'Нечто нереальное, неосуществимое, несбыточное.' (БАС): *Ну и спектакль! Фантастика!*

фееричный – (книжн.) Как в феерии, сказочно красивый.' (СО);

фантастический – 3. Совершенно неправдоподобный, невероятный, несбыточный.' (СО), *феерический, фантастичный;*

феерия

речевые единицы *легенда, миф* (о человеке).

6. ЛТГ 'божественного'

первичное значение: 'божественное' *нирвана, благодать, благодатный, масленица*

признак: божественный характер

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'нечто очень хорошее'

примеры выражения одобрения:

благодать – 4. в знач. сказ. Разг. О приволье, об условиях, доставляющих удовольствие, счастье.' (МАС);

нирвана – // перен. Книжн. Покой, блаженство.' (МАС);

благодатный – 1. Приносящий довольство, радость, полный благ (высок). *Благодатный край.*' (СО);

масленица – // Перен. Разг. О хорошей, привольной жизни.' (БАС); *"Ты дома сама себе госпожа, – кого хочешь, того любишь. Эх, не жизнь, а масленица!"* (Чехов. *Бабы царство*);

стремятся к уровню выражения восхищения: *божество, бог, богиня, божественный, небесный, рай, райский, ангел, ангельский, херувим, кумир, эдем, мекка, парадиз, палестинка, ФЕ обетованная земля, край, храм*

имена собственные в переносных значениях: Адонис, Аполлон, Геба, Цирцея, Афродита, Венера, Диана, Антей, Геракл, Геркулес, Амфитрион

примеры:

божество – 2. Перен, Предмет обожания и восхищения.' (БАС);

бог – 2. перен. О гении, необыкновенном таланте.' (БАС);

богиня – 2. Устар. Об обожаемой, любимой женщине.' (БАС);

божественный – 2. Очаровательный, прекрасный (разг.) *Божественный голос.*' (СО);¹¹²

рай – // Перен. О прекрасной, привольной жизни. //Перен. О красивой местности, о месте, где можно счастливо и безмятежно жить.// Перен. Радость, блаженство.' (БАС);

¹¹² определяется через единицы того же уровня.

райский, способные оценивать предает оценки не только с эстетической, но и с собственно-оценочной стороны: *Божественная книга!* – о книге, содержанием которой субъект оценки восхищен);

ангел – 2. Идеал чего-н., лучшее воплощение, олицетворение чего-н. (разг. с оттенком восхищения; устар.)(СУ);

ангельский, ангел;¹¹³

херувим – ‘Перен. Разг. О красивом мужчине или красивой женщине.’(БАС);

кумир – 2. Перен. О том, кто служит предметом восхищения, преклонения.’(БАС);

эдем – 2. Перен. О красивой местности; о месте, где можно счастливо и безмятежно жить.’(БАС);

мекка, парадиз, палестинка – ‘Обл. Красивое, приятное местечко в лесу.’(БАС);¹¹⁴

ФЕ обетованная земля, край – 1. Место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть. 2. Предмет страстных желаний, устремлений, надежд и т.п. 3. Место. где царит довольство, изобилие, счастье.;

храм – 2. Перен. О месте, внушающем почтение благоговение.’(БАС);

Адонис – 1. О красивом молодом человеке (в поэт. речи).’(БАС), *Аполлон, Геба, Цирцея*, нефиксируемые толковыми словарями *Афродита, Венера, Диана* (оценка красоты);

Антей, Геркулес – 1. Человек громадной физической силы и крепкого (атлетического) сложения; силач.’ (БАС), *Геракл* (оценка физической силы и сложения);

Амфитрион – ‘Гостеприимный, хлебосольный хозяин.’ (БАС) (оценка гостеприимства).

7. ЛТГ ‘небесного’

первичное значение: наименования небесных тел *небо, небесный, звезда, звездочка, светило, созвездие, плеяда*

признак: отдаленности, недостижимости небесных тел и их яркость

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘знаменитый’ (1) и ‘нечто очень хорошее’(2)

примеры выражения одобрения:

звезда – 2. Перен. О человеке, прославившемся чем-либо, о знаменитости.’(БАС);

звездочка – 2. Перен. О человеке, подающем надежды, могущем добиться известности, славы.’(БАС);

светило – 2. перен. Знаменитый человек, прославленный деятель (высок.) *Светило науки.*’(БАС);

созвездие – 2. перен. Соединение (знаменитостей, талантов и т.п.; высок.). *Созвездие имен. Созвездие талантов.*’(СО);

¹¹³ в других значениях лексемы *ангел* может быть также выражение ласки, как и *душа*.

¹¹⁴ оценочные единицы отличаются от номинативных начальной строчной буквой.

плеяда – (высок.) Группа выдающихся деятелей одной эпохи, одного направления. *Пушкинская плеяда поэтов.*'(СО).

стремятся к уровню выражения восхищения:

(2) *небесный* – 'перен. Прекрасный, восхитительный (поэт. устар.) *Небесная улыбка.*'(СУ);

небо – 3. Перен. О блаженстве, наслаждении, радости и т.п. О чем-л. возвышенном, неземном.'(БАС);

8. ЛТГ 'света'

первичное значение: наименования с семой света *светоч (светило), свет, факел, маяк, рассвет, искра, луч, звездистый, лучистый, солнечный, светлый, яркий, радужный.*

признак: свет

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'выражающий радость, счастье:' *свет, искра, солнечный, светлый, ясный, радужный* с широкой сферой применимости и *лучистый, звездистый* – о глазах, 'проницательный:' *ясный, светлый* (об уме), 'источник, проводник чего-либо положительного:' *светоч, свет, факел, маяк, 'начало, зарождение чего-либо положительного:' заря, рассвет, искра, луч.*

примеры выражения одобрения:

светоч – 2. перен., чего. О том, кто несет просвещение, истину, свободу, а также об источнике истины, свободы (высок.)'(СО); 3. // То же, что светило (во 2 знач.)'(БАС);

свет – 7. Употребляется как символ истины, разума, просвещения или радости, счастья.'(БАС);

факел – 2. перен. О том, кто или что содержит в себе, несет с собой истину, знание, свободу, просвещение и т.п.'(БАС);

маяк – // Перен. О том, кто или что указывает путь к чему-либо.'(БАС);

заря – 2. Перен. Только ед. (Вин. только зарю). О начале зарождении, ранней поре чего-либо радостного, светлого. *Заря чего-либо.*'(БАС);

рассвет – 2. Перен. Начало, самая ранняя пора чего-л.'(БАС) (радостного, светлого);

искра – 4. Перен. Зачаток, проблеск какого-л. чувства, мысли, способности к чему-л. и т.п. *Святая искра восторга.*'(БАС);

луч – // Перен. Быстрое, неожиданное проявление, проблеск чего-либо.'(БАС) (надежды, счастья, любви, истины);

звездистый – 2. Перен. Искрящийся, сверкающий. *Звездистые очи.*'(МАС);

лучистый – // Перен. Исполненный внутреннего сияния (о глазах).'(БАС);

солнечный – 4. перен. Ясный, радостный, счастливый. *Солнечная улыбка. Солнечные перспективы.*'(СО);

светлый – 5. перен. Радостный, ничем не омраченный, приятный (высок.). *Светлый час. Светлое будущее. Светлое воспоминание.* 6. перен. Ясный, проницательный. *Светлый ум.*'(СО);

яркий – 3. перен. Выдающийся в каком-н. отношении. *Яркий талант.*'(СО);

ясный – 5. Логичный, стройный, четкий, ясный ум.’(СО);

радужный – 2. перен. Приятный, сулящий радость, счастье. *Радужные мечты. Радужные надежды.*’(СО).

стремятся к уровню выражения восхищения:

солнце – 3.// О том, кто является предметом поклонения, восхищения, любви.’ (БАС) (возможно отнесение к ТГ названий небесных светил)

сияние – 4. перен. Радостно-возбужденное, счастливое выражение (глаз, лица)’ (БАС)¹¹⁵

9. ЛТГ ‘блеска’ (уровень восхищения)

первичное значение: наименования с семой блеска *ослепительный, блестящий, блеск, блистательный, фейерверк*

признак: блеск

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘великолепный, прекрасный! ослепительный, блестящий, блеск, блистательный, скорее фон и сочетаемость фейерверк

примеры:

ослепительный – 2. Перен. Необычайный, поразительный (обычно о красивой внешности)’(СО),

блестящий – ‘Великолепный, превосходный, замечательный. *Блестящий лектор.*’ (СО),

блеск – 3. (только им.п.ед.) То же, что красота (в 3 знач., прост. шутил.) *Картина – блеск!*’ (СО) – собственно-оценочное значение, и 2. перен. Великолепие, яркое проявление чего-н.’(СО) – номинативно-оценочное значение, *блистательный,*

фейерверк – 2. Перен. Быстрая смена, непрерывный поток, ряд (чего-н. яркого, выразительного, производящего сильное впечатление).’(БАС).

10. ЛТГ ‘огня’

первичное значение: наименования с семой огня *огонек, огонь, пламенный, зажигательный, искрометный.*

признак: огонь

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘страсть, творчество, пылкость! *огонек, огонь, пламенный, зажигательный, искрометный.*

примеры:

огонек – 3. Перен. Есть, имеется в ком-л., у кого-л. огонек, кто-либо с огоньком. О способности творчески и с увлечением относиться к какому-либо делу, работе.’(БАС),

огонь – ‘Юноша – огонь! (перен. о живом, пылком человеке).’(СО)¹¹⁶,

¹¹⁵ “А вот Аннушка – вот это настоящее!.. Она только одна и есть во всей его жизни сокровище, солнце, сияние” (Г. Успенский. Кой про что)

пламенный – // Исполненный страсти, подъема, воодушевления. *Пламенное стихи. Пламенный привет. Пламенный патриот.*' (МАС),
зажигательный – 2. перен. Волнующий, производящий большое впечатление.' (СО),
искрометный – // Перен. Яркий, выразительный. '(МАС)

11. ЛТГ 'особой знатности' (выражение восхищения)

первичное значение: лексем *коронный, знатный, царь, царский, царица, король, королева, князь,*

признак: особой знатности, могущества

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'превосходный, замечательный; тот (та), кто превосходит всех в каком-л. отношении!' *коронный, знатный, царь, царский, царица, король, королева, князь*

примеры:

коронный – 2. О роли, выступлении и т.п.: такой, который лучше всего удается исполнителю. *Коронный номер. Коронная роль.*' (СО) (см. расширение сферы приложения: *коронная дистанция, коронная вещь*),

знатный – 3. Отличный, высокий по качеству (прост.) *Знатная уха.*' (СО),

царь – 2. Перен. Тот (или то), кто (или что) превосходит всех в каком-н. отношении. *Царь чего-н.*' (БАС), 2. перен., кого чего. *Первый, лучший среди остальных, где-н.*' (СО), *царский;*

царица – 1. // Перен. О той, которая первенствует где-н. всех превосходит в чем-н.' (БАС),

король – // Перен. Разг. О человеке, выделяющемся среди других (красотой, способностями и т.п.)' (БАС), 2. Разг. О том, кто является первым, самым лучшим среди других, кто достиг совершенства в чем-либо.' (МАС),

королева – 'Перен. Разг. О женщине, выделяющейся среди других (красотой, способностями и пр.)' (БАС), 4. чего или какая. *Обладательница самых высоких достоинств в чем-либо, лучшая среди других (в какой-л. области).*' (МАС),

князь – 'О ком-чем-н. выходящем из ряда, важном, богатом. (в сравнениях и образных употреблениях).' (БАС).

12. ЛТГ 'сладости'

первичное значение: лексем *сахар, сладость, конфета, конфетка, сладость, нектар, сладкий, сладостный, усладительный, сахарный, медовый*

признак: сладость как характеристика вкуса в целом (номинативно-оценочная семантика (вкусное) и сладость как собственно-оценочная семантика (приятное, хорошее)

¹¹⁶ "Отрицательная или положительная оценка зависит здесь от того, с каких позиций выступает говорящий, т.е. в зависимости от эмпатии субъекта оценки (соответственно – и адресата)" (Телия 1996:87).

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'нечто приятное, сладкое в переносном значении': *сахар, сладость, конфета, конфетка, сладость, нектар, сладкий, сладостный, усладительный, сахарный, медовый*

примеры выражения одобрения:

номинативно-оценочная семантика (вкусное)¹¹⁷

сахар – 2. Прост. О чем-л. очень вкусном.'(БАС),

сладость – 4. // Приятное ощущение, удовольствие, наслаждение, доставляемое чем-либо.'(БАС)

собственно-оценочная семантика (приятное, хорошее)

сахар – 2.// О ком-л. приятном, доставляющем удовольствие, наслаждение.'(МАС).

сладость – ' // Разг. О том, кто доставляет удовольствие, радость, наслаждение кому-л.'(БАС),

конфета – // О ком-, чем-л. красивом, нарядном, приятном на вид.' (БАС),
конфетка,

сладость – // Перен. О чем-л. приятном (словах, речах и т.п.).'(БАС),

нектар – // Перен. О чем-л. сладостном, приятном.'(БАС),

сладкий – 2. Перен. Приятный, доставляющий удовольствие. *Сладкий сон. Сладкие мечты.*'(СО),

сладостный, усладительный;

сахарный – 4. " Приятный, радостный, доставляющий удовольствие.'(БАС),

медовый (в ФЕ *медовый месяц*) – 'Б) Шутл. О начальном счастливом периоде чего-либо.'(БАС).

стремятся к уровню выражения восхищения:

малина – 2. Перен. Прост. О чем-н. очень приятном, хорошем, доставляющем удовольствие.'(БАС) (Возможно отнесение к ТГ названий плодов, тем не менее определяющим фактором возникновения оценочного значения является признак 'сладости'), ' разг.'(СО)

малинник – 'О группе привлекательных, милых девушек, женщин' (речевое значение ТГ названий кустарников)

мармелад – // Перен. Разг. При шутливом выражении восхищения, похвалы.'(БАС) (возможно, интенсивность оценочного признака обусловлена избыточностью выражения первичной семантики: малина – сладкая ягода, символ сладости; мармелад – продукт из концентрированного сахара).

речевое *все в шоколаде* (см. Приложение 2)

13. ЛТГ 'детского'

¹¹⁷ Первичная семантика 'особого вкуса' определяет также номинативно-оценочное значение лексемы *соль* – 2. перен.. ед. То, что придает особенный интерес, остроту чему-н. (разг.)'(СО) (синонимия с *изюмина, изюминка*).

первичное значение: лексем *игрушка, игрушечка, куколка; колыбель, детище, первенец* признак детского

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'позитивные переносные значения (1); высокий стиль общественно-политической сферы общения (2)!' *игрушка, игрушечка, куколка; колыбель, детище, первенец*

примеры выражения одобрения:

(1) *игрушка* – // В знач. сказ. Перен. О ком-чем-л. изящном, красивом' (БАС),
игрушечка: "Сомова села рядом с Климом., ощупывая Самгина веселым взглядом. – Какой ты стал игрушечкой!" (Горький. Жизнь Клима Самгина),

куколка – // Перен. Разг. О хорошенькой, нарядно одетой девочке, женщине.' (БАС),

(2) *колыбель* – 2. Перен. Место возникновения чего-н. *Колыбель свободы. Ленинград – колыбель революции.*' (СО),¹¹⁸

детище – 2. перен., чего. О том, что создано собственными трудами и заботами (высок.).' (СО) (ср. также лексему с отрицательной эмоциональной оценкой *исчадие*),

первенец – 2. Перен., чего или какой. То, что появилось, создано первым по времени (высок.).' (СО).

14. ЛТГ 'творческого'

первичное значение: лексем *симфония, ансамбль, музыка, поэзия, художник, поэт, песня*

признак: продукт творчества

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'позитивные переносные значения!' *симфония, ансамбль, музыка, поэзия, художник, поэт, песня*

примеры выражения одобрения:

симфония – 2. Перен. Гармоническое сочетание чего-л., каких-л. частей, образующих единое целое.' (БАС),

речевое значение *ансамбль* с той же семантикой,

музыка – 3. Перен. Гармоническое, приятное для слуха звучание чего-л.' (БАС),

поэзия – 3. перен., чего. Изящество и красота чего-н., возбуждающее чувство очарования. *Поэзия тихих ночей.*' (СО),

художник – 4. Перен. О том, кто достиг в своем деле высокого мастерства, выполняет свое дело артистические.' (БАС),

поэт – // О человеке, творчески относящемся к своему делу, страстно увлекающемся им. *Поэт в своем деле.*' (БАС),

песня (речевое), *сеанс* у Довлатова, *башня* у Набокова

стремится к уровню выражения восхищения:

картина – 3. Перен. Прост. О ком-, чем-л., вызывающем восхищение, удивление своим живописным видом, красотой (обычно в знач. сказуемого или приложения).'(БАС),

¹¹⁸ Чего-н. положительно оцениваемого; ср. лексему с отрицательной эмоциональной оценкой *логово*.

картинка – 2. Тот, кто обладает высоким мастерством в какой-н. области (разг.).'(СО),

поэма – 3. Перен. О чем-л. поражающем своей красотой, величием, достоинствами и т.п. '(БАС);

15. ЛТГ 'соответствие высшему уровню' (уровень восхищения)

первичное значение: *идеальный, идеал, совершенный, совершенство, первый, классный, класс, классический, мировой, эталонный, фирменный*

признак: соответствующий высшему уровню

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'очень хороший'

примеры:

идеальный – 2. Очень хороший, отличный. '(СО),

идеал – 2. чей. Совершенное воплощение, лучший образец чего-л. '(МАС),
совершенный, совершенство – 2. О человеке, предаете и т.п., обладающем всеми достоинствами, лишенном недостатков. '(БАС),

первый – 3. Лучший из всех в каком-н. отношении, отличный, хороший. '(СО),
эталонный, фирменный (НРА – 81),

немотивированные внутренней формой слова:

классный – 2. Принадлежащий к высшему классу. *Классный игрок.* '(СО),

класс – 'Это класс, первый класс. Прост. О том, что очень хорошо, очень подходяще. '(БАС),

классический – 1. // перен. Замечательный, отличный (разг.). '(СУ),

мировой – 4. перен. Очень хороший, замечательный. (прост.) *Он парень мировой. Мировой фильм.* '(СО)

16. ЛТГ 'особое выделение' (уровень восхищения)

первичное значение: *лексем замечательный, превосходный, отличный, исключительный, единственный, уникальный, редкий, бесподобный, беспримерный, несравненный, несравнимый, выдающийся, незаурядный, недюжинный, необыкновенный, феноменальный, необычайный, невыразимый, непередаваемый, неопиcуемый, несказанный, неизъяснимый, незабвенный, неподражаемый, неповторимый, неотразимый, недостижимый, недсягаемый, непревзойденный; элита*

признак: особо выделяющийся, предельный в проявлении признака

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'очень хороший, выдающийся'

примеры:

замечательный – 'Исключительный по своим достоинствам, выдающийся. *Замечательный писатель.* '(СО),

превосходный – 'Отличный, очень хороший. *Превосходный товарищ. Превосходный рассказ.* '(СО),

отличный – 2. Очень хороший, превосходный. *Отличная игра актеров.* '(СО),

исключительный – 3. полн. ф. Очень хороший, превосходный (разг.) *Изделия исключительного качества.* '(СО),

единственный, уникальный, редкий, бесподобный – (разг.) Превосходный, ни с чем не сравнимый. *Бесподобный голос.*' (СО), *беспримерный, несравненный, несравнимый, выдающийся* – 2. Отличный, превосходный, выделяющийся среди других. *Выдающийся художник. Выдающиеся способности.*' (СУ), *незаурядный, недюжинный* – 'Выдающийся, выделяющийся своими способностями, достоинствами.'< (СО); *необыкновенный, феноменальный, необычайный.*

'настолько хороший, что это невозможно выразить! *невыразимый, непередаваемый, неописуемый, несказанный, неизъяснимый;* 'настолько хороший, что это невозможно забыть! *незабвенный,*

'настолько хороший, что это невозможно повторить! *неподражаемый, неповторимый;* 'настолько хороший, что перед этим невозможно устоять! *неотразимый;*

'настолько хороший, что это невозможно достичь, превзойти! *недостижимый, недосыгаемый, непревзойденный;*

элита – 'Лучшие представители какой-н. части общества, группировки и т.п. *Элита рабочего класса.*' (СО).

ЛСГ согласно вторичной семантике '**лучшие люди какой-либо среды**' составляют лексемы, обозначающие первичными значениями лучшую часть, продукт отбора чего-либо:

сливки – // Перен. О самой лучшей, отборной части кого-чего-л.' (БАС), *сок* – 4. Перен. Разг. О лучших, выдающихся представителях какой-либо общественной группы, категории людей.' (БАС),

соль – 4. перен., ед. О лучших представителях какого-н. общества, общественной группы. *Эти моряки – соль нашего флота. Соль земли* (о лучших представителях общества (книжн.))' (СО),

цвет – 2. только ед., перен., чего. Лучшая часть чего-н. (высок.) *Молодежь – цвет нации. Цвет науки.*' (СО). Признак выделения, реализованный первичной семантике, переосмыслен в признак '**лучший, выдающийся**', при этом значение лексемы *цвет* способно определять не только группу лиц, но и предмет оценки: *цвет* – 'в) о предметах, лучших среди подобных.' (БАС).

Собственно-оценочная семантика в данных, единицах развивается на основе номинативно-оценочного значения *соль* – // Перен. То, что составляет особые смысл, значение чего-либо. 3. Перен. То, что составляет остроуту слов, речи, остроумие.' (БАС).

17. ЛТГ '**очень большой**' (уровень восхищения)

первичное значение: лексем *грандиозный, титанический, титан, колоссальный, колосс, исполин, великан, гигант*

признак: высокая степень количества, величины

вторичное эмоционально-оценочное значение: '**выдающийся** (1) и нечто очень хорошее (2)'

примеры:

(1) *грандиозный* – ‘Огромный, величественный. Грандиозные замыслы.’ (СО), *титанический, колоссальный*

исполин – 2. перен., обычно чего или какой. Человек, обладающий в какой-либо области своими достоинствами.’ (МАС),

колосс, титан, великан, гигант

(производит впечатление)

(2) *сила* – 12. в знач. межд. *сила!* Замечательно, производит сильное впечатление (прост.) *Ну и фильм! Сила!* (СО), *силища*, речевое употребление *мощь* (Лаптева 1976: 27).

18. ЛТГ ‘интенсивные положительные эмоции или удивление’ (уровень восхищения)

первичное значение: лексем *восхитительный, упоительный, очаровательный, прелестный, пленительный, обаятельный, обворожительный, удивительный, изумительный, поразительный, потрясающий, потрясный, ошеломительный*.

признак: соотнесение с позитивными эмоциями, с удивлением

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘замечательный’

примеры:

восхитительный – ‘Приводящий в восхищение, очаровательный, замечательный. *Восхитительный голос.*’ (СО),

упоительный – ‘Приводящий в упоение, восхитительный, великолепный. *Упоительный голос. Упоительная весна.*’ (СО),

очаровательный, прелестный, пленительный, обаятельный, обворожительный

удивительный – 2. Необычайно хороший, превосходный. *Удивительное здоровье.*’ (СО),

изумительный – ‘Необыкновенный, восхитительный, приводящий в изумление.’ (СО).

поразительный, потрясающий, потрясный (НРЛ – 81), *ошеломительный*.

19. ЛТГ ‘красоты’ (уровень восхищения)

первичное значение: лексем *красота, прелесть, прекрасный*

признак: от эстетики прекрасного к общей эмоциональной оценке

вторичное эмоционально-оценочное значение: ‘нечто очень хорошее’

примеры:

прекрасный – 2. Очень хороший. *Прекрасный характер.*’ (СО),

красота – 2. ед., только им. п. О чем-н. приятном, доставляющем удовольствие, удовлетворение (прост.) *Погуляли, искупались. Красота!*’ (СО), *красотища*,

прелесть – ‘О ком-чем-н. прелестном, чарующем. *Какая прелесть кругом! Что за прелесть эта девочка!*’ (СО)

20. ЛТГ ‘особая пышность, богатство’

первичное значение: лексем *великолепный*¹¹⁹, *роскошный*, *шикарный*, *роскошь*, *шик*

признак: от семантики роскошного к общей эмоциональной оценке

вторичное эмоционально-оценочное значение: 'превосходный, замечательный, превосходно, замечательно'

примеры:

собственно-оценочной семантика:

великолепный – 2. Превосходный, отличный. (разг.) *Великолепный обед.*'(СО) (ср. первичную семантику: *великолепный* – 1. Отличающийся великолепием (пышной красотой, роскошью).'(СО),

роскошный – 2. Очень хороший, замечательный (разг.) *Роскошный ужин. Роскошные волосы.*'(СО),

шикарный – // Очень хороший (фам.) *Шикарная книжка.*'(СУ) ср. первичную семантику: *шикарный* – (разг.) Роскошный, изящный, щегольский, обладающий шиком.'(СУ),

роскошь – 5. В знач. сказ. Разг. Очень приятно, восхитительно; удовлетворяет в высшей степени.'(БАС),

шик – 3. В знач.сказ. Прост. Удовлетворяет в высшей степени, является превосходным.'(БАС)

номинативно-оценочной семантика, высокая степень интенсивности выражения признака:

богатырь – 2. Перен. Человек безмерной силы, стойкости, отваги. *Советские богатыри.*'(СО), *витязь* (фольклорные представления),

профессор – // Разг. О знатоке своего дела.'(БАС), речевое значение *академик* с аналогичной семантикой (социальное уважение)

3.7 Выводы

В 3-й главе Семантико-тематическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой представлено описание парадигматической организации лексических единиц (существительных и прилагательных), выявлена их лексико-семантическая и тематическая отнесенность. Дана характеристика собственно-лексических (продуктов первичной и вторичной номинации) и словообразовательных средств выражения выделенных видов оценки.

Последовательное применение принципа соотнесения значения словообразовательных средств выражения *ласкового отношения* с семантикой основ взаимодействующих слов позволило выделить ТГ наименований, регулярно выражающих данный вид оценки: ТГ наименование детей, близких родственников,

¹¹⁹ этимологически ЛТГ 'красоты'

птиц, домашних животных и др., разграничить ласкательные (-ул, -ус, -ушк, -енк, -ишк, -оньк, -еньк и др.) и уменьшительно-ласкательные (-к, -ик, -ек, -ок, -инк и др.) суффиксы.

Практически подтверждены положения об антропоцентризме как принципе отбора лексем для выражения оценочной семантики (первичной и вторичной номинации), о прагматической избыточности (на материале суффиксов выражения ласкового отношения 2 и 3 степени, а также осложнения данными суффиксами метафорических единиц, выражающих ласковое отношение собственно-лексическими значениями: *папуленька, милашка, голубушка*). Определены семантические ограничения на возможность присоединения к основам слов оценочных суффиксов ласкового отношения: выражение 'безразмерных', 'официальных', 'важных' понятий не предполагает подобного присоединения.

Выявлены ТГ наименований птиц, плодов, небесных светил, ЛТГ 'божественного', 'света', 'особой ценности', развивающие во вторичных метафорических значениях семантику выражения ласкового отношения (*ягодка, ангел, золото, свет, солнце*) лексемы, представляющие собой продукт первичной номинации (*касатик, голубчик*), в том числе прилагательные, используемые в функции существительных (*родимый, милый*).

Определена тенденция выражения собственно-оценочной семантики при деактуализации номинативного компонента значения, нарушении отнесенности по признакам пола, возраста (*голубчик, лапушка, мамочка*).

Впервые выделяется *дружелюбное отношение* как вид положительной эмоциональной оценки, определена его самостоятельная роль в сопоставлении с контактоустанавливающей функцией. Впервые отмечена связь данного вида оценки с текстовой функцией интимизации изложения. Выявлены ТГ наименований дружески расположенных лиц, близких родственников, лиц по признакам возраста, местожительства и т.п., выражающих во вторичных значениях дружелюбное отношение (*друг, брат, отец, старина*); суффиксы, выражающие данный вид оценки во взаимодействии с основами существительных выявленных ТГ: *браток, братан, дружище, дорогуша, батенька* (суффиксы -ок, -ек, -ец, -ан); метафорические наименования (*душа, кореш*). Дружелюбное отношение соотнесено с ласковым отношением, в связи с чем сделаны выводы о меньшей воздействующей силе (экспрессивном характере) данного вида оценки; взаимодействии основ,

выражающих дружелюбное отношение, с ласкательными суффиксами (*дружочек, старинушка*); замещении средств выражения дружелюбного отношения лексическими средствами выражения ласкового отношения с повышением степени интимизации сообщения.

Отмечена тенденция выражения собственно-оценочной семантики (*батюшка, старина, отец*) с нарушением отнесенности по половым и возрастным признакам. Рассмотрены социально-психологические особенности га выражения дружелюбного отношения в сопоставлении с выражением ласкового отношения.

Семантико-тематическая характеристика *одобрения* как вида положительной эмоциональной оценки обусловила выделение ТГ названий птиц, плодов, цветов, небесных светил, металлов и минералов, единицы которых регулярно развивают вторичные положительно-оценочные значения. Определяющим фактором возникновения оценочной семантики признается наличие семантических представлений, стереотипов, закрепленных в сознании языкового коллектива (*соловей, сокол, железный*), основанных на переосмыслении первичных значений. Выявлены ЛТГ 'света', 'сладости', 'ценности', 'знатности', принадлежность к которым определяет положительный знак оценочных значений; ЛСГ существительных и прилагательных с номинативно-оценочными значениями, выражающими одобрение.

Определено стремление единиц о собственно-оценочным значением к уровню восхищения, обусловленное прагматическими установками эмоционального оценивания. Рассмотрены словообразовательные средства выражения одобрения (экспрессивные суффиксы *-ак, -як, -ага, -яга, -ище*), взаимодействующие с основами слов, обладающих собственной оценочностью: *смельчак, трудяга, талантище* и др.

Дана характеристика лексических, словообразовательных и морфологических средств выражения *восхищения* как высшей степени одобрения. Предложена классификация, дифференцирующая лексические единицы на соответствующие высшему уровню (*идеал, совершенный*), особо выделяющиеся на фоне положительно-оцениваемого уровня (*непревзойденный, гигант*), соответствующие эмоциям высокой степени интенсивности (*удивительный, потрясающий*), обладающие определенной тематической и лексико-семантической отнесенностью.

Выявлены и описаны ЛТГ 'волшебства', 'фантастики', 'божественного', 'блеска' и др., единицы которых развивают семантику выражения одобрения и восхищения.

Определена закономерность выражения лексемами с номинативно-оценочным значением собственно-оценочной семантики за счет высокой степени выражения положительно-оцениваемого признака: *орел, гений, чудесный*.

Разграничены лексические единицы, выражающие восхищение вне зависимости от синтаксической позиции и валентностных характеристик (*замечательный, превосходный*), и лексемы (ЛСВ слов), реализующие оценочную семантику в определенных синтаксических позициях, в сочетании с лексемами определенной семантики (в оценочном плане), способными быть предметом оценки: *необыкновенный спектакль, Это грандиозно!*

Анализ материала подтверждает идею о самостоятельной подсистеме лексических единиц, выражающих *Эмоциональную оценку*, так, грамматические характеристики номинативных и оценочных значений не всегда совпадают, например, не всегда оценочное значение есть у существительного и образованного от него прилагательного, иногда не существует лексической оценочной пары другого рода, не всегда есть видовая пара: *приятель* без *приятельницы*, *поэт* без *поэтессы*, *артист* без *артистки*, *розовый* без *розовости*, *роденький* только к ласковому значению от *родной*, *сердечность* по отношению только к оценочному значению и т.д.

4. Синтагматическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой

4.1 Синтагматика слов, обусловленная синтаксическими позициями

Говоря о различии прагматического и дескриптивного значений, отмечается особая роль синтаксиса. Справедливо утверждение Арутюновой, что *“прагматическое значение раскрывается через синтаксис. Различие в синтаксических позициях, занимаемых оценочными предикатами, в свою очередь связано с различиями в природе тех объектов, которые они определяют.”* (1988:7)

Исходя из противопоставления функции идентификации предметов, о которых идёт речь, и функции предикации, вводящей сообщаемое (Арутюнова 1974:8), целесообразно рассмотреть синтагматические особенности употребления лексики с положительной эмоциональной оценкой в позициях предиката, приложения, обращения (см. дифференциацию предикативных, непредикативных и полупредикативных позиций в работе Харченко (1973:10), предикативных, атрибутивных и аппозитивных синтаксических позиций в работе Скворецкой (1974:47).

4.1.1 Синтагматические особенности лексики с положительной эмоциональной оценкой в позиции обращения

Позиция обращения характеризуется функциональной двойственностью, в соответствии с которой *“в аппеллятивах сочетаются идентифицирующие компоненты значения с элементами субъективной оценки”* (Арутюнова 1976:356). В результате анализа языкового материала сделан вывод о различии лексических единиц, выражающих одобрение и восхищение, которые в позиции обращения не

претерпевают семантических изменений (для данных слов позиция обращения не является системной, определяющей: *орёл, соловей, мастер*, и лексических единиц, выражающих ласковое и дружелюбное отношение, которые в позиции обращения выражают собственно-оценочную семантику при деактуализации номинативных компонентов значения (позиция обращения является системной, основополагающей: *лапушка, ягодка, сынок, дружище* и т.п.).

Собственно-оценочная семантика может быть определена общими компонентами значения 'милый, дорогой' большей степени интимизации для выражения ласкового отношения в компонентами значения 'дорогой, дружище' меньшей степени интимизации для выражения дружелюбного отношения.¹

Лексемы (ЛСВ слов), выражающие ласковое и дружелюбное отношение, чаще всего употребляются в обращениях одиночно, без определений: "– *Что, брат*, – сказал он, – не примёрзнет к утру, как думаешь?" (Белов. Поющие камни); "*Книга, дружище*, как хороший сад, где всё есть, и приятное, и полезное." (Горький. В людях); "– *Что так рано поднялся, касатик?* – дружелюбно, как к старому доброму знакомому, обратилась к нему старуха-хозяйка." (Толстой. Анна Каренина); "– *Дядя! Голубчик!* Позвольте мне теперь уехать!" (Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы) и т.п., часто в восклицательных предложениях.

Прилагательные, определяющие существительные в позиции обращения, способны сочетаться с существительными, называющими родственников, друзей, лиц по другим признакам, именами собственными: "*Роденький мой братик*, обиженный всеми людьми, иди-ка ты, ко мне, приласкаю тебя" (Горький. Городок Окуров); "*Потешь же, миленький дружок!* Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек." (Крылов. Демьянова уха); "*Любезный именинник*, о Пуцин дорогой!" (Пушкин. К Пущину), значительно реже – с названиями лиц по профессиональной, социальной, национальной принадлежности, что уточняет положение Арутюновой о возможности сочетаемости "стандартных атрибутов апеллятивов милый, дорогой с именами любой семантики" (1976:356).

Необходимо отметить наличие *актуализаторов*, под которыми понимаются языковые прагмемы, которые в сочетании со словами-информемами, превращают

¹ Следует отметить, что семантика ласкового отношения может реализовываться не только в позиции обращения, но и в позициях предиката, приложения.

их в речевые прагмемы (Киселёва 1978:119). Подобные актуализаторы *дивная, красавица, славный, милые* превращают слова *дура, разбойник, подлец, черти* в речевые прагмемы с положительной оценкой: “*Дивная собака! Шельма, Милка! Дура, Милка! Красавица моя, разбойник этакий!*” (Чехов. Дорогая собака); “*– Славный... Сибирский, знать, подлец! Породистый, шельма. Это кот или кошка?*” (Чехов. Забыл); “*Милые мои черти, не прищемите друг другу хвосты как бы ненароком, а остальное в воле вашей.*” (Горький. Горемыка Павел). В рассматриваемых случаях первоначальная отрицательная эмоциональная оценка “как бы просвечивает через наслонившуюся речевую положительную оценку, вследствие чего речевая положительная оценка имеет оттенок фамильярности, грубоватости, а иногда и дружеской шутки, иронии.” (Киселёва 1978:119)

При использовании вторичных оценочных значений лексических единиц ТГ наименований лиц по родственным связям актуализаторами оценочной семантики являются слова, определяющие неродственные отношения между участниками речевого акта, вычлняемые из узкого или расширенного контекста: “*Воды нагреть вам? – деловито спросила хозяйка. – Чай у нас есть, тётюшка. И вас угостим.*” (Лебедеико. Тяжёлый дивизион); “*Работали вы споро, честно; надо, чтобы я вам спасибо сказал; вот я и говорю: спасибо, братцы!*” (Горький. Старик); “*– Эй, ты куда, мамаша. – А туда ж, – домой, сынок.*” (Гвардовский. Василий Тёркин).

К актуализаторам оценочной семантики следует также отнести притяжательные местоимения *мой, моя, моё* (реже *наш, наша, наше*), сочетающиеся с существительными, выражающими ласковое и дружелюбное отношение: “*– Здравствуй, мой родной, – сказала Олеся, обнимая меня.*” (Куприн. Олеся) и др. в препозиции по отношению к оценочной единице; “*Знаешь что, Аннушка, ласточка моя.*” (Чехов. Бабье царство); “*Мамаша, вы даже бледны, успокойтесь, голубчик мой!* – сказала Дуня, ласкаясь к ней.” (Достоевский. Преступление и наказание) и др. в постпозиции к оценочной единице, не свойственной для притяжательных местоимений.

С другой стороны, данные притяжательные местоимения *мой, твой, ваш*, как и указательные местоимения *этот, эта, это, эти*, неопределённые местоимения *какой-то, какой-нибудь* являются дифференциаторами – единицами языка, которые помогают дифференцировать в речи разные прагматические значения полипрагматических единиц, прагматические антонимы эмоциональной оценки при энантиосемии и различать информемы и прагмемы (ср., например, корневые

морфемы в роли дифференциаторов при разграничении оценочных значений суффикса *-уш*: *дорогуша, милуша, роднуша* с положительной оценкой, и *чинуша, копуша, кликуша* с отрицательной эмоциональной оценкой (Киселёва 1978:116-117).

Некоторые лексемы, обладающие постоянными эпитетами (*ясный сокол, соколик ясный, белая лебедь, белая лебёдушка*), также сочетаются с притяжательными местоимениями: “– Прощайте, Пётр Андреич, **сокол наш ясный!** – говорила добрая попадья.” (Пушкин. Капитанская дочка), “Приезжай ты к нам, **соколик мой ясный**, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное.” (Пушкин. Дубровский) и т.п. Функция притяжательных местоимений как сенсбилизаторов оценочной семантики рассматривается в 4.3 данной главы.

При использовании в качестве определителей к лексемам с положительной эмоциональной оценкой других прилагательных отмечается особенность, заключающаяся в отнесении семантики прилагательных к адресату оценки вне соответствия с денотативным содержанием оценочной номинации: “Подруга дней моих суровых, **голубка дряхлая моя!**” (Пушкин. Няне); “– Матушка, **кровинушка ты моя**, – говорит (стал он тогда такие любезные слова говорить, неожиданные), **кровинушка ты моя милая, радостная.**” (Достоевский. Братья Карамазовы); “– Доброй ночи тебе, **сердце моё ненаглядное, голубь горячий мой, братец родной!** – говорила она (Катерина), нежно прижав его (Ордынова) голову к груди своей.” (Достоевский. Хозяйка) и т.п.

Среди несогласованных определений выделяется частотное устойчивое сочетание *души моей* соотносимое по семантике с притяжательным местоимением *мой*:

“– Прощайте, **ангел души моей** Марья Антоновна.” (Гоголь. Ревизор); “Скрываться рада я в пустыне с тобою, **царь души моей.**” (Пушкин. Кавказский пленник); “Зизи, **кристалл души моей, предмет стихов моих невинных.**” (Пушкин. Евгений Онегин).²

² Интересно использование в качестве несогласованного определения существительных в регистре сленга: *завал* – 2. сущ. м. в знач. прил. (функция определения) одобр. Нечто особенное, характерное, выдающееся. *Завал книжка* (интересная, хорошая, необычная). ср. 1. от глагола ЗАВАЛИТЬ.; *потолок* – ‘сущ. в знач. сказ. и определения. (сленг.) одобр./восх. Что-л. хорошее, отличное, самое высокое. *Потолок машина!*; *откат* – 1. сущ. м. в знач. сказ. и определения (сленг). одобр./восх. Что-л. необычное, смешное, выдающееся. *Откат вещица!* – хорошая вещь.; *крутяк* – ‘сущ. м. также в знач. сказ. и определения (сленг). одобр./восх. Что-либо яркое, специфическое, особенное.’

Коммуникативные цели (цели общения в терминологии Якубинского, выделяющего эмоциональное убеждение 1986:18; ПЛК 1967:25) представляют собой интимизацию акта речи, способствующую достижению намерения субъекта оценки: *“Как-то Андрею позвонил заместитель управляющего Ивин. – Лобанов, **дорогуша**, пришли домой кого-нибудь из твоих мальчиков, – приёмничек мой что-то скис.”*(Гранин. Искатели); смягчение отказа, возражения: *“– Да и автор-то безнравственный человек, – изрекает пронизательный читатель. – Нет, **мой милый**, ты ошибаешься.”* (Чернышевский. Что делать); стремление к установлению интимного контакта: *“– Что же он говорил, **моя золотая Катерина?**”*(Тоголь. Страшная месть); желание успокоить» утешить: *“– Ну, будьте мужчиной, **милочка**. Знаете ли, Андрея вами очень интересуется.”* (Куприн. Молох); усиление просьбы: *“Он (Андрей) просил при Давыдове и Якове Лукиче: **Мариша! Родимушка!** Не губи ты меня, не срами!”* (Шолохов. Поднятая целина); непосредственное выражение эмоции: *“(Славянов) умилился и со слезами полез целовать солдата. –Тихон, **душа моя!**.. Добрый, старый, верный Тихон!”* (Куприн. На покое).

4.1.2 Синтагматические особенности лексики с положительной эмоциональной оценкой в позиции предиката.

Разграничение идентифицирующих и предикатных имен (Арутюнова 1974:10) получило отражение в позициях функционирования, в связи с чем дифференцируются непредикативные позиции и позиции предикативные (предиката) (Харченко 1973:10). Под позицией предиката понимается использование оценочных единиц в составе именного сказуемого, одиночно либо с распространителями. Обусловленность функции оценки (характеристики) предикативными и атрибутивными синтаксическими позициями в настоящее время не требует особых доказательств (см. Кондрашова 1985; Скворецкая 1974:47).

Действительно, дескриптивные слова, не обладающие квалификативным смыслом, не используются в предикативных позициях, что позволяет признать роль предикативных позиций как дифференциаторов дискриптивных и оценочных смыслов, актуализаторов и сенсбилизаторов признаков сем, противопоставленных аналогичным по форме позициям идентификации и классификации (*Он – дипломат* (профессия); *Это – коза* (животное)) (Вольф 1985:31). О предрасположенности эмоционально-оценочной лексики к определенным синтаксическим позициям см.: Золотова 1982:67; Бухарин 1986:87).

Прежде всего следует отметить реализацию собственно-оценочной семантики лексемами, относящимися к уровню восхищения, в синтаксической позиции предиката: структурной схеме предложения N1 – NN1 (Грамматика 1970:553): “(Огнева) Ваш город – **игрушка, прелесть**.” (А.Н. Толстой. Кукушкины слезы), часто в восклицательных предложениях: “(Гак:) За ваше здоровье, Сергей Антипыч. Мадера – **шик!** (Мелкин:) Замечательная мадера!” (Ромашов. Воздушный пирог), “(Андрей:) Ты сегодня – **шик, блеск, нарядная!**” (Розов. В добрый путь) (значительно реже определяемое слово находится в постпозиции к оценочной лексеме); структурной схеме предложения NN1 (экспрессивно-значимые односоставные предложения, при этом не только в сочетании “с субъективно-модальными частицами или местоимениями, вносящими значение оценки, субъективного отношения” (Грамматика 1970:560): “(Анна Андреевна:) – Ах, какой приятный (гость). (Марья Антоновна:) Ах! **Милашка!**” (Гоголь. Ревизор), “Ах, **прелесть!** Как мил!” (Грибоедов. Горе от ума), “– Давно? – картавя, тараторила Иринка. – Только что? Вот **красота!** ... А мы тебя через неделю ждали.” (Мальцев. От всего сердца), но и вне указанного сочетания (также в восклицательных предложениях): “Когда она от нас отошла, я шепнул Григорию Александровичу: – Ну что, какова? – **Прелесть!** – отвечал он.” (Лермонтов. Бэла), “(Наркис:) Мне житьё теперь... мне житьё! **Малина!** Умирать не надо.” (А. Островский. Горячее сердце), “Люблю спать на чердаках, – сказал он. – Иззябнешься, умаешься, а там сухо, от солнышка под крышей всё нагрето... **Благодать!**” (Паустовский. Бабушкин сад) (односоставные именные предложения с существительным в предикативно-характеризующем значении).

Собственно-оценочные единицы, выражающие восхищение, способны выступать в позиции предиката в восклицательных предложениях других структурных схем: “Как она пляшет! Как поёт! А вышивает золотом – **чудо!** Не бывало такой жены и у турецкого падишаха.” (Лермонтов. Бэла); “(Юлинька:) – А мы вчера в парке были. Как весело было – **чудо!**” (А. Островский. Доходное место), в невосклицательных предложениях: “Люди они добрейшие, сестре у них будет – **лафа.**” (Тургенев. Новь) (не только имена существительные: “– И **прекрасно!** Это-то и нужно.” (Шукшин. Пьедестал), “**Грандиозно!** Прекрасно чувствовал себя всю дорогу!” (Шукшин. Верую)), также чаще всего в самом конце высказывания.

Наиболее обусловлены позицией предиката лексемы с положительной эмоциональной оценкой, выражающие одобрение и восхищение, которые относятся к лексическим единицам с “функционально-синтаксически ограниченным

значением" (Виноградов 1977:184). К таким единицам относятся лексемы и ЛСВ слов, квалифицирующие лиц: *молодец*: "Он даже радовался, говорил, что она **молодец**, что приехала." (Трифонов. Другая жизнь), *молодчина* ("Артист обязан волновать... И ты, Егор, **молодчина!**" (Федин. Первые радости)), *молодчага* ("Арапчонок два раза перевернулся в воздухе, стал на ноги и сделал публице ручкой. – Браво! ... **Молодчага!**" (А. Серафимович. Полосатый зверь)), *молодчик*, *умница* ("А родная дочь что ни сделай – за всё погладят по головке: **умница.**" (А.Н. Толстой. Морозко); оценивающие предмет, лицо или ситуацию: **блеск, шик, красота, чудо, прелесть.**"; "– Отремонтируйте её – это же **чудо!**" (Шукшин. Мастер), "– Смотри, денёк-то какой выдался! Солнце, речка, кувшинки вон плавают... **Красота** да и только." (Шолохов. Они сражались за Родину), "Поди выбери Денисова. Вот танцует! **Чудо!** – сказал он." (Толстой. Война и мир).

Рассмотренные выше единицы представляют собой лексемы (ЛСВ слов) с собственно-оценочной семантикой и могут оценивать предмет оценки по чрезвычайно широкому ряду положительно оцениваемых признаков, ограниченному при характеристике лиц сферой деятельности, поведения.

Также только в позиции предиката функционируют некоторые лексемы с номинативно-оценочной семантикой: "– Я никому никогда не рассказывал. Конечно, Ивана исключая... Но Иван – **могила.**" (Достоевский. Братья Карамазовы); "– Что за пироги, если б вы только знали: **сахар, совершенный сахар!**" (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки), "Но всего лучше... рыжики солёные, ежели их изрезать мелко, как икру, и, понимаете ли, с луком, с прованским маслом .. **объедение!**" (Чехов. Сирена).

При этом часть номинативно-оценочных единиц развивает собственно-оценочное значение, может определять предмет оценки по значительному числу признаков: "А какая у меня, братцы, в городе баба осталась, – **сахар!**" (Куприн. Поход) (признак привлекательности, характерный для вторичных наименований лиц лексемами ЛТГ 'сладоности'), "Статья Герцена – **прелесть, объедение.** Давно уже я не читал ничего, что бы так восхитило меня." (Белинский. Письма), "– Посмотрите, какой прекрасный рабочий ящик, **просто объедение**, и настоящей французской работы." (Григорович. Лотерейный бал), "– Ты хозяин, твоя и цена!... Я-я: Ну, так по моим ценам и за пятьдесят рублей не купите... у меня конь-то – **изюмина!**" (Наумов, Погорельцы), "Как он хорош, а конь – **картина!**" (Лермонтов, Тамбовская казначейша) (признаки высокого качества: содержания статьи, работы, достоинств лошади).

Собственно-оценочный характер семантики может определяться также в связи с диффузностью значения лексем: *“Какой у вас этот прелестный мальчик! – прибавила она, любясь Мишанкой, – просто загляденье!”* (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина), *“Петр Степаныч купил пару кровных рысаков – кони загляденье!”* (Мельников-Печерский. На горах) (то, на что можно заглядеться).

Значительная часть метафорических наименований лиц квалифицирует адресатов оценки по признаку внешней привлекательности (особенно при характеристике женщин и детей): *царевна, краля, пава, лебедь, соколёна, газель, розан, ягодка, чертовочка, фея, гурия, пери* и др. – в отношении лиц женского пола, *ангелочек, яблочко, херувим* и др. – в отношении лиц обоих полов, *купидон* – в отношении лиц мужского пола, иногда совмещенного с другими признаками (кротости – *ангелочек*, шаловливости – *чертовочка*, грациозности – *лебедь*).

При этом лексемы, принадлежащие к ЛТГ ‘волшебства’, ‘божественного’, при оценке лиц женского пола частотно выражают семантику привлекательности: *“И не смейте мне говорить такие слова, обаятельница, волшебница!”* (Достоевский. Братья Карамазовы); *“(Ольга) – божество, с этим милым лепетом, с этим изящным, беленьким личиком, тонкой, нежной шеей.”* (Гончаров. Обломов); при характеристике лиц мужского пола реализуются разные значения: *“(Сальери:) Какая глубина! Какая смелость и какая стройность! Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь.”* (Пушкин. Моцарт и Сальери); *“(Полицмейстер) у нас чудотворец, ему стоит только мигнуть.., так мы, знаете ли, как закусим!”* (Гоголь. Мертвые души).

Реже лексические единицы при номинации лиц женского пола способны оценивать другие признаки: *“– У вас есть зельтерская вода? – Есть, – отвечает аптекарша. – Bravo! Вы не женщина, а фея.”* (Чехов. Аптекарша); *“Я твой раб, – воскликнул он, я у ног твоих, ты мой владыка, моя богиня.”* (Тургенев. Затишье), непосредственно связанные со значением ЛТГ ‘волшебства’, ‘божественного’.

Среди синтагматических особенностей употребления единиц с собственно-оценочной семантикой, квалифицирующих лицо, следует отметить форму творительного падежа лексемы *молодец*: *“Отлично! Молодцом! Вот так пари! Черт вас возьми совсем! – кричали с разных сторон.”* (Толстой. Война и мир), *“У вас цвет лица стал гораздо лучше, чем вчера. Да вы молодцом! Ей богу, молодцом!”* (Чехов. Палата № 6), соотносимую с использованием в именной части сказуемого других лексических единиц с аналогичной семантикой: *“Потерпи, дорогой, будь умницей. Потерпи, –*

уговаривала его фельдшерица.” (Тендряков. Ухабы) и сочетающиеся с формой именительного падежа той же лексемы: *молодец-молодцом, шёлк-шёлком, орёл-орлом, нава-навою*: “(Я) был, можете себе представить, **молодец-молодцом**, кровь с молоком, красавец-мужчина, одним словом.” (Чехов. То была она), “(Надежда Васильевна) красавица, умница, характер – **шёлк-шёлком**.” (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); (“конструкции, выражающие полное соответствие норме” (Грамматика 1970:612)).

В роли актуализаторов оценочной семантики, также способных сенсibilизировать (см. 4.3) положительную эмоциональную оценку, выступают определительные местоимения *какой, какая, такой, такая* и т.п.: “(Красавина) А в этом терему, во купеческом доме, **такая нава**, что только “ах”, да и всё тут.” (А. Островский. Свои собаки грызутся); “Сомова села рядом с Климом, ощупывая Сангина весёлым взглядом. – **Какой ты стал игрушечкой!**” (Горький. Жизнь Клима Самгина); “Да, много, должно быть, пережил её братик. Она уже не помнила, когда он плакал, лет с семи, – **этаким кремешок**.” (Фадеев. Молодая гвардия) в т.п., а также прилагательные и причастия, характеризующие адресата оценки: “– Барышня, голубушка, вот красавчик этот граф-то, – говорила она, – **просто херувимчик чернобровый**.” (Толстой. Два гусара), “(Цыганов:) А она хорошенькая, знаете, – ... **такая чертовочка расстрепанная**...” (Горький. Варвары).

К синтагматическим особенностям использования лексики с положительной эмоциональной оценкой в предикативной позиции следует отнести сочетание оценочных номинаций со словами, подтверждающими истинность (с позиции субъекта) оценки (*просто, чистый, одним словом, _совсем-совсем, ведь, настоящий, подлинный* и т.п.): “Какой у вас этот прелестный мальчик! – прибавила она, любуясь Мишанкой, – **просто загляденье!**” (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина); “Такой затейщик (солдат Замотников) в военное время, да при трудных обстоятельствах, – **чистая драгоценность**.” (Куприн. Прапорщик армейский); “В Рыблове полк стоит, так офицеры – **чистые конфеты**, не наглядеться!” (Чехов. Медведь).

При определении лексем, первичная семантика которых позволяет сочетание с указанными словами, усиливается экспрессивность высказывания: “(Отрадина) У меня золотых приисков нет. (Муров) Зато ты сама **чистое золото!**” (А. Островский, Без вины виноватые), “– О, сердце девушки – это **чистое золото**.” (Тургенев. Рудин). Слова, подтверждающие истинность оценки, одновременно являются актуализаторами и сенсibilизаторами оценочной семантики.

Полнота выражения положительно оцениваемого признака обуславливает также наличие противопоставлений: “– *Ах, неужели это вы!* – сказал он, подходя ко мне. – *Можно ли так перемениться! Как вы выросли! Вот-те и фиалка!. Вы **целый розан** стали.*” (Толстой. Семейное счастье).

В предикативной позиции могут употребляться лексемы с положительной эмоциональной оценкой, представляющие собой свёрнутое сравнение, при этом какой-либо один положительно-оцениваемый признак не выделяется: “(Исправник:) *Ваш дом – эдем, Татьяна Николаевна, и сами вы – богиня!*” (Горький. Варвары) (в связи с диффузностью оценочного содержания, собственно-оценочным характером значения).

Следует отметить, что позиция предиката обуславливает также актуализацию положительной эмоциональной семантики лексем, обозначающих не оценочные понятия, которые могут выступать в качестве предмета оценки. Актуализируемый признак ‘настоящий, истинный, такой, который соответствует лучшим образцам’ реализуется при употреблении в позиции предиката ЛСВ слов *вещь* – ‘Нечто ценное, значительное, прекрасное! *Вещь! Вот, это вещь!* (о спектакле, книге и т.п.), *личность, индивидуальность, человек, интеллигент, мужчина* (“*Филя так и сказал на правлении колхоза. – Саня – это человек. Отвяжитесь от него.*” (Шукшин. Залётный)). Данные лексемы не могут быть отнесены к числу номинаций с языковой (узуальной) положительной оценкой, тем не менее указанная закономерность системна и регулярна. Значение указанных единиц в предикативных позициях идентично значению словосочетаний *настоящий, истинный, лучший (человек, вещь, мужчина)*.

Общей характеристикой подобных лексических единиц является обозначение в первичных значениях родовых понятий, возможность участвовать в конструкциях предикативных позиций: *мужчина, а не тряпка; личность, а не винтик; вещь, а не ерунда*, в конструкциях сенсбилизации: *Вот мужчина так мужчина! Что за вещь эта книга!*.

Значительное место среди лексических единиц, употребляющихся в позиции предиката, занимают лексемы, используемые в конструкции так называемой ‘ложной классификации’, строящейся на прямой таксономической оппозиции (Арутюнова 1979:149). Данная конструкция относится к ряду связанных (Виноградов, Шмелёв) и представляет собой усложнённую конструкцию с выражением сопоставительно-противительных отношений, обусловленных наличием таких

формальных элементов, как противительный союз *а* и частица *не* (Аргун 1971:17). Указанная конструкция с утвердительно-отрицательным значением выражает экспрессивную качественную характеристику через отрицание предикативного признака с номинативным значением.

При использовании в рассматриваемой конструкции лексем с положительной эмоциональной оценкой усиливается эффект воздействия (см. *“сопоставительные конструкции подчёркивают отношение противоположности”* (Аргун 1971:18)). Наиболее частотна позиция существительного с оценочной семантикой в постпозиции по отношению к определяемому слову (существительному) с номинативной семантикой, в роли которого выступают обозначения лиц либо предметов: *“(Лидия:) Ай! Я упаду в обморок. Это не коляска, а мечта. Можно задохнуться от счастья сидеть в такой коляске.”* (А. Островский. Бешеные деньги), *“Видный такой пастырь, осанистый, бородатый – не архиерей, а конфетка!”* (Куприн. С улицы).

Среди обозначений неконкретных предметов в качестве предмета оценки частотно реализуются лексемы *жизнь, житьё*: *“Не жизнь, а мармелад. Все жалостно на тебя смотрят, везде, куда не придешь, закуска и выпивка, все деньги дают.”* (Чехов. В Париж). *“Что ему, Ермолаю-то Евгеньичу, не житьё, а масленица.”* (Мамин-Сибиряк. На месте преступления).

Оценочные номинации могут использоваться и в препозиции по отношению к определяемому слову: *“Я этого Володю Осьмухина прекрасно знаю – золото, а не парень.”* (Фадеев. Молодая гвардия)

Положительная эмоциональная оценка актуализируется смыслом высказывания в целом, другими лексическими единицами: *“Очень часто из старого перекрашенного платья, из ничего не стоящих кусочков тюля, кружев, плюша и шёлка выходят просто чудеса, нечто обворожительное, не платье, а мечта.”* (Чехов. Попрыгунья); *“Дело прошлое и скромничать нечего, а потому скажу вам, что мост получился у меня великолепный! Не мост, а картина, один восторг!”* (Чехов. Пассажир 1 класса); *“Ты дома сама себе госпожа, – кого хочешь, того любишь. Эх, не жизнь, а масленица!”* (Чехов.

Бабые царство); – *Характер у него особенный: грубого слова не слыхивали, обиды не знали. Шёлк, а не парень.*” (Мамин-Сибиряк. В худых душах).³

Редко положительно-оценочная лексика используется в бессоюзных конструкциях: “*Жил у попа в работниках, малина – не жисьё.*” (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо), (в данном примере конструкция обусловлена также поэтическим ритмом).

Оценочные единицы в данных конструкциях также способны сочетаться с лексемами типа *просто, чистый, настоящий, подлинный*, подтверждающими истинность оценки (с позиций субъекта оценивания) и сенсбилизирующими эффект воздействия: “*Тут, надо вам сказать, обитает одна мадемуазель Клара – просто конфетка, а не женщина!*” (Григорович. Столичные родственники); “*Да, и невестки же у тебя, Григорий Петров! – сказал он. – Не бабы, а чистый клад!*” (Чехов. В овраге), “– А она уже не молодая, лет тридцати, но тоже высокая, стройная, чернбровая, краснощекая, – одним словом, *не девица, а мармелад.*” (Чехов. Человек в футляре); “(Бельчер) два раза обошёл вокруг земли и теперь странствует в полярных странах. Это *настоящий морской волк.*” (Гончаров. Фрегат Паллада); “*Но в чём он истинный был гений, Что знал он лучше всех наук..., – Была наука страсти нежной.*” (Пушкин. Евгений Онегин); “*Такие вещи, как, например, «Листригоны», «Гамбринус», «Ночная смена», «Гранатовый браслет», «Олеся», были и навсегда останутся подлинными жемчужинами русской художественной литературы.*” (Катаев. Куприн); “– О, сердце девушки – это *чистое золото!*” (Тургенев. Рудин); “*Что касается до Ивана Александровича, то он был просто на небе.*” (Писемский. Боярщина); “– *Что то за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар!* (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки).⁴

В позиции предиката используются также лексемы с конструктивно обусловленным значением (Виноградов 1977:187), реализующие оценочную семантику в определенных грамматических конструкциях.

³ не жисьё – просто рай; не жисьё, а масленица (масленая); не работник, а клад; не жись (не жисьё), а малина, сказка, мечта, масленица.

⁴ не жисьё – просто рай, чистый клад

К типичным конструкциям, актуализирующим положительную оценочность лексических единиц с собственно-оценочным значением, относятся:

а) *существительное + чего или какой (какая)*⁵:

*“Пушкин предстал мне в новом свете, как один из **мировых исполинов искусства**, как Гомер, Шекспир и Гёте.”* (Белинский. Письма); *“В бригаде о ней (Марии Лагуновой) уже говорили: это наш **танковый ас**.”* (Смирнов. Рассказ о настоящем человеке); *“Другим **королём, экранным**, являлся Владимир Васильевич Монахов ... Он был высок, красив, породист и изящен в жизни ещё более, пожалуй, чем на экране.”* (Мичурин. Горячие дни актёрской жизни);

б) *существительное + в чем, на что, чем*⁶

*“Приедет (Егор), расскажет ей кучу сказок, он **мастак на такие дела**.”* (Шукшин. Как зайка летал.); *“Известное дело: русский народ **на прозвища мастер**.”* (Тургенев. Певцы); *“Капитан, несмотря на свою внешность, оказался **изрядным докой в аппаратных делах**”* (Полевой. Повесть о настоящем человеке); *“– И достанет (ложу); я ручаюсь за него: он **гений в этом**.”* (Гончаров. Обыкновенная история);

в) *существительное + инфинитив*:

*“– Есть такие **артисты рассказывать**, ночь просидишь с ними, – ни в одном глазу сна не будет.”* (Паустовский. Чёрное море), *“– Да я и не **мастер угадывать**, – сказал Бобров.”* (Жуприн. Молох).

В роли актуализаторов оценочной семантики выступают существительные в родительном, винительном, творительном и предложном падежах, а также

⁵ *ангел кротости, чистоты, невинности; ангел души моей; титан науки, мысли; звезда экрана; плеяда поэтов; плеяда русских полководцев; солнце правды; светило науки; свет правды; свет очей моих; на заре жизни; заря свободы; луч надежды; в ореоле славы; ореол героя; отблеск прежней славы; блеск славы; блеск остроумия; волшебство музыки; чудесник резца, кисти; чудо искусства; чудеса героизма; феерия зимнего леса; жемчужина русской поэзии; перлы остроумия; сокровища русского зодчества; сокровищница русской культуры; перлы остроумия; королева красоты; королева шахмат; королева лыжни; царь своей судьбы; рыцарь науки; гордые соколы нашей страны; колыбель свободы; расцвет культуры; шёлк волос; поэзия летнего утра; поэма любви, весны; художник своего дела; эликсир жизни
тигр снегов
рай земной; литературный олимп; архитектурная жемчужина; жизненный эликсир; сокол ясный; соколик ты мой ясный; снежный барс; пушкинская плеяда поэтов; гордые соколы нашей страны*

⁶ *поэт в душе; поэт по натуре; поэт в своём деле; артист в душе; артист своего дела; артист в своём деле*

прилагательные и глаголы (в форме инфинитива), обозначающие сферы общественно-одобряемой деятельности и конкретизирующие приложимость единиц с собственно-оценочной семантикой.

В конструкциях, свойственных для лексем с собственно-оценочной семантикой, используется также единица *орёл*, что подтверждает развитие собственно-оценочного значения: *“Кажется, что он и не орёл умом, его тон и разговор не пленительны.”* (Карамзин. Письма), *“(Красавина:) Ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орёл на эти дела.”* (Островский. Женитьба Бальзаминова), вследствие чего возможна дифференциация номинативно-оценочного значения как конструктивно не обусловленного (хотя и обусловленного синтаксически): *орёл* – ‘О мужественном, сильном, храбром и т.п. человеке.’; собственно-оценочного значения как конструктивно обусловленного: *орел* – ‘на что. в чем. чем. Мастер какого-л. дела.’ (см. Виноградов 1977:187) (ср. *гений*).

Особо следует остановиться на характеристике устойчивых сравнений, представляющих собой переходный этап к метафорическим наименованиям. Лексические единицы, выражающие одобрение либо восхищение, в сочетании со сравнительным союзом как используются при квалификации предмета оценки в функции именной части сказуемого (позиции предиката), а также в функции определения.

Толковыми словарями фиксируются наиболее частотные устойчивые сравнения с эмоционально-оценочными словами в качестве опорного компонента: *как огурчик, как конфетка, как роза, как игрушка, как картинка, как скала*: *“Тригорий Александрович наряжал её, как куколку, холил и лелеял.”* (Лермонтов. Бэла), *“Прежде вы были как огурчик, а теперь сидите, бог знает, на что похожи.”* (Гончаров. Обломов), *“Вы, Надин, сегодня прелестны, как роза!”* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы).⁷

Тем не менее лексемы (ЛСВ слов), выражающие положительную эмоциональную оценку, могут употребляться без сравнительных союзов: *“(Шабельский (целует Бабакину в щеку): Прелесть! Огурчик!”* (Чехов. Иванов), *“Бригадный генерал сказал ей: – Надеюсь, милая, и после свадьбы вы останетесь всё таким же розаном.”* (Чехов. Учитель словесности); при существовании метафорических значения реализуется

⁷ как *херувим; сияет, как масленый блин; сражается как лев; как игрушка; как куколка; как шёлковый как картинка; как на выставку; как картиночка.*

большая закреплённость оценочной семантики в языковом сознании коллектива. В то же время в предикативной позиции может быть использована лексема с номинативной семантикой в функции сравнения, не обладающая языковым оценочным значением: *“Её три комнаты – изящная сказка, перенесённая в старинный помещичий дом.”* (Вересаев. К жизни); *“Домик в Коломне – игрушка, сделанная рукой великого мастера.”* (Белинский. Сочинения Пушкина).

При возникновении на основе устойчивого сравнения лексемы с языковым положительно-оценочным значением расширяется сфера приложимости; адресат (предмет) оценки может оцениваться по признакам, не реализуемым в сравнительной конструкции: *“Ружьё новой системы было **игрушечка**, и ягдаш, и патронташ были наилучшей доброты.”* (Толстой. Анна Каренина) – признак высокого качества, *“Мишука, перегнувшись за окно, смотрел на лошадей, – хороша тройка, – **львы**.”* (А.Н. Толстой. Мишука Налымов) – признак красоты, стремительности бега.

Таким образом, следует дифференцировать лексические единицы с номинативной семантикой, актуализирующие в речевых употреблениях в сравнительных конструкциях оценочное значение (как *весна* – признак расцвета чего-либо положительно-оцениваемого; как *ветер* – признак стремительности и др.); лексические единицы с номинативно-оценочными значениями, реализующие положительную оценочность в устойчивых сравнениях (*здоров как бык, крепок как дуб*), выражающие *“наивысшую степень качества”* (квазисимволы, квазистереотипы согласно Телия 1996) (при характеристике признака, свойства адресата; лексические единицы с языковыми номинативно- в собственно-оценочными значениями, которые могут быть использованы как в сочетании со сравнительными союзами (как *огурчик, как конфетка* и др.; как *Геркулес, как Венера* и др.) , так и без них (*огурчик, конфетка, Геркулес, Венера* (ср.: *“собственное имя является само обозначением какого-либо признака”* (Киселёва 1956:11)) и др.) при различной частотности в применении к конкретным лексемам.

Различие языковых значений и речевых употреблений обусловлено разной степенью освоенности оценочной семантики единиц языковом коллективе, в принципе тематическая отнесенность речевых употреблений аналогична отнесённости языковых значений (*скала, утёс, гранит* – ‘о стойком человеке’ – ТГ названий минералов).

4.1.3 Особенности реализации положительной эмоциональной оценки в позиции приложения

Приложение представляет собой *“определение, выраженное именем существительным (одним или вместе с поясняющими его словами), совмещающее в себе атрибутивный (определятельный) и предикативный признаки”* (Русский язык 1979:232). Не останавливаясь специально на характеристике приложения как лингвистической категории, отметим тенденцию приложения к обособлению на основе слабой синтаксической связи с определяемым словом и типичная постпозиция в отношении определяемого слова приложений с собственно-определятельным значением.

Понимание приложения как синтаксической категории требует рассмотрения явления обособления. На основании определения обособленных словоформ или групп словоформ полупредикативными (Грамматика 1970:643) вычленяется полупредикативная синтаксическая позиция (Харченко 1973:10) наряду с условно выделяемыми типами предикативных и непредикативных позиций (аппозитивная согласно терминологии Скворецкой (1974:47).

Лексика с положительной эмоциональной оценкой использует в определятельных приложениях (Русский язык 1979:232), обладает собственно-характеризующим значением (Грамматика 1970:645).

Наиболее частотное использование лексем, оценивающих лицо: *“Адъютант-распорядитель, мастер своего дела, крепко обняв свою даму, пустился с нею.”* (Толстой. Война и мир); *“Молодой малый, широкоплечий богатырь, работник взялся проводить (Нехлюдова)”* (Толстой. Воскресение); *“– Один молодой корнет, цвет и надежда высшего семейства, глядя на него, усмехнулся.”* (Достоевский. Хозяйка), гораздо реже в позиции приложения употребляются единицы, оценивающие предмет: *“Пред ним ростбиф окровавленный, и трюфли, роскошь юных лет, французской кухни лучший цвет.”* (Пушкин. Евгений Онегин).

Позиция оценочной лексики после определяющего слова не является единственной, исключительной: *“Мне душевно хорошо: здесь цвет рабочего класса, боевые питерцы, кировцы.”* (Вишневский. Ленинград); в препозиции лексики, выражающие положительную эмоциональную оценку, сочетаются с объектными

распространителями, уточняющими контекстуальное значение, что позволяет дифференцировать оценочную и номинативную семантику.

К особенностям употребления эмоционально-оценочной лексики следует отнести регулярное распространение оценочных единиц притяжательными и указательными местоимениями, выполняющими функцию актуализации семантики положительной эмоциональной оценки за счет соотнесения с адресатом (предметом) оценки: *“Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, **этот клад**, это достояние, переданное нам нашими предшественниками.”* (Тургенев. По поводу Отцов и детей); *“(Анучкин:) А как, позвольте узнать, Сицилия... (Жевакин:) А прекрасная!.. Этакие горы, и везде италяночки, **такие розанчики**, так вот и хочется поцеловать.”* (Гоголь. Женитьба) (указательные местоимения *такой, этот*); *“Троекуров отдал полную справедливость винам **своего амфитриона** и искусству его повара.”* (Пушкин. Дубровский); *“(Графиня) ничего не хотела слышать об отъезде до тех пор, пока не вернется **её сокровище**, обожаемый Петя.”* (Толстой. Война и мир) (притяжательные местоимения *свой, его, её*).

Необходимо отметить, что рассмотренные местоимения способны не только актуализировать оценочную семантику (*свой амфитрион, этот клад*), соотнося оценочную единицу с адресатом (предметом) оценки, но и выступать в роли сенсibilizаторов (усилителей) выражения положительной эмоциональной оценки: указательные местоимения *так, такой, такие* (см. *такие розанчики*). (см. притяжательное местоимение *мой* в 4.2).

Другими частотными распространителями оценочных лексем в позиции приложения являются относительные и (реже) качественные прилагательные,

определяющие денотативное содержание лексических единиц (см. *широкоплечий богатырь*) либо квалифицирующие адресата оценки (*“Можно краше быть Мери, краше Мери моей, **этой маленькой пери**, но нельзя быть милей.”* (Пушкин. Пью за здоровье Мери), *“Какой это прекрасный край – Донбасс – наша **индустриальная жемчужина**.”* (Галин. Поезда идут), безотносительно денотативной оценочной семантики.

Приложение может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным, личным местоимением, субстантивированными прилагательными или причастиями, числительными (Русский язык 1979:232), тем не

менее анализ цитатного материала позволил сделать вывод о преимущественном отнесении к имени существительному, выступающему в роли подлежащего и (реже) –дополнения.

Значительно реже лексемы с положительной эмоциональной оценкой употребляются в необособленных позициях: “(Фамусов:) *Мать умерла; умел я принанять в мадам Розье вторую мать. Старушку-золото в надзор к тебе приставил: умна была, нрав тихий, редких правил.*” (Грибоедов. *Горе от ума*) (особенности ритма поэзии); “*В рабстве спасённое сердце свободное – золото, золото сердце народное.*” (Некрасов. *Кому на Руси жить хорошо*).

Выше рассмотрены примеры реализации в позиции приложения лексем, выражающих семантику одобрения и восхищения. Реже в данной позиции выступают лексические единицы, выражающие ласковое отношение: “*На мать ты свою похож стал, на голубушку.*” (Тургенев. *Дворянское гнездо*); “*Ты подумай, как я без тебя-то буду? Ведь я люблю тебя, соколика.*” (Горький. *Тоска*).

В позиции необособленного определения используются лексемы с положительной эмоциональной оценкой, характеризующие лиц, животных (обозначаемых лексическими единицами с номинативной семантикой); при этом создаются предпосылки для возникновения сложных слов: “*Крала девка, работница девка, – думает она, глядя на красавицу.*” (Толстой. *Казаки*), “– *Чудо, красавица лошадь!*” (Толстой. *Казаки*).

К системным характеристикам использования лексем с положительной эмоциональной оценкой в функции определения следует отнести возникновение сложных слов в контексте. При этом оценочные лексические единицы определяют лексемы с номинативной семантикой: “(Лука:) *Ах, барышня-матушка! Молодая, красивая... – только бы жить в своё удовольствие.*” (Чехов. *Медведь*); “*Четвёртый из нас, моряков, еще холостой, картина-парень, силач, гармонист был знаменитый.*” (Гладков. *Вольница*); “*Он (солдат) идёт, святой и грешный, русский чудо-человек.*” (Твардовский. *Василий Тёркин*); реже – лексемы с положительной эмоциональной оценкой: “*Русский солдат это, брат, не фунт изюму! – воскликнул хрипло Рыбников: – Чудо-богатыри!*” (Куприн. *Штабс-капитан Рыбников*); *буй-тур*, “– *Что же нашей царевне-королевне сказать?*” (Мельников-Печерский. *В лесах*) и др. (ср. сложные оценочные слова как результат крайне взаимной сенсбилизации слов-прагмем (Киселёва 1978:114)).

Сложные слова, частотно воспроизводимые в текстах, фиксируются толковыми словарями: *хват-парень, хват-барышня, хват-детина, бой-баба, бой -девка, молодец-баба, рубаха-парень, душа-человек, чудо-богатырь* и т.п.; “*Чижев завидовал немного Федору – хват-парень, девки виснули на шее.*” (Тендряков. Не ко двору); “*Парни любовались на нее...: Ай да барыня, ... хват-барыня!*” (Чернышевский. Что делать).

Не менее значительную часть составляют аналогичные единицы, возникающие в контексте по такому же принципу: *писатель-самородок, дева-чародейка, чудо-сани, чудо-конь, поэт-чародей* и т.п.; “*Ольга Сергеевна.. сказала, что после своего орла-комиссара она никого к себе близко не подпустит.*” (Шукшин. Бессовестные); “– *Ах, с каким я сегодня симпомпончиком-сестрой из второго госпиталя познакомился, - пальчики оближешь!*” (Сергеев-Ценский. Зауряд-полк); “*Обществу известны светлые образы самоотверженных врачей-бессебренников.*” (Вересаев. Записки врача) (практически отсутствуют сочетания двух оценочных единиц).

Как отмечалось выше, непредикативные синтаксические позиции не характерны для функционирования лексики с положительной эмоциональной оценкой, данная лексика (прежде всего существительные) не могут выступать в конструкциях ‘первого представления’ (Вольф 1985:156)⁸.

Среди особенностей функционирования эмоционально-оценочных существительных в позициях, не относящихся к позициям обращения, предиката, приложения, следует отметить конкретизацию оценочного содержания контекстом высказывания; включение лексем, описывающих речь (*звать, называть*) при единицах, выражающих ласку, дружелюбие; обозначение любимых, возлюбленных лексемами, способными выражать ласковое отношение, названий родственников, друзей – лексемами, способными выразить семантику дружелюбия.

Интересны случаи сочетания наречий с прилагательными и глаголами, в первом случае реализуется семантика интенсивности, во втором случае – оценочная семантика:

⁸ ср. в сленге значение определения: *потолок* – ‘сущ. в знач. сказ. и определения. (сленг.). Что-л. хорошее, отличное, самое высокое. *Потолок машина!*’ (СМА).

идеально – 2. нареч. также в знач. сказ. (в сочетании с глаголом). (разг.) восх. В совершенстве, превосходно. ср. 1. (в сочетании с прилаг.) В высшей степени, совсем. “(Крюков) *играл идеально в винт.*” (Чехов. Тина); *изумительно* – 2. нареч. также в знач. сказ. (разг.) (в сочетании с глаголом) восх. Необыкновенно, восхитительно, приводит в изумление. *Изумительно поёт.* ср. 1. (в сочетании с прилаг.) В высшей степени.’

4.2 Сенсibilизация как один из определяющих факторов использования лексем с положительной эмоциональной оценкой

Отражением тенденции к избыточности, определяющему фактору реализации прагматической функции, языка, является *сенсibilизация* (усиление) воздействующей силы прагматической информации, реализуемая на языковом уровне при помощи лингвистических сенсibilизаторов (Киселёва 1978:43,112-116): языковых прагмем – лексем с языковой (узуальной) положительной эмоциональной оценкой, и речевых прагмем – лексем с номинативной семантикой, развивающих оценочное значение в речевом контексте. В основе классификации лингвистических сенсibilизаторов находится схема, предложенная Киселевой, в соответствии с чем различаются разноуровневые и линейные сенсibilизаторы; линейные сенсibilизаторы, в свою очередь, дифференцируются на контактные и дистантные (Киселёва 1978:114).

Понятие сенсibilизации отражает максимализм русских при оценивании, на данную черту, как и на отсутствие ограничений при выражении русскими восторга, в частности, указывает Wierzbicka: “*Русские точно так же эмоциональны и склонны к крайности при выражении морального восторга, как и при выражении морального осуждения.*” (Wierzbicka 1996a:83). Данная так называемая *гипербола* определяет наличие таких высказываний как *Восхитительный человек! Какие великолепные розы! Эта кастрюля роскошная!*, представляющих собой “*отголосок моральной и эмоциональной ориентации русской души*” (Wierzbicka 1996a:84)

Необходимо отметить недискретность интенсификации оценки (“*нельзя измерить расстояние между хорошим и очень хорошим*” Вольф 1985:46), она не ограничена определенным числом позиций, подобно степеням сравнения. Интенсификаторы составляют длинные, слабо организованные ряды из единиц, соотносенных друг с другом неопределенным образом.

К линейным контактными усилителями положительной эмоциональной оценки прежде всего относятся ласкательные суффиксы, взаимодействующие с основами слов, обладающих собственным положительно-оценочным значением (случаи типа *родненький, голубушка, милочка*); суффиксы, выражающие дружелюбие, взаимодействующие с основами слов, выражающих данную семантику собственно-лексическим значением (случаи типа *дорогуша, дружок, корешок*); увеличительные суффиксы, взаимодействующие с основами слов, обладающих собственной положительно-оценочной семантикой (случаи типа *дружище, талантище, красотища*); экспрессивные префиксы *пре-*: *пречудесный, превеликолепный, премилашка*: “Хорошие у господина Чертопханова собаки? – **Преудивительные-с!**... можно сказать первые по губернии.” (Тургенев. Чертопханов и Недопюскин); *раз-* (*рас-*) (*раскрасавица, разумница*), *супер-* (*суперкласс*); экспрессивные суффиксы *-аг* (*-яг*) (*миляга, симпягя*), *-ак* (*-як*) (*смелчак, здоровяк*). Все приведенные сенсibiliзаторы реализуют свое значение на уровне лексемы, справедливо определение подобных случаев как явления “*взаимной контактной сенсibiliзации*” (Киселёва 1978:114).

Особо следует отметить превосходную степень сравнения лексем с положительной эмоциональной оценкой, сенсibiliзирующих оценку на уровне лексемы: “**Удивительнейшем** расположении духа я сегодня. Мне так весело, как давно не бывало.” (Достоевский. Униженные и оскорбленные); “**И донныне по своей деревянной части, может, в области во всей он первейший мастер.**” (Твардовский. Еще про Данилу); “– В этом сезоне у нас драматическая труппа **замечательнейшая** будет – говорит она.” (Горький. Жизнь Клима Самгина).

К синтагматическим (линейным) контактными сенсibiliзаторам на уровне словосочетаний следует отнести многочисленные случаи определения оценочных существительных притяжательными местоимениями *мой, моя, моё* (реже – *наш, наша, наше*) (ср. *мой* – языковая прагма с положительной эмоциональной оценкой (Киселёва 1978:114)).

Наличие данных местоимений не обусловлено первичным номинативным значением, информационно избыточно, но прагматически необходимо: “**Золотой ты мой! Ненаглядный мой!**” (А.К. Толстой. Посадник), “– **Мой дружок.. папа твой придет.., будь покойна, моя уточка, и жди своего папу.**” (Серафимович. Он пришел).

Особо следует отметить постпозицию притяжательного местоимения по отношению к оценочной единице, не свойственную для первичной семантики

местоимения, при этом соотношение лексемы с положительной эмоциональной оценкой с субъектом оценки создает прагматический аффект усиленного воздействия, интимизируя акт речи: *“Солнышко моё! – вдруг сказала Уля.”* (Фадеев. Молодая гвардия); *“– Дитя моё, – заговорил он (Лаврецкий): не прикасайтесь, пожалуйста, к этой ране.”* (Тургенев. Дворянское гнездо); *“– Я к тебе приду. – Да, иди, иди, роднуля моя.”* (Горький. Фома Гордеев).

Лексемы, выражающие ласковое отношение, в других значениях могут выступать в роли единиц с номинативной семантикой (номинативно-оценочной с учетом привнесения оценки), обозначающих ‘любимых, возлюбленных’: *“Вспомни, вспомни, мой любезный, нашу прежнюю любовь.”* (Песня), данное значение способно реализовываться в любых синтаксических позициях, в том числе не-придикативных, в отличие от значения эмоциональной оценки, реализуемого в позиции обращения.

Функция сенсбилизации притяжательных местоимений проявляется в возможности сочетания с лексемами номинативной семантики, выступающими в роли речевых прагмем: *“– Я остаюсь? – спросила Елена. – Нет, моя чистая девушка, нет, моё сокровище. Ты сегодня вернешься домой.”* (Тургенев. Накануне); *“Слышится тихий голос милого: – Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, чистая моя!”* (Куприн. Суламифь), подкрепляемые языковыми прагмемами (*сокровище, голубица*), лексемами с узувальной эмоциональной оценкой.

Необходимо также отметить примеры прагматической избыточности контекста (Киселёва 1978:43), в которых сочетаются лексические единицы с аналогичной семантикой: *милый друг, славная крошечка, мой дорогой; “(Дуняша:) Милая моя! Заждалась вас, радость моя, светик.”* (Чехов. Вишневый сад); *“Ягодка! Это тебя, такую махонькую, бог сохранил.”* (Чехов. Происшествие); *“Золотце ты моё, Сенюшка, соколик мой ясноглазый!”* (Вс. Иванов. Долг); *“– Вернись, мол, вернись, мой светик. Ох, вернись, соколик!”* (Тургенев. Бежин луг); *“(Кочкарев:) Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну хочешь я стану на колени перед тобой?”* (Гоголь. Женидьба); *“(Огнева:) Ваш город – игрушка, прелесть.”* (А.Н. Толстой. Кукушкины слезы); *“Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее; горит и дышит он.. Божественная ночь! Очаровательная ночь!”* (Гоголь. Майская ночь); *“– Я верю вам, – сказал он с очаровательной прелестной улыбкой.”* (Куприн. Жидкое солнце); *“(Вершинин:) Через двести-триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной.”* (Чехов. Три сестры); чаще всего сочетаются лексемы, выражающие

ласковое отношение и восхищение как наиболее интенсивные (экспрессивные) виды воздействия.

Метафорические единицы, выражающие положительную эмоциональную оценку, способны сочетаться с лексемами, являющимися продуктом первичной номинации: “Прощай, *ангел мой*, – сказал я, –*прощай, моя милая, моя желанная.*” (Пушкин. Капитанская дочка), “Приходи, *моя милая крошка*, приходи посидеть вечером.” (Фет. Только станет смеркаться) (значение слова *ангел* включает семантику ‘милый’, ‘желанный’; значение слова *крошка* – семантику ‘милый, милая’). При определении имен существительных с образной внутренней формой прилагательными той же оценочной семантики, не обладающими образностью, актуализируется первичная семантика образных единиц (*милая крошка, желанная ягодка*), экспрессивность высказывания в целом повышается.

Случаи определения положительной эмоциональной оценочной лексики словами, подтверждающие истинность оценки (случаи сочетания со словами, типа *чистый, подлинный, настоящий, просто, нечего сказать*) рассмотрены ранее (4.1.2), примеры создания сложных оценочных слов как результата крайней взаимной сенсibilизации слов – прагмем (Киселёва 1978:114) проанализированы при характеристике позиции приложения (4.1.3). Здесь же необходимо отметить сложную оценочную единицу с немотивированной частью *разлюли-малина*: “У меня, брат, хорошо, *разлюли-малина.*” (Чехов. Беглец) и примеры устойчивого функционирования лексем с аналогичной семантикой (удвоение оценки): *умница и разумница*: “Вот, Евсей, Лида – мой верный друг, *умница и разумница!*” (Горький. Жизнь ненужного человека), *маг и волшебник*: “Инспектор сказал: – Вы *прямо маг и волшебник*. Полтора месяца всего назад мы были на этом участке, и он был сплошная мерзость заустения.” (Гарин-Михайловский. Инженеры), отражающие закономерности речевой сенсibilизации: “(Громов:) Вы мне *отборный народ* посылаете. *Цвет и сок.*” (Погодин. Аристократы) и процесс перехода в сложные оценочные слова: “– Милая ты моя, *умница-разумница!* А люди какие здесь!” (Полевой. Запоздалое письмо).⁹

В абсолютном большинстве употреблений сочетаются разнообразные контактные и дистантные сенсibilизаторы, как на уровне лексем, так и на уровне

⁹ ср. образование особых прагмем – сложных оценочных слов типа *подлец-мерзавец* как результат крайней взаимной сенсibilизации (Киселёва 1978:114).

словосочетаний усиливающие выражение всех видов положительной эмоциональной оценки: *“А уж мамаша-то не нарадуется (на дочку), что ни слово, то золотко, что ни вздох – то любушка и красота, свет души Варварушка.”* (Федин. Братья), *“Чичиков налил из первого графина.. – Нектар! – сказал он. Могу сказать, что у вашего зятя, Константина Федоровича, пил первейшую наливку, а у вас – первейший квас.”* (Гоголь. Мертвые души).

Возможна также контактная сенсбилизация лексем, каждая из которых, в свою очередь, осложнена положительно-оценочными определениями (речевыми и языковыми прагмемами): *“Творец тебя мне ниспослал, моя мадонна, чистейшей прелести чистейший образец.”* (Пушкин. Мадонна); *“Господин управляющий стал крепко докучать: – Ты писаная кралячка, ты наливная ягодка.”* (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо).

Лексические единицы с языковым положительно-оценочным значением могут взаимодействовать с речевыми прагмемами: *“Мужики загремели: – Кормилец, дождались мы тебя! Бабы заголосили: – Золото, серебро ты сердечное!”* (Гоголь. Мертвые души); *“Золотенький ты мой, дорогунчик! На пряничек! – бормотала Шурка.”* (Смирнов. Открытие мира); *“– И отлично. Гостиница у вас первейшая. Париж и Лондон.”* (Короленко. Павловские очерки).

Характерное для функционирования лексики с положительной эмоциональной оценкой явление представляет собой особое эмоционально-оценочное согласование (*‘согласование представлений’* (Потебня 1958:74), *‘оценочная гармония’* (Киселёва 1978:114), *“объединение слов по эмоционально-экспрессивным признакам”* (Бельчиков 1977:63), реализуемое дистантными (языковыми и речевыми) сенсбилизаторами: *“– Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!”*(Шукшин. Материнское сердце) (сочетание словообразовательных и собственно-лексических средств выражения ласкового отношения), *“Словно из мягкой, душистой мглы, выступал пленительный облик (Ирины), поднимались лучистые ресницы – и тихо, и неотразимо врезались ему в сердце волшебные глаза.”* (Тургенев. Дым) (сочетание речевых и языковых средств выражения восхищения), *“– Этакая роскошь! Жизнь бы отдал! Глаза, плечи, ножки, в лиловых чулочках, огонь-баба!.. Что говорить, шикарная женщина! Замечательно шикарная!”*(Чехов. Перпетуум мобиле) (сочетание лексических средств выражения восхищения со словообразовательными средствами выражения ласкового отношения в единстве с экспрессивными высказываниями *жизнь бы отдал, что говорить*).

На материале положительно-оценочной лексики наблюдается 'цепочечное' усиление оценки (Киселёва 1978:115): "(Первый студент:) **Какой вечер превосходный!** (Кисельников:) **Удивительный вечер! Воздух какой! Что за нега!**" (А. Островский. Пучина), "**Марко Данилыч причмокнул от удовольствия** и молвил: – **Уха знатная-то! Бесподобная** – подтвердил Зиновий Алексеич, а Татьяна Андреевна сказала, что **от роду такой чудесной ухи не едала.**" (Мельников-Печерский. На горах), "**Отлично! Молодцом! Вот так пари! Чорт вас возьми совсем!** – кричали с разных сторон." (Толстой. Война и мир), "(Лисавский:) **Послушай, Сенечка! А ведь ты хорош, ей-богу, хорош. Ведь ты себе цены не заешь. Погляди-ка ты на себя. Ведь это идеал мужчины! Аполлон, Аполлон, просто Аполлон!**" (А. Островский. Утро молодого человека) (цитаты иллюстрируют нарастание положительной эмоциональной оценки к концу высказывания).

В роли сенсibilизаторов могут также выступать

- а) фразеологические единицы: "– **Разговоришься (с ним) – ума палата, министр – все обсудит как должно.**" (Толстой. Воскресение), "(Я) был, можете себе представить, **молодец-молодцом, кровь с молоком, красавец-мужчина, одним словом.**" (Чехов. То была она);
- б) сравнительные обороты: "**Чудесный, как музыка, нежный, обольстительный** голос Валентины Васильевны проговорил из таинственной темноты." (А.Н. Толстой. Егор Абозов) и др.¹⁰

Среди контактных сенсibilизаторов на уровне словосочетания необходимо отметить определение оценочной лексемы той же лексемой

- а) в родительном падеже с предлогом из: "**Ну что за очарование вход по Днепру к Херсону! Волшебство из волшебств!**" (Мусоргский. Письма); "– **Выпьем за жизнь, милый брат!.. За жизнь и за одну царицу из цариц.**" (Достоевский. Братья Карамазовы); "**Один из гидропланов, это чудо из чудес человеческого разума.**" (Новиков-Прибой. Подводники); "**Руслан не только лучшая опера Глинки, но вообще лучшая из всех опер, опера из опер, царь-опера.**" (Чайковский. Статьи);

¹⁰ Принцип сравнения с формированием оценочного значения (вне переносного значения) обуславливает отнесение к периферии эмотивной семантики, но не отрицает принадлежности к ЛТГ, определяющей вторичную оценочность (ЛТГ творчества).

- б) в родительном падеже без предлога: *“Стремов и Лиза Меркалова – это сливки сливок общества.”* (Толстой. Анна Каренина); *“Велика масса честных и добрых людей, а таких людей (как Рахметов) мало; теин в чаю, букет в благородном вине; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли”* (Чернышевский. Что делать);
- в) определение существительного прилагательным с аналогичной семантикой: *чудо чудное, диво дивное* (принцип особой выделенности): *“Вот волшебник так волшебник! Всем волшебникам волшебник, у него там всего есть”* (Шукшин. Как заяка летал)¹¹.

Необходимо отметить сочетания определительного местоимения *сам* с абстрактными существительными, обозначающими положительно-оцениваемое понятие, используемые при оценке лица, предмета: *само* (совершенство, мастерство, изящество, поэзия и т.п.): *“Она стояла перед ним, сама красота.”* (Мамин-Сибиряк. Хлеб).

Высшая степень выражения положительной эмоциональной оценки может подкрепляться речевыми сенсбилизаторами: *“Роскошные, чудные, изумительные глаза, каких я не видел ни у одной женщины.”* (Чехов. Три сестры), *“Ты сегодня просто восхитительна до невероятности, Оля, – сказал я, невольно залюбовавшись ею.”* (Салтыков-Щедрин. Брусин).

Сенсбилизация оценочной семантики осуществляется также за счет сочетания лексем с определительными наречиями *так*, как: *“Островки, дети – всё так ярко, так обворожительно, фантастически прекрасно!”* (Гончаров. Фрегат “Паллада”), *“Посмотрите только, как прекрасна, как обольстительна жизнь?”* (Куприн. Поединок), *“Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!”* (Гоголь. Сорочинская ярмарка), *“Как упоительны в России вечера!”* (Песня).

Среди разноуровневых взаимных сенсбилизаторов следует выделить особые лексико-синтаксические конструкции, попадая в которые, лексемы с положительной эмоциональной оценкой усиливают воздействующую силу (прагматические модели предложений *Ай да молодец! Ай да умница! Ай да красавец!* Киселёва 1978:113). Отнесение данных конструкций к положительно-оценочным возможно на том основании, что при введении в них лексем, могущих быть

¹¹ см. также: *верх совершенства: “Об вас столько пишут; ваши портреты, говорят, верх совершенства.”* (Гоголь. Портрет),

оцененными, но не обладающих собственной оценочной семантикой, высказывание в целом выражает положительную эмоциональную оценку (случаи типа *Ай да человек! Вот Андрей так Андрей! Всем собакам собака!*).

К подобным конструкциям относятся:

- а) *Ай да* + существительное в именительном падеже: *Ай да лапушка! Ай да прелесть! Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!*;
- б) *Вот так, вот это* + существительное в именительном падеже: *Вот так королева! Вот это волшебник!*;
- в) *Вот* + существительное в им. падеже + *так* + то же существительное в именительном падеже: *Вот мастер так мастер! Вот молодец так молодец!*;
- г) *Ещё какой* + существительное в именительном падеже: *Еще какая прелесть! Еще какое чудо!*;
- д) *Каков (какой)* + существительное в именительном падеже: *“Каков молодец! не струсил, ей богу, не струсил.”*(Пушкин. Дубровский);
- е) *Да еще, ведь, страсть какой* + прилагательное в именительном падеже: *Да ещё какой чудесный, ведь замечательный!*; *“Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор, какой превосходный человек!”*(Гоголь. Мертвые души), *“Если б вы знали, с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!”* (Чехов. Дама с собачкой);
- ж) *Ну и (уж, ж – редко)* + лексема (существительное в именительном падеже, наречие) с положительной эмоциональной оценкой (*Ну и прелесть! Ну и волшебница! Ну уж артист! Ну замечательно!*);
- з) *Что за* + существительное в именительном падеже (*“Что за прелесть эта Наташа!”* (Толстой. Война и мир), *“(Вершинин:) Если б не солдаты, то сгорел бы весь город. Молодцы!.. Золотой народ! Ах, что за молодцы!”* (Чехов. Три сестры);
- и) *То-то* + существительное в именительном падеже (*То-то чудо! То-то замечательно!*), реализующие эмоциональную оценку в позиции предиката с обязательным наличием восклицательной интонации. Рассмотренные конструкции представляют собой сочетания с определительными местоимениями, междометиями, модальными частицами.

Возможно также сочетание нескольких разноуровневых сенсбилизаторов: *“(Дон Гуан:) Каким он здесь представлен испоином! Какие плечи! Что за Геркулес!”*(Пушкин. Каменный гость), *“Какое богатство имен! Какое блистательное созвездие талантов!”* (Белинский. Статьи), *“– Что это у вас за*

ангелочек эта Адочка, что за прелесть!"(Тургенев. Дворянское гнездо), отражающее прагматическую избыточность.

Реализация оценочной семантики (лексем, не обладающих собственной оценочной семантикой) только за счет синтаксической позиции часто бывает недостаточна, что ведет к включению лексем с оценочной семантикой: "(Николай Наташе:) – *Поди выбери Денисова. Вот танцует! Чудо!*"(Толстой. Война и мир), "*– Мне житье пеперь ... мне житье. Малина! Умирать не надо.*"(А. Островский. Горячее сердце).

Регулярное возникновение в речевых реализациях иронической оценки: 'вот так... (разг. ирон.)' (СО:90), 'ай да ... (чаще ирон.)' (СУ 1:19) определяется явлением транспозиции (см. 4.4) и обусловлено изменением коммуникативного намерения субъекта оценивания: "*– Ну бал! Ну Факсов! Умел гостей созвать! Какие-то уроды с того света.*" (Грибоедов. Горе от ума).

Частицы и междометия, включаемые в контекст наряду с приведенными выше конструкциями, выполняют роль сенсibiliзаторов и дифференциаторов оценочной семантики (в отличие от семантики удивления).

Среди других синтаксических позиций, сенсibiliзирующих семантику выражения положительной эмоциональной оценки, следует особо отметить восклицательные предложения с оценочными единицами в позиции предиката: "*– Молодец, доктор! Молодчина! Хвалю, друг!*" (Чехов. Перпетуум мобиле); "*Все окружили ее, поздравляли, изумлялись, уверяли, что давно уже не слышали такой музыки. – Прекрасно! Превосходно!*"(Чехов. Ионыч); "*(Лаура:) Подайте же гитару. (Поет. Все:) О, браво! браво! чудно! бесподобно!*"(Пушкин. Каменный гость), максимально ёмко передающие эмоциональное отношение субъекта оценки.

Наиболее частотно сенсibiliзируется оценочная семантика единиц, выражающих такие виды положительной эмоциональной оценки, как ласковое отношение и восхищение, что определяется их более экспрессивным характером по сравнению с дружелюбным отношением и одобрением. Восхищение как вид положительной эмоциональной оценки, в свою очередь, само представляет собой пример сенсibiliзации оценочной семантики (одобрения).

4.3 Эмоционально-оценочная транспозиция лексических единиц

Под эмоционально-оценочной транспозицией нами понимается *“употребление эмоционально-оценочных слов с оценочным знаком, противоположным их узуальной эмоциональной оценке”* (Киселёва 1978:130).

Столкновение отрицательно-оценочных актуализаторов со словами, обладающими положительной эмоциональной оценкой, порождает ироническую оценку лексем (Киселёва 1978:120; Ким 1966:42-47): *“(Анна Павловна:) Надо радоваться, что можем освободиться от такого дурного человека, освободиться от такого золота.”* (Толстой. Живой труп), *“Тут был однако цвет столицы, и знать, и моды образцы, везде встречаемые лица, необходимые глупцы.”* (Пушкин. Евгений Онегин), *“(Сизову) казалось, что товарищи посмеиваются над неумелостью новичка: дескать, открыл бригадир сокровище.”* (Полевой. Горячий цех).

Актуализация иронической оценки может осуществляться на уровне высказывания, реализуясь в рамках более широкого контекста: *“(Чубуков:) Уж коли на то пошло, милаша моя, ежели вы намерены оспаривать Лужки и прочее, то я скорее подарю их мужикам, чем вам.”*(Чехов. Предложение), *“Жить на положении воспитанницы, да еще с таким золотом, как Софья Львовна – тоже подумать надо!”* (Чехов. Володя большой).

Возникновение иронической оценки не трансформирует систему общественно-одобряемых ценностей, изменяется лишь признак, по которому оценивается адресат, с положительного знака оценочности на отрицательный: *“– Ай да соколёна, – говорили многие, по преимуществу дамы, – не успел еще бросить один, а она уже нашла другого.”* (Писемский. Боярщина) – оценивается не привлекательность и красота, а предосудительность поведения; *“Эта толстая женщина назвала ее птичкой, красоткой.. почему не прямо куколкой.”* (Тургенев. Новь) – оценивается неуместность употребления положительно-оценочных слов с позиции субъекта речи (но не с позиций субъекта оценки).

Определяющим фактором идентификации оценочной семантики является коммуникативное намерение субъекта оценки (см. ‘целенаправленность текста’ (Киселёва 1978:120)), для реализации которого используются языковые (и, в частности, лексические) средства.

При выражении сомнения, недоверия, отрицания в признании за адресатом оценки возможности обладания положительно-оцениваемыми качествами используется ироническая оценка, реализуемая лексемами с узуальной положительной эмоциональной оценкой в отрицательно-оценочном контексте, с особой интонацией.

Принцип коммуникативной установки обуславливает дифференциацию 'иронического одобрения', 'дружелюбной иронии'. В отношении данного вида иронии справедливо утверждение о том, что *"прагмемы с отрицательной эмоциональной оценкой лишь бросают отблеск на слова с положительной эмоциональной оценкой, не вытесняя последней полностью"* (Киселёва 1978:120) и иронического отношения, не смягченного положительно-оценочным фоном, при котором узуальное значение лишь подчеркивает степень иронии субъекта оценки.

Ироническая оценка способна также трансформироваться в шутивное отношение: *"Мы были уже **столпами** его лаборатории: Ганьшин стал начальником расчетного бюро, а я был произведен в чин главного конструктора."* (Бек. Жизнь Бережкова), снижающее семантику важности, значительности.

При возникновении в речевых употреблениях других отрицательно-оценочных значений различаются случаи оценочной энантиосемии многозначных слов (*"оценка – источник энантиосемии"*) (Новиков 1973:188-189; Киселёва 1978:59-60; Матвеева 1986:24) и речевые значения, определяемые контекстом в целом, в результате чего реализуется семантика укоризны: *"Бабушка с упреком взглянула на меня. – Знать тебе это ни к чему, **роднуша**"* (Гладков. Повесть о детстве), пренебрежения: *"Что, у тебя мать дура или пьяная какая, что не умеет выбрать тебе жениха. **Царица** какая!"* (Герцен. Кто виноват).

При отсутствии близких отношений между адресатом и субъектом оценки, нарушении социальной иерархии также используется ироническая оценка: *"(Мавра Тарасовна:) Это ты что же, **миленькая**, с кем так разговариваешь?"* (А. Островский. Правда – хорошо...).

Функция выражения иронической оценки лексическими единицами с языковой положительной эмоциональной оценкой фиксируется в толковых словарях недостаточно регулярно и системно; ироническая оценка смешивается с другими видами отрицательной эмоциональной оценки (*голубчик* – // обращение в значении

мой милый, дорогой мой в ирон. смысле. *Ага, попались, голубчики!* (СУ 1:592), “//С оттенком порицания, угрозы, злорадства.” (БАС), фиксируются необоснованные (неосновные) характеристики: *ангелочек* – ‘иронически говорят о красивой, но недалекой девушке (устар.)’ (БАС), при большинстве лексем с положительной эмоциональной оценкой отсутствуют помета *ирон.* либо указание на ироническую оценку в толкованиях слов (“*Ты что же думаешь, голубь*, – сказал Трунов, пряча в карман документы, – я буду за тобой таскать всю канцелярию?” (Первенцев. Испытание)). Речь идет не о лексемах, утративших положительную эмоциональную оценку (*благодетель, столп, служака* и др.) и выражающих только ироническую оценку, а о системном выражении лексемами с языковой положительной эмоциональной оценкой речевой иронической оценки.

Речевая ироническая оценка способна возникать не только на уровне лексемы, но также на уровне суффиксальных оценочных образований: лексических единиц с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами (Киселёва 1978:121); определяющим фактором здесь также является интенция субъекта оценки.

Таким образом, значение конкретного речевого употребления может быть выявлено только в результате учета коммуникативного намерения субъекта оценки, значения контекста в целом, реализуемого в актуализаторах иронической оценки; при отсутствии этого возможно непонимание, обусловленное оценочной омонимией.

Выбор в качестве объекта исследования лексики, выражающей узкую положительную эмоциональную оценку, определяет ограниченность рассмотрения явления, обратного иронической оценке – “*грубоватого одобрения с оттенком фамильярности*” (Киселёва 1978:119) примерами энантиосемии многозначных слов.

К лексемам с первичным отрицательно-оценочным значением, способным выражать положительную эмоциональную оценку, относятся лексические единицы ЛСГ ‘ловкий человек: *шельма* – 2. *Плут, пройдоха, ловкий человек* (обычно употребляется как выражение одобрения, восхищения)’ (БАС), // С особой интонацией употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.’ (МАС), *шельмец, шельмёнок*: “(Прохор:) Я сам читал про греческую войну, про Одиссея.. Вот, брат, *шельма* был Одиссей! **Врал замечательно!**” (Горький. Васса Железнова), *штукарь*: “(Щербук:) И отец твой был **молодец!** **Штукарь он был!** Теперь таких и нет **проказников.**” (Чехов. Пьеса без названия). В данных примерах изменяется лишь

оценка с общепринятой отрицательной на положительную, денотативное содержание 'плут, проказник' при этом не изменяется.

В то же время признак 'ловкости' в связи с диффузностью денотативного содержания обуславливает возникновение значения 'мастерства в каком-либо деле': "– И где это ты, *дьявол*, насобачился так ловко горло драть?.. Пел у нас один на "Костенкине" матросик, надо правду сказать, что форменно шельма, пел.. да все не так забористо." (Станюкович. Человек за бортом) (ср. речевую антонимию интенсивности признака: шельма – дьявол.), "(Оперный театр) построен был англичанином Мадоксом, якобы профессором Кембриджского университета, а вместе с тем хитроумным *штукарем*, механиком, фокусником, режиссером." (Луначарский. О театре), которое может фиксироваться в лексикографическом описании: *штукарь* – 1. Разг. Тот, кто искусен в чем-либо, ловко, умело делает что-л.' (БАС).

Расширение сферы приложимости выявляется также при оценке адресата данными лексемами по другим положительно-оцениваемым признакам: хорошей памяти, красоте: "У него, *шельмеца*, память на цитаты очень развита." (Горький. О первой любви); "Ну и вправду сказать: форменный мужчина. Красив, *шельмец*." (Станюкович. На ночных вахтах).

В рассмотренных примерах первоначальная отрицательно-оценочная оценка как бы просвечивает сквозь наслоившуюся речевую положительную эмоциональную оценку (Киселёва 1978:119), в связи с чем субъективное отношение (шутка, ирония) взаимодействует с общественно-одобряемым вторичным денотативным содержанием, что и определяет фамильярный, грубоватый характер одобрения.

Выявленные семантические процессы характерны и для лексических единиц, принадлежащих согласно первичной семантике к ТГ наименований отрицательных мифологических сил (персонажей): *бес* – 'О проворном, ловком, быстром в движении человеке и животном.' (БАС), "*Потише, сударь, ради бога потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом.*" (Пушкин. Капитанская дочка), 'Переносно: об умном, находчивом человеке.' (БАС); *чёрт* – 3. Перен. Разг. О ком-н. очень смелом, сильном, умелом, ловком и т.п.' (БАС), *чертяка* – 2. С особой интонацией употребляется как выражение одобрения, восхищения кем-л.' (МАС); "– Здорово, *чертяка*, – улыбаясь, подавал Павке руку Сережа." (Н. Островский. Как закалялась сталь), *дьявол* – 'О человеке, обладающем необычайной силой, ловкостью, красотой и т.п." (БАС), *дьяволенок* – "Ах, *дьяволята!*..

Выкомаривают.. – Красиво заманивают.” (Шукшин. Залётный). Здесь же должен быть рассмотрен ЛСВ *собака* – 3. Перен. Прост. О знающем, ловком, искусном в каком-либо деле человеке, знатоке своего дела. /Употр. при выражении удивления, восхищения чём-л.”(БАС): *“Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про Луну-то так знает?”*(Шукшин. Срезал). (ср.: *собака* – ‘О злом, жестоком, дурном и т.п. человеке. /Бранно.’(БАС)).

Анализ словоупотреблений позволил сделать вывод о стремлении данных единиц к выражению собственно-оценочной семантики, наряду с характеристикой ловкости они могут оценивать адресата по признакам ума, смелости, таланта, красоты» мастерства в чем-либо и т.п. Набор признаков, обусловлен первичной образной семантикой, в связи с чем невозможна оценка адресата по признакам кротости, вежливости и т.п.

Собственно-оценочная семантика определяет валентностные особенности, свойственные лексемам с положительной эмоциональной оценкой (типа *мастер*): участие в качестве опорного компонента в конструкциях:

- а) *бес* (чёрт, собака) на что-н.. в чем-либо. по чему-либо: *“Да ты бес на выдумки! Я и сам не промах, а мне бы век этого в голову не пришло.”* (Крылов. Пирог), *“У нас простой народ, желая похвалить кого-нибудь за удалство, обыкновенно говорит: он чёрт на всё!”* (Белинский. Статьи), *“Ведь тоже и по бумажным делам такая собака. Из других станиц приезжают к нему бумаги писать.”* (Толстой. Казаки);
- б) *бес* (чёрт, собака) + инфинитив (работать, плясать, хлопотать и др.);
- в) в сравнительных конструкциях *как чёрт* (смел, умен, красив и т.п.): *“Витька был смел, как чёрт.”* (А.Н. Толстой. Гадюка), *“Но кларнетист красив, как чёрт”* (Окуджава. Надежды маленький оркестрик);
- г) в синтаксической модели *не ..., а...: “– А московская наша полиция чёрт, а не полиция, коли захотелось человека достать, и в преисподней его достанет”* (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы); *“Лучший комический актер здесь Щепкин: это не человек, а дьявол, вот лучшая и справедливейшая похвала его.”* (Белинский. Письма).

4.4 Выводы

Глава 4 *Синтагматическая характеристика лексики с положительной эмоциональной оценкой* посвящена анализу функционирования оценочной лексики в текстах художественной литературы (на уровне словосочетания и предложения). Рассмотрены основные синтаксические позиции, в которых используется данная лексика, особенности семантики лексем с конструктивно обусловленным значением, явления сенсбилизации и эмоционально-оценочной транспозиции языковых единиц.

Среди синтагматических особенностей лексики с положительной эмоциональной оценкой следует отметить обусловленность выражения ласкового и дружелюбного отношения синтаксической позицией обращения, при этом полностью деактуализируются номинативные компоненты значения, что отличает указанные виды эмоциональной оценки от одобрения и восхищения. Особое место позиция обращения занимает при выражении дружелюбного отношения, актуализируя взаимодействие субъекта оценки с адресатом как лиц, не связанных дружескими отношениями. Синтаксической позицией, наиболее характерной для выражения семантики одобрения и восхищения, является позиция предиката. Обосновано положение о тенденции лексем с собственно-оценочным значением восхищения к междометным словам (*блеск, красота, шик* и др.), представляющим в функционировании особый тип слов-предложений с восклицательной интонацией. В функции сказуемого используются также наречия, образованные от прилагательных, выражающих восхищение, которые оценивают ситуацию в целом (*Великолепно! Потрясающе! Грандиозно!*). Таким образом, подтверждена закономерность сенсбилизации оценочной семантики не только лексическими значениями единиц, но и определённой структурой предложения (типом предложения).

Оценочные единицы могут употребляться в позиции приложения, в непредикативных позициях (никогда не выступая при этом в роли 'первого предъявления' субъекта без предшествующих конкретизаторов), сопровождаемыми необходимыми актуализаторами оценочной семантики, а также в сравнительных конструкциях (*как огурчик, как игрушка*).

Выявлены имена прилагательные, выступающие в роли определения лексем, обозначающих нейтральные понятия, способные быть предметом оценки; при этом регулярно реализуется семантика положительной оценочности (бесподобная вещь, уникальный человек). В сочетании с существительными, обладающими собственными оценочными значениями, данные прилагательные выступают в роли сенсibilизаторов (*бесподобный мастер; бесподобный негодяй*). Существительные, обозначающие нейтральные понятия, в позиции предиката также могут актуализировать оценочные значения 'настоящий, соответствующий лучшему образцу': *Это – вещь! Вот это – человек!* в определённом типе предложений.

Представлена дифференциация лексических единиц с собственно- и номинативно-оценочной семантикой, оценивающих предмет, предмет и адресата, адресата, ситуацию в целом. Выявлены синтаксические конструкции (*не..., а...* и др.), в которых наиболее часто реализуется семантика одобрения и восхищения. В результате анализа цитатного материала определены цели коммуникативных потребностей при положительном эмоциональном оценивании.

Представлено рассмотрению явление сенсibilизации (усиления оценочной семантики) на уровне отдельного слова, словосочетания, предложения, определены основные лексические и словообразовательные, языковые и речевые сенсibilизаторы, типичные лексико-грамматические конструкции. На примере положительно-оценочной лексики подтверждено положение об 'оценочной гармонии' и 'цепочечном усилении'. Явление сенсibilизации признается одним из определяющих факторов использования оценочных единиц, отражающем тенденцию 'прагматической избыточности'.

Предложено описание явления эмоционально-оценочной транспозиции, при этом на материале эмоционально-оценочной энантиосемии подтверждено положение о выражении лексемами с первичным отрицательно-оценочным значением во вторичных значениях грубоватого одобрения (с возможными созначениями шутки, дружелюбной иронии): *шельмец, чертяка* и др., а лексемами с положительной эмоциональной оценкой – иронической оценки как регулярной речевой оценки. Следует отметить неизменяемость системы общественных ценностей при выражении иронической оценки, а также определяющую роль коммуникативного намерения при идентификации оценочной семантики в контексте (речи).

5. Заключение

В рамках коммуникативной лингвистики, возникшей в зоне пересечения собственно лингвистики с социолингвистикой и теорией речевого воздействия, осуществлено описание лексики с положительной эмоциональной оценкой в современном русском языке. *Эмоциональная оценка* определяется как отражение эмотивного мышления при реализации экспрессивной функции языка, обуславливающей эффект воздействия. Данное теоретическое положение позволяет уточнить взаимоотношение категорий *Экспрессивность*, *Эмоциональность* и *Эмоциональная оценочность*: все эмоционально-оценочные единицы экспрессивны. Эмоционально-оценочными признаются единицы, у которых прагматически компонент находится в коннотативном лексического значения.

На основе философских, психологических и лингвистических предпосылок выделена эмоциональная оценка как вид речевого воздействия; определены критерии выявления эмоционально-оценочных единиц. В качестве критерия возникновения эмоциональной оценки на лексическом уровне предложена значимость внутренней формы лексических единиц (семантическая и словообразовательная мотивированность). Подтверждена гипотеза, что возможно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание; другими словами, *Эмоциональная оценка* может быть определена через её компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных.

Компонентами *Эмоциональной оценки* являются:

- метафорическая образность (наличие переносного значения на основе чувственной наглядности (образности метафорического характера) обуславливает отнесение к эмотивно-оценочным единицам);

- интенсивность выражаемого признака;
- звуковая образность (значимая звуковая форма при отсутствии денотата (десигната) также обуславливает отнесение к эмотивно-оценочным единицам (примеры отрицательной эмоционально оценки: *абракадабра, лажа*);
- словообразовательные аффиксы, обладающие собственным оценочным значением.

Использование данные критериев позволило дифференцировать 4 разновидности положительной эмоциональной оценки: *ласковое отношение* (разница по сравнению с дружелюбным отношением – характер эмоционального отношения и интенсивность), *дружелюбное отношение, одобрение* и *восхищение* как высшая степень одобрения (разница по сравнению с одобрением – интенсивность); при этом дружелюбное отношение как вид положительной эмоциональной оценки выделяется впервые.

Рассмотрение средств выражения модификаций положительной эмоциональной оценки осуществлено с позиций соотнесения номинативного и оценочного компонентов значения слова единиц, заключающих оценку в собственной семантике лексемы (ЛСВ слова); различия единиц первичной и вторичной номинации; учета словообразовательной структуры и частотной синтаксической позиции, лексико-грамматической конструкции; коммуникативных интенций субъекта оценки.

Представлено описание парадигматической организации лексических единиц (существительных и прилагательных), выявлена их лексико-семантическая и тематическая отнесенность. Определены ЛСГ и ЛТГ слов, системно и регулярно развивающихся на основе семантических представлений, закрепленных в сознании языкового коллектива за первичными наименованиями, вторичные положительные эмоционально-оценочные значения. Отмечена тенденция развития лексическими единицами с номинативно-оценочной семантикой производных собственно-оценочных значений и тяготение данных собственно-оценочных единиц к уровню восхищения и ласки; указанная закономерность подтверждается функционированием единиц в тексте (речи), наличием специальных лексико-грамматических конструкций. Собственно-оценочное значение создается на основе номинативно-оценочной семантики того же оценочного знака. При этом деактуализируется номинативный компонент значения и расширяется сфера

приложения лексических единиц, способных квалифицировать предмет оценки по ряду положительно-оцениваемых признаков. На основе учета семантики основ слов, взаимодействующих с суффиксами выражения ласкового отношения, дифференцированы собственно-ласкательные и уменьшительно-ласкательные суффиксы; ведущим принципом их идентификации в речи признан фактор коммуникативного намерения субъекта оценки.

Выделены ЛТГ (лексико-тематические группы), определяющие возникновение вторичной положительно-оценочной семантики на основе тематической отнесённости первичной семантики лексем; определены сквозные семы ('волшебного', 'небесного', 'блеска', 'сказочного', 'сладкого' и др.), обуславливающие существование оценочных квазистереотипов (*ангел, чудо, царь, волшебный, малина, конфетка, золото, солнце, звезда, душа, блеск, рай, сахар, свет, сладость, первый, светлый, сердце, чудо* и др.); выявлена зависимость переосмысления первичной семантики (первичная семантика – признак переосмыслен – вторичное оценочное значение: *железный – крепкость – железный характер*). Материал фразеологии, сленга и окказиональных употреблений подтверждает открытый характер выделенных ЛТГ, продуктивность формирования оценочной семантики лексических единиц в рамках процессов порождения русской речи: *все в шоколаде* – 'все отлично' в московском сленге.

Практически подтверждены выводы об антропоцентризме как принципе отбора единиц для выражения эмоциональной оценки (первичной и вторичной номинации), о типичности выражения эмоциональности в русском языке, о прагматической избыточности как факторе функционирования единиц речевого воздействия, о сенсбилизации оценочной семантики не только лексическими значениями единиц, но и определенной структурой предложения (типом предложения) При характеристике синтагматического аспекта отмечается обусловленность выражения ласкового и дружелюбного отношения позицией обращения при деактуализации номинативного компонента значения, выражения одобрения и восхищения – позицией предиката. Обосновано положение о тенденции лексем с собственно-оценочным значением к междометным словам. Выявлены виды положительной эмоциональной оценки с повышенной силой воздействия: ласковое отношение и восхищение.

Библиография

- Ammer (1958): Ammer K. *Einführung in die Sprachwissenschaft*. Bd.1. Halle (Saale).
- Bally (1955): Балли Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка*. Москва. trad. de Bally, C. (1932) *Linguistique générale et linguistique française*. Berne: Francke
- Bally (1961): Балли Ш. *Французская стилистика*. Москва. Bally (1961): Балли Ш. *Французская стилистика*. Москва. Bally, Charles (1951) *Traité de stylistique française* Genève : Georg.
- Bertrán, Mena, Lozano (1997): Bertrán A., Mena E., Lozano W. *Léxico y fraseología. El perro y el color negro, o el componente valorativo en los fraseologismos*. Granada.
- Black (1962): Black M. *Models and Metaphors / Studies in Language and Philosophy*. New York.
- Calvo (1990): Calvo A.G. *Hablando de lo que habla: Estudios de lenguaje*. Madrid.
- Casares (1942): Casares J. *Diccionario ideológico de la lengua española*. Barcelona.
- Casares (1958): Касаpec X. *Введение в современную лексикографию*. Москва. Casares (1950) *Introducción a la lexicografía moderna*. Madrid: Revista de Filología Española, anejo LI.
- Charleston (1960): Charleston B.M. *Studies in the emotional and affective means of expression in modern English // Swiss studies in English*. 46 Band. Bern.
- Crystal (1997): Crystal D. *A Dictionary of Linguistics and Fonetics*. Blackwell Publishers 4 ed.
- DRAE (1992) *Diccionario de la lengua española*, por la Real academia española. Madrid.
- Ettinger (1989): Ettinger S. *Einige probleme der lexikographischer Einheiten (Französisch-Deutsch) / EUROPHRAS 88. Phraséologie Contrastive*. Actes du Colloque Internacional Klingenthal-Strasbourg. 12-16 mai 1988. Estrasburgo. 95-115
- Fillmore (1981): Fillmore Charles J. *Pragmatics and the description of discourse. Radical Pragmatics*. New York. 143-166.

- Fillmore (1983): Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // *Новое в зарубежной лингвистике*. 12: 74-120.
- Gläser (1986): Gläser R. *Phraseologie der englischen Sprache*. Tübingen, Max Niemeyer.
- Kainz (1941): Kainz F. *Psychologie der Sprache*. Bd. I. Stuttgart.
- Kühn (1984): Kühn, P. Pragmatische und leksikographische Beschreibung phraseologischer Einheiten: Phraseologismen und Routinenformeln, en H.E. Wiegand (ed.), 1984b, 175-235.
- Künl (1983): Кюнль Р. О некоторых основных вопросах коммуникативно-функционального описания русского языка как иностранного // *Обучение иностранцев общению на русском языке. Теория и методика*. Ленинград. 5-9.
- Lakoff (1987): Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, University of Chicago Press.
- Lakoff, Johnson (1980): Lakoff G. - Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press
- Morris (1955:) Morris Ch. W. *Signs, language and behavior*. New York.
- Morris (1983): Моррис Ч. Основание теории знаков // *Семиотика*. Москва.
- Ogden, Richards (1936): Ogden C. A., Richards J. A. *The meaning of meaning*. London.
- Palm (1989): Palm C. *Die konnotative Potenz usueller und okkasioneller Phraseologismen und anderer festgeprägter Konstruktionen in Christa Wolfs Roman Kindheitsmuster / EUROPHRAS 88. Phraséologie Contrastive. Actes du Colloque International Klingenthal-Strasbourg. 12-16 mai 1988. Estrasburgo. 313-326.*
- Pastor (1996): Gloria Corpas Pastor. *Manuel de fraseología española*. Gredos. Madrid.
- Restrepo (1946): Restrepo P.F. *Diseño de semántica general. El alma de las palabras*. Bogota.
- Richards (1925): Richards J. A. *Principles of literary criticism*. New York.
- Richmond (1996): Richmond Yale. *From Nyet to Da: Understanding the Russian*. International Press, INC.
- Roos (1985): Roos E. Kontrastive Überlegungen zur deutschen, englischen and französischen Idiomatik / *Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht* 56 (2), 74-80.
- Rosch (1978): Rosch, E. H. Principles of categorization. In: E. Rosch & B. Lloyd, eds., *Cognition and Categorization*. Hillsdale, N.J.. 27-48.
- Saussure (1916): Saussure Ferdinand de. *Cours de linguistique générale*. Paris.
- Searle (1969): Searle John R. *Speech acts*. Cambridge.
- Searle (1976): Searle J. *Speech acts: An essay in the philisophy of language*. Cambridge.
- Searle (1979): Searle, John R. *Expression and meaning*. Cambridge.

- Stevenson (1964): Stevenson Ch.L. *Facts and values: (Studies in ethical analysis)* New Haven; London.
- Stevenson (1985): Стивенсон Ч. *Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике.* 16. Москва.
- Tolstaya (1990). Tolstaya Tatyana. *Notes from Underground.* New York Review of Books 37.
- Vendler (1960): Вендлер З. *О слове // Новое в лингвистике.* Москва.
- Vendler (1981) Вендлер З. *О слове good // Новое в зарубежной лингвистике.* 10. Москва. 531-554.
- Wierzbicka (1972): Wierzbicka A. *Emotion. Semantic primitives.* Frankfurt.
- Wierzbicka (1980): Wierzbicka A. *Lingua mentalis. The semantics of natural language.* Sydney.
- Wierzbicka (1985). Wierzbicka Anna. *Different cultures, different languages, different speech acts: Polish vs. English.* Journal of Pragmatics 9, 2:145-178.
- Wierzbicka (1991). Wierzbicka Anna. *Cross-cultural pragmatics: The semantic of human interaction.* Berlin: Mouton de Gruyter.
- Wierzbicka (1992): Wierzbicka A. *Defining emotion concepts. Cognitive Science.* 16:539-581.
- Wierzbicka (1996a). Вежбицкая Анна. *Русский язык. // Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари. С. 33-88. Wierzbicka Anna. *The Russian Language.* In: Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantic, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configuration.* New York: Oxford University Press. Ch. 12. P. 395-441.
- Wierzbicka (1996b). Вежбицкая Анна. *Личные имена и экспрессивное словообразование. // Язык. Культура. Познание.* Москва: Русские словари. 1996. С. 89-200. Wierzbicka Anna. *Personal names and expressive derivation.* In: Wierzbicka, Anna. 1992. *Semantic, culture and cognition: Universal human concepts in culture-specific configuration.* New York: Oxford University Press. Ch. 7. P. 225-307.
- Wotjak (1992): Wotjak, B. *Verbale Phraseolexeme in System and Text.* Tibunga, Max Niemeyer.
- Zainouldinov (1997): Zainouldinov A. *Semantics of Images as a Base for Emotional Evaluation in Russian Phraseology (an Attempt at Pragmalinguistic Analysis)* (Образная семантика как основа эмотивно-оценочной отнесенности русской фразеологии (опыт прагмалингвистического анализа)) // Nordlyd – Tromso University Working Papers of Language and Linguistics, #25, Tromso, Norway, 1997. 71-82.
- Zainouldinov (1998): Zainouldinov A. *The Emotional Evaluation in the Vocabulary of Kola Peninsula dialects* (Эмотивно-оценочная лексика говоров Кольского

- полуострова) // *Poliarnyj Vestnik Reports from Tromso University*, #1, Tromso. 58-69
- Zainouldinov (2004): Zainouldinov A. *Léxico con valor emocional positivo en ruso*. DEA. Рук., Барселонский университет.
- Zainouldinov (2004): Zainouldinov A. *Tipología de los diccionarios de la lengua rusa y un sistema de anotación lexicográfica de la expresividad en ellos*. DEA. Рук., Барселонский университет.
- Аглетдинова (1996): Аглетдинова, Г.Ф. О соотношении оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // *Исследования по семантике*. Уфа. 76-84.
- Акишина, Формановская (1978): Акишина А.А., Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев*. Москва.
- Алтайбаева (1986): Алтайбаева Ш.Ю. *Семантика и сочетаемость прилагательных, обозначающих высокую положительную оценку (на материале русского и французского языков)*: Автореферат канд. филол. наук. Ленинград.
- Амосова (1958): Амосова Н.Н. Слово и контекст. *Учёные записки Ленинградского университета. Серия филологических наук*. Ленинград. 42: 3-23.
- Анохин (1957): Анохин П.К. К вопросу о лексическом значении слов. *Вестник Ленинградского университета. Серия истории и литературы*. Ленинград. 2: 3-30.
- Апресян (1974): Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва.
- Аргун (1971): Аргун Л.И. *Предикат не + имя существительное в современном русском языке*: Автореферат канд. филол. наук. Москва.
- Арнольд (1981): Арнольд И.В. *Стилистика современного английского языка*. Ленинград.
- Арутюнова (1976): Арутюнова Н.Д. *Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы*. Москва.
- Арутюнова (1979): Арутюнова Н.Д. *Языковая метафора: Синтаксис и лексика // Лингвистика и поэтика*. Москва. 147-173.
- Арутюнова (1985): Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // *Вопросы языкознания*. Москва. № 3, 13-24.
- Арутюнова (1988): Арутюнова Н.Д. *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва.

- Афанасьев (1994): Афанасьев А.Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. Москва.
- Ахманова (1957): Ахманова О.С. *Очерки по общей и русской лексикологии*. Москва.
- БАС (1948-1965): *Словарь современного русского литературного языка*. Под ред. А. М. Бабкина, С. Г. Бархударова, Ф. П. Филина и др. Москва. Ленинград.
- Беломорец (1975): Беломорец В.П. *Изменения в составе оценочно-характеристической лексики в русском языке советской эпохи: Автореферат. канд. филол. наук*. Днепропетровск.
- Бельчиков (1977): Бельчиков Ю.А. *Лексическая стилистика*. Москва.
- Блинова (1983): Блинова О.И. *Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии*. Новосибирск. 3-11.
- Богуславский (1977): Богуславский В.М. *Прилагательные высокой положительной оценки // Языковая норма и статистика*. Москва. 76-94.
- Болотов (1981): Болотов В.И. *Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности: Основы эмотивной стилистики текста*. Ташкент.
- Бояджиев (1968): Бояджиев Ж. *Езикът като обществено явление*. София.
- Брагина (1982): Брагина А.А. *Лексико-грамматические отношения в группе определение+определяемое*. Москва.
- Брызгунова (1984): Брызгунова Е.А. *Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи*. Москва.
- Будагов (1976): Будагов Р.А. *Человек и его язык*. Москва.
- Буслаев (1959): Буслаев Ф.И. *Историческая грамматика русского языка*. Москва.
- Бухарин (1986): Бухарин В.И. *Коммуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного*. Москва.
- Вайгла (1978): Вайгла Э.А. *Эмоциональная лексика современного русского языка и проблемы её перевода (на русско-эстонском материале): Автореферат. канд.филол.наук*. Москва.
- Васильева (1976): Васильева А.Н. *Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия*. Москва.
- Виноградов (1972): Виноградов В.В. *Русский язык: Грамматическое учение о слове*. 2-е изд. Москва.
- Виноградов (1977): Виноградов В.В. *Основные типы лексического значения слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография*. Москва. 140-161.
- Винокур (1980): Винокур Т.Г. *Закономерности стилистического использования языковых единиц*. Москва.

- Вольф (1985): Вольф Е.М. *Функциональная семантика оценки*. Москва.
- Востоков (1831): Востоков А.Х. *Русская грамматика*. Санкт-Петербург.
- Выготский (1956): Выготский Л.С. *Избранные психологические исследования: Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребёнка*. Москва.
- Гак (1977): Гак В.Г. *Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков)*. Москва.
- Галкина-Федорук (1958): Галкина-Федорук Е.М. *Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию*. Москва. 103-124.
- Грамматика (1970): *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва.
- Графова (1987): Графова Т.А. *Роль эмотивного компонента в семантике слова*. Автореферат канд. дис. Москва.
- Григорьева (2004): Григорьева Т.В. *Семантическая интерпретация концептов свет и тьма в русском языке* АКД Уфа.
- Гридин (1976): Гридин В.Н. *Психолингвистические функции эмоционально-экспрессивной лексики*: Автореферат канд. филол. наук. Москва.
- Денисов (1974): Денисов П.Н. *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*. Москва
- Додонов (1978): Додонов Б.И. *Эмоция как ценность*. Москва
- Долежел (1964): Долежел Л. *Вероятностный подход к теории художественного стиля // Вопросы языкознания 4*.
- Долинин (1978): Долинин К.А. *Стилистика французского языка*. Ленинград.
- Журавлёв (1980): Журавлёв А.П. *Аспекты значения слова и их восприятие // Восприятие языкового значения*. Калининград. 3-10.
- Зайнульдинов (1987): Зайнульдинов А. *Лексика с положительной эмоциональной оценкой и её описание в учебных целях // Русский язык как иностранный: Методика проведения занятий*. Ленинград. 45-51
- Зайнульдинов (1990): Зайнульдинов А. *К вопросу о параметризации ФЕ с мелиоративной эмоциональной оценкой (на основе оценочной семантики компонентов) // Фразеологическая параметризация в Машинном фонде русского языка*. Москва. 52-57.
- Зайнульдинов (1994): Зайнульдинов А. *Система экспрессивных лексикографических помет в русском фразеологическом словаре идеографического типа // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии*. Псков. 42-43

- Зайнульдинов (1996): Зайнульдинов А. *Ироническое использование русской мелиоративной лексики и фразеологии как фактор создания экспрессивности текста* // *Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры*. Оломоуц, Чехия. 26-27
- Зайнульдинов (2000): *Русская эмотивно-оценочная фразеология в лингвокультурологическом аспекте* // *Язык, культура и общение в условиях краткосрочного обучения*. Санкт-Петербург. 296-304.
- Зайнульдинов (2001): Зайнульдинов А. *Эмотивная оценочность городского просторечия* // *Материалы 30 Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Выпуск 5. Секция фразеологии. Санкт-Петербург.
- Зайнульдинов (2002): Зайнульдинов А. *Образная основа эмотивной оценочности* // *Материалы 31 Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*. Секция фразеологии. Санкт-Петербург. 18-21
- Зайнульдинов (2003): Зайнульдинов А, Руис-Соррилья Крусате М. *Эмотивная оценочность фразеологических единиц в зеркале тематической отнесённости компонентов* // *Русское слово в мировой культуре*. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня - 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В.П. Казакова, Н.О. Рогожиной, Е.Е. Юркова. Санкт-Петербург. 530-535
- Зайнульдинов (2005): Зайнульдинов А. *Роль внутренней формы лексических и фразеологических единиц в создании положительной эмотивной оценочности (в печати)*.
- Звегинцев (1957): Звегинцев В.А. *Семасиология*. Москва
- Звегинцев (1973): Звегинцев В.А. *Язык и лингвистическая теория*. Москва.
- Золотова (1982): Золотова Г.А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва.
- Ивин (1970): Ивин А.А. *Основания логики оценок*. Москва.
- Караулов (1976): Караулов Ю.Н. *Общая и русская идеография*. Москва.
- Кацнельсон (1965): Кацнельсон С.Д. *Содержание слова, значение и обозначение*. Москва. Ленинград.
- Ким (1956): Ким Л.Л. *Эмоционально-оценочная лексика русского языка (к вопросу об эмоциональной лексике)* // *Учёные записки Андиганского пединститута*. Андиган. 3: 51-63.

- Ким (1966): Ким Л.Л. Смысловые трансформации слова при ироническом употреблении // *Научные труды Ташкентского университета*. Ташкент, 1966. 229: 42-47.
- Киселёва (1968): Киселёва Л.А. Некоторые проблемы изучения эмоционально-оценочной лексики современного русского языка // *Учёные записки Ленинградского пединститута*. Ленинград. 281: 377-414.
- Киселёва (1969): Киселёва Л.А. О некоторых типах лексического значения слова // *Учёные записки Ленинградского пединститута* Ленинград. 324: 260-275.
- Киселёва (1978): Киселёва Л.А. *Вопросы теории речевого воздействия*. Ленинград.
- Киселёва (1980): Киселёва Л.А. Проблемы коммуникативной лингвистики как научной основы коммуникативной методики // *Русский язык для студентов-иностранцев*. Москва. 19: 5-15.
- Ковтун (1955): Ковтун Л.С. О значении слова // *Вопросы языкознания*. Москва. 5: 65-77.
- Колшанский (1975): Колшанский Г.В. *Соотношение субъективных и объективных факторов в языке*. Москва.
- Кондрашова (1983): Кондрашова О.В. О некоторых особенностях русских характеризующих существительных // *Русский язык как иностранный и методика его преподавания*. Ленинград. 72-77.
- Кондрашова (1985): Кондрашова О.В. *Характеризующие существительные в современном русском языке*: Автореферат канд. филол. наук. Ленинград.
- Костомаров, Митрофанова (1984): Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. *Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам*. Москва.
- КСА (1955, 1966): *Крылатые слова*. Н. С. и М. Г. Ашукиных. Москва.
- КСМ (1890, 1955): *Крылатые слова*. С. В. Максимова. Москва.
- Купина (1983): Купина Н.А. *Смысл художественного текста и аспекты лингво-смыслового анализа*. Красноярск.
- Купина, Скорнякова (1979): Купина Н.А., Скорнякова М.Ф. Коннотативность в семантической группе названий лица // *Классы слов и их взаимодействие*. Свердловск. 92-108.
- Курилович (1962): Курилович Е. *Очерки по лингвистике*. Москва.
- Лаврентьева (1978): Лаврентьева К.Б. О некоторых особенностях категории экспрессивности глагола (на материале говоров Новосибирской области) // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск. 6: 14-24.
- Лаптева (1976): Лаптева О.А. *Русский разговорной синтаксис*. Москва.

- Лисицина (1985): Лисицина Н.А. *Лексико-семантическая группа социально-оценочных прилагательных в современном русском языке*: Автореферат канд. филол. наук. Киев.
- Литвин, Черемисина (1962): Литвин Ф.А., Черемисина М.И. О связи синтаксической функций лексемы с типом её лексического значения (на материале русского, немецкого и английского языков) // *Учёные записки Орловского пединститута*. Орел. Т. 21, 52-6
- Лукьянова (1976): Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск. 5: 4-20.
- Лукьянова (1980): Лукьянова Н.А. О термине экспрессив и о других функциях экспрессивов русского языка // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск. 9: 3-22.
- Лукьянова (1986): Лукьянова Н.А. *Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики*. Новосибирск.
- МАС (1957-1960; 1981-1984; 1999): *Словарь русского языка*. Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва.
- Маслова (2001): Маслова В.А. *Лингвокультурология*. Москва.
- Матвеева (1979): Матвеева Т.В. *Семантические основания экспрессивности глагола (на материале говоров Среднего Урала)*: Автореферат канд. филол. наук. Томск.
- Матвеева (1982): Матвеева Т.В. *Лексическая экспрессивность в русском языке*. Свердловск.
- Мелерович (1979): Мелерович А.М. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка*. Ярославль.
- Мелерович, Мокиенко (1986): Мелерович А.М., Мокиенко В.М. *Русские фразеологизмы: Золотые руки*. // РЯЗР 5:50-53.
- Милославский (1980): Милославский К.Г. *Вопросы словообразовательного синтеза*. Москва.
- Мокиенко (1989): Мокиенко В.М. *Славянская фразеология*. Москва.
- Морковкин (1970): Морковкин В.В. *Идеографические словари*. - Москва.
- Мягкова (1986): Мягкова Е.Ю. *Психолингвистическое исследование эмоциональной нагрузки слова*: Автореф...канд.филол.наук. Москва.
- Мягкова (2000): Мягкова Е.Ю. *Эмоционально-чувственный компонент значения слова: вопросы теории*. Автореферат докт.филол.наук. Москва.
- Новиков (1982): Новиков Л.А. *Семантика русского языка*. Москва.
- НРЛ 81 (1986): *Новое в русской лексике: Словарные материалы – 81*. Москва.

- НРЛ 82 (1986): *Новое в русской лексике: Словарные материалы – 82*. Москва.
- Павлова (1971): Павлова Н.М. *Эмоциональное значение в лексикографическом отражении: Автореферат канд. филол. наук*. Москва.
- Панасюк (1973) Панасюк А.Т. *Экспрессивная лексика современного русского языка: Автореферат канд. филол. наук*. Москва.
- Петрищева (1984): Петрищева Е.Ф. *Стилистически окрашенная лексика русского языка*. Москва.
- ПЛК (1967): *Пражский лингвистический кружок*. Москва.
- Полянский (1978): Полянский А.Н. *Категория интенсивности признака в русском языке: Автореферат канд. филол. наук*. Москва.
- Попова, Стернин (1984): Попова З.Д., Стернин И.А. *Лексическая система языка: Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы изучения*. Воронеж.
- Потебня (1860): Потебня А.А. *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Харьков.
- Потебня (1958): Потебня А.А. *Из записок по русской грамматике*. Москва. Т.1-2.
- Потебня (1999): Потебня А.А. *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. Москва.
- Практическая стилистика (1964): *Практическая стилистика русского языка: Лексика. Фразеология. Словообразование: Учебн. пособ. для иностранцев*. Ленинград.
- Протченко, Черемисина (1986): Протченко И.Ф., Черемисина Н.В. *Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного: динамика, экспрессия, экономия*. Москва.
- Родимкина (1980): Родимкина А.М. *Уменьшительно-оценочные существительные в современном русском языке: Автореферат канд. филол. наук*. Ленинград.
- Романов (1986): Романов А.Ю. *Особенности экспрессивно-разговорной лексики и её функционирование в произведениях советской прозы 80-х годов: Автореферат канд. филол. наук*. Ленинград.
- Рубинштейн (1976): Рубинштейн С.Л. *Проблемы общей психологии*. 2-е изд. Москва.
- Русская грамматика (1980): *Русская грамматика*. Москва.
- Русский язык (1979): *Русский язык: Энциклопедия*. Москва.
- РФЛС (1990): *Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь*. Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Москва.
- Салямон (1968): Салямон Л. *О физиологии эмоционально-эстетических процессов. // Содружество наук и тайны творчества*. Москва. Санкт-Петербург. С.16-25

- Сергеева (1977): Сергеева Л.А. К вопросу об оценочных прилагательных в современном русском языке // *Системные отношения в лексике и методы их изучения*. Уфа. 3: 87-93.
- Сергеева (1980): Сергеева Л.А. *Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке*: Автореферат канд. филол. наук. Саратов.
- Серебренникова (1983): Серебренникова А.Г. Коммуникативные свойства интонации и их учёт при обучении иностранцев русскому языку как средству общения // *Обучение иностранцев общению на русском языке. Теория и методика*. Ленинград. 64-68.
- Скворецкой (1974): Скворецкая Е.В. К вопросу о несвободном значении слова // *Актуальные проблемы лексикологии*: Сб.статей. Новосибирск. 47-48.
- Склярёвская (1978) Склярёвская Г.Н. Заметки о лексикографической стилистике // *Современность и словарь*: Сб.статей. Ленинград. 101-111.
- Слесарева (1977): Слесарева И.П. *Лексико-семантические группы в современном русском языке*: Автореферат канд. филол. наук. Москва.
- Слесарева (1980): Слесарева И.П. *Проблемы описания и преподавания русской лексики*. Москва.
- СМА (1994): Елистратов В.С. *Словарь московского аргота: материалы 1980-1994 г.* Москва.
- Смирницкий (1956): Смирницкий А.И. *Лексикология английского языка*. Москва.
- СО (1981): *Толковый словарь русского языка*. под ред. Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю. Москва.
- СРФ (2001): *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.. Санкт-Петербург.
- Степанов (1965): Степанов Ю.С. *Французская стилистика*. Москва.
- Стернин (1982): Стернин И.А. Компоненты значения и обучение лексике // *Русский язык для студентов-иностранцев*. Москва. 21: 31-39.
- Стернин (1985): Стернин И.А. *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж.
- СУ (1935-1940; 2000): *Толковый словарь русского языка* / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва.)
- Телия (1981): Телия В.Н. *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*. Москва.
- Телия (1986): Телия В.Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва.

- Телия (1991): Телия В.Н. *Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и прагматике. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности.* Москва.
- Телия (1996): *Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* Москва.
- Топоров (1995): Топоров В.Н. *Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического.* Москва.
- Трипольская (1983): Трипольская Т.А. О методике выявления коннотативных компонентов семантики экспрессивного слова (на материале существительных-характеристик лица русского языка) // *Экспрессивность лексики и фразеологии.* Новосибирск. 51-61.
- Трипольская (1985): Трипольская Т.А. *Семантическая структура экспрессивного слова и её лексикографическое описание (на материале эмоционально-оценочных существительных со значением лица): Автореферат канд. филол. наук.* Томск.
- Трипольская (1999): Трипольская Т.А. *Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты.* Новосибирск.
- ТСРЯ (1998): *Толковый словарь русского языка конца 20 века. Языковые изменения.* Под ред. Г.Н. Складчиковой. Санкт-Петербург.
- Фаминцев (1995) Фаминцев А.С. *Божества древних славян.* Санкт-Петербург.
- Фасмер (1973): Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка в 4 т.* Москва.
- Филин (1982): Филин Ф.П. *О лексико-семантических группах слов // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания.* Москва. 227-239.
- Фомина (1987): Фомина З.Е. *Категориальные и семантические типы эмоционально-оценочной лексики в лексической системе языка : (На материале рус. и нем. яз.).* Автореф. дис..канд.филол.наук. Саратов.
- Формановская (1982): Формановская Н.И. *Русский речевой этикет: лингвистические и методологические аспекты.* Москва.
- ФСРЛЯ (1995, 1991): *Фразеологический словарь русского литературного языка конца 18-20 века.* Под ред. А.И. Фёдорова. Москва. 1995. Новосибирск.
- ФСРЯ (1986): *Фразеологический словарь русского языка под редакцией А. И. Молоткова.* Москва.
- ФСФ (1995): *Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / Сост. А.И. Фёдоров.* Новосибирск.
- Харченко (1973): Харченко В.К. *Характеристика производных оценочных значений имён существительных в современном русском языке:* Автореферат канд. филол. наук. Ленинград.

- Харченко (1976): Харченко В.К. *Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова* // РЯШ. Москва. № 3, 66-72.
- Черемисина (1976): Черемисина М.И. *Образные значения зоонимов в словарях* // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. 5: 21-42.
- Черемисина, Рыжкина (1977): Черемисина М.И., Рыжкина О.А. *Экспрессивно-лексический фонд русского языка* // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск. 6: 3-24.
- Шанский (1972): Шанский Н.М. *Лексикология современного русского языка*. 2 изд. Москва.
- Шаховский (1980): Шаховский В.И. *Эмоционально-оценочно-образная потенция словарных знаков* // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Новосибирск. 9: 23-31.
- Шаховский (1983): Шаховский В.И. *Лексикография и коннотативная семантика* // *Лексические и грамматические компоненты в семантической структуре знака*. Воронеж. 27-34.
- Шейгал (1981): Шейгал Е.И. *Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Автореферат канд. филол. наук*. Москва.
- Шмелёв (1973): Шмелёв Д.Н. *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. Москва.
- Шмелёв (1977): Шмелёв Д.Н. *Русский язык в его функциональных разновидностях: К постановке проблемы*. Москва.
- Шрамм (1979): Шрамм А.Н. *Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка)*. Ленинград.
- ШСЖРП (2002): *Школьный словарь живых русских пословиц*. Мокиенко В.М., Зайнуддинов А.А., Селиверстова Е.И., Наумова Т.В., Якименко Н.Я., Ермолаева Ю.С. Москва. Санкт-Петербург.
- Щерба (1958): Щерба Л.В. *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Ленинград. Т. 1.
- Якобсон (1965): Якобсон Р. *Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами*. В кн.: *Новое в лингвистике*. IV. Москва.
- Якубинский (1986): Якубинский Л.П. *Избранные работы: Язык и его функционирование*. Москва.